

Ген. И. П. КОНОВОДОВ

КАЗАЧИЙ НАРОД

ЧАСТЬ 1

Издание
Казачье-Американского Народного Союза
Нью-Йорк, Н. И., США.
1965 год.

ген.И.Н.Коноводов.

КАЗАЧИЙ НАРОД

Часть 1.

Издание

Казачье-Американского Народного Союза

Нью-Йорк, Н.Й., С.Ш.А.

1965 г.

И.Н.КОНОВОДОВ

Все́м известно, что ни одному из историков не удалось написать Всеобщую Историю, охватывающую все народы земного шара. Попытка историка Моисея иудейского изложить Всемирную историю, оказалась лишь прообразами воображения и литературного творчества, в стиле сказки. Проникновенные писатели Давид и Соломон, а также пророки ничего о прошлой жизни народов не внесли новых откровений, ибо "Начало Начал" Вселенной "до времени" скрыто Великой тайной. Также и последующие историки, начиная с Геродота, считающегося "отцом истории", Страбона и др. дали исторические сведения, на основании данных предшественников прошлого: записей, сказаний, преданий, легенд, мифов, дополняя лишь фактами их времени. Таким образом, прошлое пополняется последующим, но это не значит, что их исследовательная работа-результат компиляции/переписывание чужих трудов/. Нет, записанное прошлое уже вошло в природу и стало самой природой, а поэтому последователей нельзя обвинять в своеобразном эгоизме использования трудов предшественников, - они берут уже от установившейся исторической природы, как из источника природной ключевой воды. Так и я, скромный публицист, а не историк, из ряда исторических фактов, описанных большими и средними историками античных времен и современных, беру их квинт-эссенцию и вырисовываю свой труд, приводя все известия и факты, обычно разрозненные, в систематическую стройность, в их хронологическом порядке от древности до современности, склонная благодарно свою голову перед могилами ушедших в иной мир.

Особенно благоговейное почитание возношу великому Византийскому императору Константину Багрянородному, который точно указал древнюю страну на Кавказе наших казачьих предков, под наименованием "КАЗАКІЯ". Глубоко благодарен историкам: персидским, арабским, во главе с Масуди, немецкому Шереру, французам: Лесюру, Мишелю Девису, англичанам Флетчеру, Кляпроту и др.; благодарен также в русском, не потерявшим свою совесть: Григорьеву, Устрялову, Соловьеву, Левшину, Радлову. Особенно память знаменитого языковеда академика Н.Я. Марра, доказавшего, что имя "Казак" определено на чистой основе "Каз" и что "Казехи" - предки Казаков, что подтверждают и современные археологи: Руденко, Тышневцев и др. С большим уважением отношусь к маститому археологу профессору М.А. Миллеру, осветившему духовный мир Востока, в эпоху великого переселения народов с Востока на Запад. Не забываю почитать и своих Донцов: А. Попова, Быкадорова, Буданова. Благодарен даже тем историкам Московии, пронизанным повинизмом и злыми чувствами крепостников, мечом отравленным носящих недостойными эпитетами свободолюбивый Казачий народ и тем освещающие ярко московский рабовладельческий мир, как контраст свободе Казаков. Имя их Забелин и поляк Броневский, изменивший своей родине Польше и ставший холопом Москвы.

Не смущаюсь перед гневом теней, ушедших в иной мир деспотов: князей, царей и духовных руководителей Московской Церкви за свою гражданскую смелость их воскрешения перед духовным взором читателей и, придерживаясь об-ективного сочетания исторического реализма и романтики прошлого, покажу в своем труде и своих, по происхождению Казаков, предателей. Да познают потомки Казачьего народа историческую Истину и Правду.

Франция.

Генерал И.Е. Коноводов.

Еще на скамье реального училища, изучая русскую историю, имея почти всегда пятерки, я, однако, недоумевал: почему же в средне-учебных заведениях не преподают и Казачью историю. Долго я боролся с соблазном, но, наконец, спросил преподавателя истории москвича о этом. Он, мило улыбаясь, как первому ученику, сказал: "да зачем это какая-то отдельная Казачья история, - ведь казаки есть русские люди, а русским людям нужна правдивая русская история величайшей Российской империи. А что казаков называли казаками, так это по их военному сословию, как и у русских есть сословия: драгун, улан, гусар, гвардейцев... Опечаленный я отошел от этого московского "просветителя".

Приехав на каникулы в имение своего родного деда, родившегося в 1809 году - Кавказского война, прекрасно грамотного, много видевшего на своем веку, и он раз, яснил мне, что Казачья История строго запрещена правительством, что ему приходилось встречаться с Войсковым Старшиной В. Сухоруковым, в ставке генерала Паскевича на Кавказе, что историк Сухоруков, казак с высшим образованием, написал историю Донского Войска, но ее арестовали, самого Сухорукова выслали на Кавказ в армию под надзор. С Кавказа его гоняли в Финляндию, на Турецкий фронт, затем опять на Кавказ, и до тех пор гоняли, пока он и умер, вдали от родного Дона, куда везд ему был строго воспрещен.

После этого в мою душу воцарилась какая-то заноза; временами она затихала радостью надежд юных лет, то вновь давала чувствовать свои уколы.

В 1904 году мне пришлось быть юнкером на традиционном торжестве, в городе ЧЕРКАССКЕ, по случаю ежегодных воспоминаний о грандиозных сражениях Казаков с Турками за обладание крепостью Азова. После великолепного парада и торжественного молебна в Соборе, собравшиеся казаки низовых станиц разместились не в самом старом городе, а на зеленом лугу, на берегу Дона, в раскинутых палатках и около расставленных широко столов, и Тихий Дон загулял, - старинные песни понеслись по Дону...

На следующий день я посетил Собор. Он был открыт, молящихся еще не было, в ожидании панихиды. Ктитор Собора показал мне достопримечательности его. Меня поразили великолепные иконы греческого старинного письма, хранящиеся в специальных застекленных столах. Таких драгоценностей: бриллиантов, алмазов, сапфиров, рубинов и др. драгоценных камней, в таком громадном количестве окаймлявших эти иконы-жертвы казаков в веках, я не видел впоследствии ни в Петербурге, ни в Москве, а только в Соборе Лурде во Франции.

Выходя из зала Собора, я увидел в притворе Собора глубокого старика, который стоял, обратившись к стене и что-то шептал и крестился. Мне это показалось странным и я, остановившись около старика, почтительно спросил: "дорогой дедушка, что же это Вы стоите около стены одинокий и молитесь, а не в самом Соборе?" Он как-то вздрогнув, повернул ко мне свое светлое лицо, обрамленное белой бородой патриарха, глаза его загорелись радостным блеском, как бы перед каким то светлым видением, обнял мою голову и ласково заговорил: "скоро начнется панихида по убиенным великим Атаманам и Казакам героям Азова, а вот по самому то из всех великих Атаману, панихида запрещена", и он указал пальцем на низ стены, где была вделана зацементированная громадная цепь; "вот здесь то прикован был орел Дона", глухо с рыданиями в голосе продолжал старик и замолк; затем он истово осенил себя крестным знаменем, стал на колени и благоговейно поцеловал цепь. Меня это поразило и какая то дрожь пробежала по телу, мелькнула мысль: сумасшедший... Но лицо его горело таким осянным вдохновенным взором своих чудных ласково-грустных глаз, из которых сочились слезы, как те бриллианты, которые я только что видел на иконах, что я схватил руку старика и жалостливо спросил: "дедушка, почему же ты плачешь, дорогой!" Он дрожащим голосом ответил: "я целовал эту цепь, как Казачью святыню, к ней был прикован знаменитый во всей Истории Донской Атаман Степан

Тимофеевич Разин, который твердо стоял за Свободу Казачьего народа и хотел, жертвуя собой, освободить и русский народ из рабства царей, но своими же казаками Иудами был предан, и этой казачьей гордости, апостолу святой Свободы, в Москве отрубили голову, чтобы затем превратить и свободолюбивый Казачий народ в рабов. Целуй же и ты, дорогой сынок, эту цепь-святыню и таким образом мы совершим панихиду. В каком то лихорадочном состоянии я склонился и поцеловал цепь...

В притвор входили стройным шагом, во главе с есаулом Н.А.Красновым-любимцем юнкеров-мои по классу товарищи, а за ними священник с хором, старые и молодые казаки, казачки, дети. Панихида началась...

Долго носила меня судьба: по стогнам России, Польше, Румынии, Болгарии, на Карпатах, в Эстонии, Литве, на Кавказе, в 1913 году и начале 1914 г. побывал в Германии, изучая и этот трудолюбивый народ, удивительного порядка, народной дисциплины, поразительной чистоты не только в домах, но и на улицах я не видел даже случайно брошенной бумажки; чувствовалась в народной массе гордость своим благоустройством и гражданским достоинством, а также любовь к Родине до самопожертвования. Был неоднократно в Петербурге и Москве, где поразило меня яркое разслоение народа на высших надменных и низших, рабски склоняющих свои головы. И везде и всюду за мной как тень следовала цепь Атамана Разина. Она явилась в моей судьбе, как Альфа и Омега, как жизненный университет историко-филологического факультета. Во время всеобщей конской перепiski я обехал почти всю Рязанскую губернию, и передомной кошмарной пеленой разстилалась деревня, ее ужасающая нищета, грязь, душевная и физическая скверна, рабство, жестокость и низость, жадность, неслыханное равнодушие брата к брату, мужика к мужику. Но на этом фоне человеческого ада, однако, выступали одинокие отдельные образы такого страдания, такой праведности, такой бесконечной боли, и сквозь поруганную оскверненную человечность все же светился огонек оправдания Добра и какой-то святости души. И те случаи смерти от голода и мороза, про которые согревшие и насыщенные читали в газетах, были в деревне обычным явлением, не вызвали у многих чувства сострадания, а они ведь были живые факты, именно от голода, в самом буквальном смысле этого страшного слова. Мне приходилось видеть таких бедных старух, брошенных сыновьями на произвол судьбы, они всю жизнь недоедавшие, давно уже сухие, тощие мумии смиренно умирали.. Их было много, неблагоприятной Землей забытых людей. И когда все это видишь Зло сверху и горе снизу, то не только беспредельную жалость чувствуешь, но болит сердце, болит совесть...

В пору юности, пусть наивной, но искренней, когда души людей вообще светлы, когда на прозрачных помыслах не успевают еще осесть копоть и пыль житейской изменности, когда при условии низкого уровня эстетической культуры общественности, то порой возникает в душе требование к истории прошлого найти страду, что она дала, чем укрепила жизнь людей в их естественном стремлении хотя бы к элементарному счастью, какое наметила просветы в перспективе. И когда прочитаешь русскую историю, заполненную убийствами князей друг друга, военными грабительскими предприятиями, прославлением "великих деяний" князей и царей, главным образом проявляемых в порабощении других народов, то в этой крошечной тьме видишь только черные лики царей и немного спрашиваешь, а где же Народ?, ибо его в истории не видно абсолютно: чем он жил, радовался ли под "скипетром" или рыдал, был ли горд или апатичен, пытался ли в труде найти успокоение или был ленив, поднимался ли на высоту патриотической жертвенности или падал в духовном безсилии, понимал ли красоту свободной жизни и человеческого достоинства, пытался ли закрепить этот идеал или пассивно предоставлял право сильным увеличивать планетарное рабство, молился ли он или богохульствовал, оставлял ли или рабски смирялся???

Ответа на эти волнующие душу вопросы во всей русской истории нет. И

создается, что этот закамуфлированный народ, как будто, совестился золотых лучей Солнца, ароматов дивных цветов, не замечал великого факта прекрасной природы, не знал личного счастья и как бы отнимал от других, но и у себя право на самих себя, на свою долю земного пиршества, когда не умеют и не смеют быть счастливыми и свободными, тогда естественно и к свободному творчеству не будут они иметь доступа и никто из них не станет вольным творцом культуры.

И когда вспоминаешь и своих юных друзей, близких по уму и сердцу, как они "безумно" мучительно хотели личного счастья, прекрасных черт молодого лица, женской ласки, слез любви. Чувства радости манили их и они украдкой заглядывались на красоту Божьего Мира, на развешивающийся кругом прекрасную панораму родных полей, но в определенном настроении воспитанная мысль, в атмосфере политического гнета свыше, а также ложная совесть, подобная ложному стыду, толкала эту чудную, пронизанную вольностью молодежь, в тесную "российскую" казарму, требовала отречься от счастья и презрением клеймить перки сытых людей, променявших туманы и холод ненастья на блеск властных лучей.

И вот эти линии света и тьмы тянутся чередуясь на протяжении тысячелетия истории и искры Света все более и более гаснут...

В творчестве каждого писателя неизбежным элементом входит естественная любовь к людям, - к тем самым людям, которые в той или иной форме составляют государство и конечную цель исторического изображения. Однако, у великих талантов эпоса и драмы, она является сокровенным корнем: они как бы стыдливо охраняют ее от чужих взоров, и в своем произведении жизни похожи на природу, которая "добро и злу принимает равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева". И это, что они создали пробуждает в нас доброе чувство. Но этот внутренний свет любви и добра к людям они зажигают как бы бессознательно, и он горит у них так, что источник его остается невидим.

В произведениях же историков Московии не только фигуры озаряют светом рабовладельчества, но и прямолинейно обнаруживают откуда идут монотонные злые лучи этого страшного сияния, - т.е. всякий раз откровенно и явственно показывают нам свои мало-приветливые души, очарованные подарками династий. Живого человека, как земную движущую силу, в его обыденной жизни и в пылу даже сражений у этих историков трудно найти. Обрисованы лишь князья, цари, полководцы, да барабанный бой с лозунгом: "гром победы раздавайся, веселися храбрый росс". А этот затурканный, загипнотизированный властью и побоями "росс", не знает даже элементарной истины: за что он умирает, оставляя жену и детей голодать. В такой исторической "литературе" нет воздуха, не чувствуется дыхания Космоса и перед нами, на пространстве Московии, правители заботятся исключительно о собственных специфических делах захвата им непринадлежащего, заглушения национальных чувств других народов и насилия над ними, не дорожа абсолютно своей загадочной связью с Вселенной. Как ни широка сама по себе сфера человеческих страстей и страданий, но в сравнении с тем, что ее окружает, она кажется мелкой, замыкаясь в своем эгоизме.

Для того, чтобы мы, люди, были свободны от этого упрека и себялюбия, необходимо царство наших людских интересов показывать в его существе и вечной основе и приводить его в соприкосновение с другими областями Мировой жизни, идущей по пути обще-человеческого идеала. Такого метода мышления у историков Московии не найти, ибо они-крепостники-этот метод считают ересью.

И только великий писатель немецкого происхождения Лев Толстой пытался вскрыть этот зловещий народ, в своих лучших произведениях: "Казак" и "Война и Мир", но московскую рабовладельческую стихию не победил. Она остается несокрушимой до сегодняшнего дня. Не пронизали эту стену "тюрмы народов" ни великий африканец Пушкин, ни шотландец Лермонтов, ни белорусско-Дос-

товский, ни украинец Гоголь.

Стоит тюрьма, как неприступная крепость и шарахаются в испуге от нее народы Европы и Азии...

И, вот, все это виденное, прочитанное, подкрепленное долгим житейским опытом, заставило меня на склоне лет, перед близким уже полетом в иной Мир, отрываясь от прекрасной Земли, поведать родным Казакам, в особенности светлой молодежи, свой труд о "Казачьем Народе".

Да услышит она, дорогая молодежь, символический звон цепи Атамана Степана Разина!

Декабрь 1964 года.

Генерал И.Н. Коноводов, бывший Депутат
Донского Войскового Круга/Парламен-
та и Начальник 8-й Донской Казачьей
дивизии.

БИОГРАФИЯ АВТОРА.

Генерал Иван Никитич Коноводов родился 19 октября 1884 года, в хуторе Беленском/древний городок у подножия Донецкого края, на берегу р. Северского Донца-район станицы Гундоровской/. Окончив 5 классов Гундоровского училища, поступил в 4-й класс Каменского реального училища. Однако, отсутствие средств у родителей, кои расходовались на содержание старшего брата Якова в учительском институте г. Белгорода, вынудили И.Н. оставить реальное училище, при переходе уже в 5-й класс и помогать отцу в хозяйстве. Однако, И.Н. занялся самообразованием, и каждое воскресенье, праздники Рождества Христова, Пасхи и др. просиживал за книгами. На каникулы приезжал его брат Яков и восполнял его знания, так что за 5-й класс реального училища автор выдержал экстерно. Таким же манером выдержал он и за 6-й класс, но уже через год. Для увеличения бюджета отца, И.Н. работал на шахтах Гундоровского района с конем, получая один рубль в день/тогда большие деньги/.

В 1904 г. в станицу Каменскую прибыл Начальник Новочеркасского военного училища полковник Каледин. Он очень уважал деда И.Н. за то, что он учил отца Каледина на Кавказе и помог ему выдвинуться в офицеры. И вот Каледин и уговорил деда обоих братьев отдать в его распоряжение. И братья Коноводовы стали военными.

В 1908 г. И.Н. вышел в 3-й Донской казачий, Ермака Тимофеевича, полк, и на втором году получил орден Св. Станислава 3-й степени.

В 1913 и частично 1914 г.г., обладая большой зрительной памятью, был командирован в Германию для исследования границ Австрии и Германии по р. Эльбе.

В 1914 г. вышел на войну. Командовал сотней. В 1917 г. был помощником командира полка по хозяйственной части 20 полка, который и избрал его депутатом в Большой Донской Круг/Парламент/. С опасностью для жизни, когда бушевали московские/"русские"/рабы, выполнил поручение Донского Атамана ген. А.М. Каледина, потребовавшего 3-ю Донскую дивизию на Дон. С успехом провел И.Н. передовые эшелоны дивизии до ст. Усть-Медведевской через опасные места: Александровск-Царицын.

В 1917 г. был И.Н. всенародно избран командиром Донского Гундоровского революционного полка. Слово "революционного" послужило основанием получить некоторое количество винтовок от революционного комитета ст. Каменской. В последних числах января 1918 г. И.Н. поднял восстание против русских коммунистов. Бои шли почти непрерывно. Но с севера наступала армия Антонова-Овсеенко, а с запада армия прапорщика Саблина и Ворошилова. Пришлось бросить ст. Гундоровскую и полк перевезти за Донец. Послана была делегация к немцам, и при их помощи весь Донецкий Округ был очищен. В мае 1918 г. И.Н. Коноводов был избран депутатом в Круг Спасения Дона, командуя одновременно своим родным полком, который за высочайшую доблесть Верховным Кругом был пожалован званием "Георгиевский". В 1918 году, в конце был назначен командиром 6-й Донской пешей бригады, а в 1919 г. начальником 8-й Донской дивизии.

За время войны с Московскими гуннами/"русскими"/, был три раза ранен и тяжело контужен всей левой частью тела. За все военные деяния был пожалован орденами: Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 3 ст., Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Анны 4-й ст. за храбрость, Св. Владимира 4 ст., Св. Владимира 3 ст., на шею и Св. Станислава 1 ст. Был представлен к Св. Анны 1 ст., но было уже поздно-заграничных представлений И.Н. не принял и своего в чин генерал-лейтенанта производства тоже, дважды от него отказывался, при Атамане П.Н. Краснове, когда ген. И.Н. Коноводовым была выведена дивизия из окружения около Борисоглебска, тяжело раненным в грудь двумя пулями и при Атамане А.П. Богаевском на Лемносе.

КНОСТЬ КАЗАКА.

Многие из нас уже забыли какой вид имели для нас люди, вещи, вся обстановка жизни на заре нашего сознания; когда младенцу, появившемуся по воле Провидения, все окружающее его представлялось миром чудес.

Мы, ведь, знали сперва один только четырехугольник своей детской, где за сундуком было много вещей: катушки от ниток, бумажки, коробки без крышек, тряпки, крыло от гуся, которым стиралась пыль. Мама наша казалась нам какой-то интересной куклой,двигающейся по комнате; бегущая по комнате игривая черненькая кошка похожа была на шубу папы, если бы только у губы были глаза и хвост. Нам казалось, что мама одевает нас, кормит, укладывает спать, и это понятно, но для чего существует папа-неизвестно? Он то надолго уходит, то приходит, что-то говорит на плохо понятном языке; от него всегда веет свежестью.

А за окном, на улице много пап, мам, тетей, бабушек и седоватых дедов, лошадей, коров, собачек, которые крикливо что-то говорят. Для детей весь Мир обращается в сплошную детскую. Мы теперь даже представить не можем всего: кругом нас-известное, старое, примелькавшееся-дворы, лошади, повозки, коровы, собаки, люди, сады, луга с тополями, поля, хутора, станицы, города. А когда то все краски бытия были свежи, все было новое, все было первое. Как далеки мы ныне от первого, исчезнувшей поры милого, дорогого, незабвенного, пленительного детства! И когда мы извлекаем из обильных слоев, накопленных за жизнь впечатлений, тогда новым светом загорается все поблекшее, и перед нами встает очаровательный детский образ.

Как эти ребята так естественны в наивности своих разговоров, в этой смене интересов, блещущих неожиданными вопросами и переходами, иногда комически серьезными, или серьезно шепчущими душу откликами детского плача и несчастья.

Ребенок повинуется течению собственных мыслей, своему внутреннему миру и образует этим какой-то контраст с увещаниями папы, мамы, бабушки-воспитателей. Детская радость и детское горе одинаково находят в наших сердцах мягкие и нежные краски для их обяснений.

Эти маленькие существа образуют свое отдельное самобытное царство, они живут как бы в особой нравственной части света. Мы на них уже не похожи; многого в нас они не понимают. Мы над ними возвысились своей опытной душой, своим взрослым умом, и оттого наше отношение к ним подернуто дымкой нежного смешливого юмора.

Однако, населяя особую детскую республику со всей окружающей средой, они в то же время-и мы сами; они-наше прошлое, и в них растет наше будущее.

Мы были ими, и они станут нами. Оттого и производит такое своеобразное впечатление зрелище детей, эта республика, или, вернее, анархия малышей: они одновременно и кровно близки нам, и далеки по мирозерцанию от нас, именно эта игра на близком и далеком, создает забавные и чарующие эффекты детской.

Наши дети-"кудрявые дети", это-мы. Нельзя этого не сознавать тому, кто любит детей.

И можно ли наказывать за палость мальчика, когда он касается своей детской волос отца, и на душе у последнего становится тепло и мягко, так мягко, как будто не одни руки, а вся душа его лежит на теплой куртке мальчика.

Так дети умиляюще и тепло действуют на всякого, кто смотрит на них с высоты своего взрослого роста, своей долгой жизни, обманувшей и обидевшей.

Миниатюрные люди, впрочем, делят грандиозные замыслы. Проникнувшись Майн-Ридом, они собираются в "Америку" и уже они не Вани, не Пети, а "бледно-

лице братья, или Монтигомы-ястребиные когти, вожди непобедимых". И они двинулись бы в поход, добывая пропитание охотой и... грабежом, но жалко оставлять маму.

У человеческих миниатюр нет еще наших волнений, наших чувств то возвышенных, то пониженных, но скоро они проснутся от мечты, чтобы понять окружающую их жизнь. Ребенок доверчив к Миру и поэтому к нему родителям нужно относиться мягко и вдумчиво, направляя его шаги, еще неуверенные, по пути доблестных свободолюбивых предков.

В доме, куда его не посетило несчастье, бегают ребятки: причесанные, умытые, веселые и глубоко убежденные в том, что на этом свете все обстоит благополучно и так будет продолжаться без конца, стоит только по утрам и ложась спать молиться Богу. И бедные дети усердно молятся Ему и с благоговением входят в церковь, где Он живет. Если там, при всем стремлении к серьезности, их не покидают палочливые и грешные мысли, то они в этом неповинны и во всяком случае свою вину искупают самым искренним раскаянием.

На страстной неделе они идут в церковь на исповедь. Но по дороге они видят дерущихся мальчишек и им тоже хотелось бы вступить в схватку, но, вспоминая проповедь священника: "любить других, как самого себя", они сдерживают порыв воинственный и начинают считать дерущихся великими грешниками и, что их нечистые духи схватят и потащат в огонь вечный. Но, если они будут слушаться родителей и подавать нищим копейки или бублики, то Бог сжалятся над ними и пустит их в рай...

Бог пустит детей в рай не за копейки или бублики, а за то, что душа ребенка, несмотря на свои наивные помыслы, чуткостью своей поднимается на самые высоты религиозного настроения.

Он переживает нечто глубокое. Ему, прежде всего, бросается в глаза большое распятие, а по сторонам Его Божья Мать и Иоанн Богослов. Богородица и любимый ученик Христа молча глядят на невыносимые страдания Распятого и, мальчик чувствует, что он не может им помочь ни словом, ни делом, что он способен только на шалости и это глубоко волнует малыша и он видит, что Богоматерь и ученик Христа тоже жалкие и одинокие и нет вокруг, кто бы их утешил, и он не чувствует как по его розовым щекам струятся капли серебристых, теплых, солоноватых слез...

Зато, как умиляет душу ребенка Исповедь!

Каждому из малышей хочется поскорее очиститься от грехов и поэтому у занавески преобразовалась пробка. Всем желательно попасть первым. И вот первого, который упорно держит свое место, - второй оттягивает его за полосу, первый оборачивается к обидчику и бьет того свечей по голове. С минуты слышится треск свечей. Но, вот, кто-то кричит: "дети, не шумите!" Битва у "рая" стихает, лишь слышны пыхтения бывших бойцов. На исповеди многого не понимают мальчишки от волнения, на вопросы священника отвечают искренне, не своим, а каким то чужим голосом, вспоминают одинокую Богородицу и свою маму и им хочется плакать и просить прощение...

Ужинать в этот вечер нельзя: завтра причащение, и хотя мальчик и закрывает глаза, мечтая, как бы хорошо было бы претерпеть мучения от какого либо Ирода, жить в пустыне, питаясь акридами, но перед этим хотя бы скушать один пирожок с кислой капустой...

Но доверчивость ребенка к жизни скоро начинает колебаться. С невыразимой печалью нужно отметить то горькое недоумение, какое испытывает ребенок при столкновении с пошлостью и жестокостью взрослых людей, с трагизмом Судьбы. Мучительно видеть, как происходит неумолимое искажение "малых сих". Неотразимое пошлое влияние гнетет их и искра Божья гаснет в их сердцах и они сплошь и рядом вырастают в отравленной среде и пополняют собою провинциальную толпу человечества.

Жизнь виновата перед детьми. Она туманит эти чистые кристаллы. На них дунула жизнь, что в ней есть злоецего. И загорятся ли в их молодых серд-

цах прежние, ясные, нескромные огоньки? Да! Если их родители окажутся достойными своего высокого назначения!

Мальчик, рожденный от казака, помнит ярко незабвенную сцену, когда отец, с ликующим лицом, впервые посадил его на коня. Радости, восхищению не было конца. Он цепко ухватился за гриву, когда отец стал проводить коня по двору, сперва шагом, а затем легкой рысью. Соживая сына на землю, отец торжественно сказал: "будь казаком!" Что такое Казак? — в юной голове не укладывалось, но должно быть Казаком — это что то величественное, и мальчик бежит к седенькому дедушке, который все видит и все знает и тот рассказывает внуку о былом Казачьем народе.

Вдумчивые, впечатлительные и любознательные дети, если им рассказывать родную казачью историю, как сказку, запоминают до деталей все услышанное на всю свою жизнь.

В школе, на большой перемене, когда детвора, рассыпавшись по двору веселиться разнообразными играми, какие то дерзкие мальчики, видя ловкость в движениях казачат и завидуя им, кричат: "да вы, ведь, не казаки, а русские холопы". Таких обычно окружают, тормошат, требуя ответа, что такое "холопы"? Те, обычно струсив, все же говорят: "а вы спросите учителя и он вам скажет, а мы говорим правду. Толпа возбужденных казачат движется к учительской. На вопрос их, учитель русского происхождения, обычно обьявляет, что казаки действительно бежали от русских самовольно, украдкой, а слово "холоп" — слуга-работник плохого поведения, что некоторые "холопы" были вроде разбойников. "Тогда казачата кричат: "так зачем же вы-русский приехали к разбойникам? Казаки работают больше русских лентяев и среди нас не было и нет разбойников!" Учитель, грозя, что за поведение он поставит тройку вместо пятерки, уходит и затворяется в учительской, где слышен спор казачьих и русского учителей.

После таких инцидентов, игра во дворе принимает своеобразный характер — расслоения на группы, дразнящие друг друга. Так, русские кричат на казачат: "Эй, вы-Чига востропузая/Чиги-народ кавказского происхождения/", а казачата отвечают: "Эй! лапти с подковырками и грязными дырками/лапти из дребесины Липы, заменяют у русских ботинки/". Некоторые украинские дети принимали участие по стороне русских, а потому и они получали свое.

Таким образом, в школе со смешанным населением, пробуждались национальные чувства по группам.

На этой почве происходили в праздничные дни ожесточенные драки, и станичной администрации приходилось разбирать дела "боевых сражений", когда в результате оказывались искалеченные.

Но, вот, наступили, наконец, тихие летние ночи. Казачата любили ту природу бесконечных родных полей и те часы, когда накануне Праздника собираются отдыхать и поле, и сады, и солнце, — отдыхать, быть может молиться. А казачата и не думают отдыхать — у них свои планы. Накануне избранный "Походный Атаман" обьявил приказ казачатам хутора к вечеру собираться на выгоне, чтобы всем двинуться в поход в "ночное" — пасти утомленных за неделю верных казаку друзей-коней. Каким чувством восторгов бились юные сердца при этих оборах: наспех в сумках клалась снедь, главным образом, хлеб, сало, шено. Ведь вкусней полевой каши с салом, на свежем воздухе, приправленной разболтанными яйцами, нет в мире другой пищи.

Пункт "ночного", обычно держался в большом секрете. Знал это только лишь один "Атаман", да подручный ему "есаул". Шум и разговоры, впредь до приезда до желательного участка, строго воспрещались, чтобы кто не узнал в каком направлении пошла колонна. Обычно даже избегали дорог. Ехали на неоседланных конях по траве тихо, безшумно, ориентируясь по звездам.

Ночью мир являет иное зрелище. Ночью мир не похож на дневной. Тогда спадает с него денная как бы одежда, и он становится глубже и таинственнее; вместе со звездами ярче и чище загораются огоньки человеческих сердец, —

ведь настоящая, самая интересная жизнь у каждого проходит под покровом тайны, хотя бы в мечтах даже, под покровом ночи. Ночью Земля принимает загадочные очертания, и все будничные предметы дупа одевает в идеальные покровы. Далекие огни в поле напоминают лагерь филистимлян; мнятся на буграх и курганах мифические великаны в панцях, египетские колесницы, запряженные шестерками диких, бешеных коней. В сознании чередуются рисунки и сцены из священной истории. Сближаются, как будто, настоящее и прошлое. Одинокий огонь костра бросает свой мистический свет на далекое, на ушедшее в былое; воскресается памятная Миру ночь в Гефсиманском саду. Тихий-тихий, темно-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания Петра, трижды отречьегося от Христа...

Вокруг костра сидит будущая красота Казачьего народа и она слышит пение петуха в ближайшем хуторе. Бодрые, песенные, пылкие. Ведутся рассказы, слышанные от дедов; на память приходят степные легенды, все пленительные грезы, которыми живет весь мир и дышит ими, все прекрасные сказки бытия. И тогда, в глубоком голубом Небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, летящей неизвестно куда и зачем чудилось казачатам торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни. Ведь мистика ночи охватывает все живущее на широких полях и очаровывает как колдовство.

И, вдруг, команда Атамана: "по коням!" Бегут казачата опроретью к стреноженным коням, ухватившись за гриву взлетают на коней. И вот мчится как ураган по полю батага добрых молодцев, только ветер свистит в ушах, да шумит под ногами коней трава, как плещущее море. Несутся все за Атаманом в район ближайших хуторов, где по слухам, расположены большие площади бахчей с вкусными сладкими, как мед, арбузами и дынями.

Приблизившись к пункту военных операций, "войско" спешивалось, обычно в долине, оставляли коней на попечение коноводов по три коня на человека, остальные пешком рассыпались длинной по фронту лавой. Вел их сам Атаман впереди, который строго следил за тем, чтобы "воины" собирали в торбы арбузы с тех участков бахчи, которые были повире других-побогаче. Небольшие участки не подвергались "реквизиции", чтобы таким образом не обидеть быть может какую-либо бедную вдову. Обычно участки размежовывались линиями посаженных высоких подсолнухов, которые и давали возможность ориентировки.

Обычно на большом пространстве бахчей сидел старый столетний дед, помнящий царя Гороха и египетскую царицу Клеопатру, который давно уже потерял слух. Правда, у него хранился самопал турецких войн, и он даже стрелял горохом, не причиняя никому вреда. Да разве услышишь казаченка, когда он подползает "на пузе", подобно конки.

Но, вот, послышался глуховатый крик совы, - это Атаман подает знак лаве отходить к коноводам с тяжелыми торбами.

В самосознании не только ребят, но и во всем казачьем населении эти "походы" не считались воровством или грабежом, а наоборот молодечеством и удальством.

Ведь площади одних бахчей в Казачьей Земле, равнялись площади Бельгии и Голландии вместе взятых. Обилие арбузов и дынь, а также гарбузов/кабаков, тыкв/было колоссальное. Излишки шли на корм лошадей, коров, свиней. Продавать было некому, разве только приедет какой-либо москвит/"русский"/и, купив целую арбу за бесценнок, отправляет арбузы в города по железной дороге.

Только одни Кубанские казаки оказывались более рачительными: в громадных котлах за станицей варили арбузный мед, называемый "нардек". Донцы же любили арбузы засаливать в капусте, в громадных бочках. Соленый арбуз, при веселиях на праздниках Рождества и Масленицы, когда подка лилась рекой, считался деликатесом, отрезвляющей закуской, ибо кислота, соединяясь химически с алкоголем, дает в результате воду.

Прибывши на стоянку ночлега, казачата принимались за утоление своей жажды от волнений при "реквизиции" и скачки. При этом один арбуз с, едался всадником, другой же отдавался коню-соучастнику. При этом интересно отметить, что какая бы конная колонна малышей или взрослых, при секретных походах, своими инстинктами сливались воедино: конь и казак. Каждый казачий конь внутренне понимал, что необходимо сохранять тайну и не дать внешне-му "врагу" возможности услышать под, ездающих казаков, а поэтому ни один конь не позволит себе, например, заржать, но даже пырнуть.

Утоливши жажду, казачата ложатся в повалку на траву и чудеснейший сон охватывает их утомленные тела. Вокруг стана выставляются на все четыре стороны часовые. И Боже спаси часовому заснуть, ибо бывали случаи нападения волка или конокрадов, обычно цыган или иногородних/москвиты-"русские"/. Пойманного конокрада избивали смертельно, без суда и следствия. Заснувшего часового, по суду всего майдана, секли хворостиной, причем экзекутор предупреждал, что если наказываемый позволит себе плакать, стонать или кричать от боли, то порция ударов увеличивалась. Но самое страшное моральное наказание, - оставить обвиняемого "без суда". Тогда каждый казаченок в общественных местах, в играх с девочками имел право издеваться, глумиться над таковым. Обычно изолированный страдал, морально мучился, худел, плохо учился. За таковым зорко наблюдал Атаман, выдерживая искус. После одного-двух месяцев бедного мальчика, превратившегося в "замухрышку", принимали в лоно радости и веселия.

Непробудно спят ребятки. Но, вот, звучит голос Атамана: "Встать!" Протирая заспанные глаза, умытые утренней росой, вскакивают, готовые исполнить повеление Атамана: "Стройся в две шеренги!" - слышится команда.

Обращенные на Восток, эта сплошная духовная красота, дружно подхватывает своими соловьиными голосами запевалу и звучная молитва: "Отче наш" несетя по полю. А из-за горизонта показывается величественное чудо Солнце-пробораз Бога!

Так воспитывалась молодая сила Казачьего народа!

Ангел хранитель детей, ведет их по жизни, сияющих от радости и надежды, но сам Он имеет лицо печальное и задумчивое: Он знает то, что до времени скрыто от детей.

И новейшая история Москвы, больнее всего сделавшая именно детям, своею окровавленной колесницей порежавшая через них, трагически показала, что неисцелимой печалью своих сердец Казачий народ не искупил страданий детей, и совсем, совсем не открылась перед казачатами тихая, бодрая, радостная свободная жизнь: исторический раб Москвы стал временным господином свободных Земель Казачьего народа и лишь за то, что казаки не раз, а много раз спасали эту кровавую Москву и ее одичавший народ от полной гибели.

В приходских школах казачата усваивали "учебу" прилежно, старательно, заботясь о том, чтобы к концу года получить похвальный лист. Интерес ребят, главным образом, сосредотачивался на том, чтобы бойко читать и красиво писать.

Окончив приходскую школу, часть казачат переходили в двухклассное училище, состоящее из пяти классов. Но это не всем удавалось, ибо эти училища располагались в станицах; отправлять детей в далеко стоящую станицу из хуторов, было для многих семейств не по силам, ибо это потребовало бы обязательства нанять пансион у станичных жителей, а экономическое состояние хуторян, по мере развития реакции царского самодержавия, шло быстрым темпом к бедственному положению: прирезок земли для хлебопашества все уменьшался, а справлять сыновей на военную службу за собственный счет, покупать дорого стоящих коней, обмундирование, снаряжение, как то шапку, пику, добротные блестящие сапоги для "смотрa" и обмундированного употребления, 2-3 смены белья, до ниток и иголок вкл., красивую фуражку и меховую папаху, - все это поглощало и без того бедный бюджет казака. А жажда знания все более и бо-

лее охватывало казачат, и бедные дети, особенно бедных родителей, за неимением бумаги и карандашей, под руководством своих сверстников, посещающих школу, выводили пальцем буквы, лежа на животе, по песку, а зимой по снегу. Для девочек женских школ не существовало, привилегией в этом отношении было лишь для девочек духовенства/епархиальные школы/и дворянства-закрты институты; откуда выходили сплошь и рядом духовно извращенные красивые куклы, неспособные к практической жизни. Выйти замуж за простого казака считалось позором, хотя бы он и был состоятельным. Жизненной же задачей для простой казачки было: работать до изнеможения в поле, ибо муж на военной службе; работать дома по уходу за хозяйством: корова, свинья, птица, огород, приготовление пищи для детей, оббивать их, обмывать, воспитывать в Духе Божества, украшать свой дом, побелить внутри и снаружи и так его представить, чтобы не было хуже других соседок, - в этом отношении было среди поголовно чистоплотных казачек, до известной степени соревнование. Не забывала казачка и свой красивый сад с сочными фруктами: сладкой вишней, сливой, яблоками и т.п. Бежит она туда: кое-что нужно исправить, то колья пошатнулись, то стена разваливается, то свиньи прорвали плетень.

Наблюдая за казачкой, диву даешься: когда она успевает все это сделать: ловкая, гибкая, сильная носится она по своему царству и удивительно-веселая и бодрая от сознания, что она принадлежит к благородному древнему казачьему роду.

А выйдешь в поле, все оно покрыто в разноцветных платьях казачками, и тут даже казачка, хотя и бедно, но издалека одета. Лицо она сохраняет от загара солнца, прикрывая его вуалью, смазывая лицо кремом из сметаны. Красота лица, чистота тела это-ритуал казачки.

И вот, работала, как мужчина, сплошь и рядом одна, естественно возникают мысли о любви, о ласке и раздаётся соловьиная песнь: "кругом, кругом я осиротела, кругом осталась сирота, все счастье с милым улетело и не возвратится назад..." Песню подхватывает соседка, за ней другая и все поле, на далеком пространстве, звучит аккордами прекрасных, грудных голосов, и в этих пленительных звуках душа изливает всю женскую скорбь, как молитву о даровании духовных и физических сил для самого дорогого-воспитание родных детей.

А дети? - Рвутся к науке, а она, как клад в поле, недосыгаема. Средних школ мало, а высших и совсем нет. По распоряжению царского русского Правительства открываемые гимназии, на казачий счет, сплошь и рядом закрываются, заменяя их четырехклассными городскими училищами в окружных станицах, а главным образом, военно-ремесленными для снабжения казаков, выходящих на службу почти поголовно, обмундированием и снаряжением. Доступ в средние и высшие учебные заведения, фактически доступны для детей казачьего дворянства, искусно созданного царским правительством для расслоения казачьего народа на богатых и на бедных, на "благородных" и "неблагородных", как именовались на правительственном русском языке эти два социальных сословия. Единый бессловный слой казачьего народа, основанный на древних демократических началах, был чисто варварскими мерами разрушен. Для казака просвещение не нужно, - он обязан защищать не свою Казачью Землю, а воевать против внешнего и внутреннего врага, силой навязанного ему рабовладельческого Московского государства и расширять его границы для пирочайших размеров своими головами, для грабежа и убийств покоренных народов. Жадность к чужому Москвы неизмерима! При этом Московское Правительство всеми мерами и способами старается вытравить из молодой казачьей души врожденное ему чувство волюности и демократизма, подсовывая извращенную "русскую историю" о том, что казаки никогда не были самостоятельным народом-нацией, ничего в древности не имеющим особого с москвитями, и что казаки образовались из "беглых русских холопов".

В продолжении многих веков велась эта злобная пропаганда "руссифика-

ции", но должных результатов все же не достигала, ибо каждый молодой казак, толи по рассказам дедов, на основании преданий, толи по своему атавизму-наследию прошлого, своим инстинктом чувствовал, что он ни в коей мере не сходен с "русскими", не только духовно, но даже физически. Ведь, чуть ли не каждый казак видел, наблюдал за жизнью и поведением русака, в особенности тогда, когда толпы, иногда в стотысячных размерах, заливали Казачью Землю, идучи туда на заработки, во время покосов и уборки хлеба. ✕

Или пешеходом, ехали в товарных вагонах. Грязные, нечесанные, в дырявых одежонках/починить дырки за ленью-считалось праздным занятием/.

В вагон 3 класса железной дороги, казаку, привыкшему к свежему воздуху и телесной чистоте, было противно входить в купе, ибо там стояла такая вонь от грязных тел людей "Святой Руси", что невольно тошнило. И не зря русская литература нередко в своих повестях и рассказах, говоря о "величии русского народа", символизировала его: "здесь русский дух, здесь Русью пахнет". Проехал бы этот писатель хотя бы один раз в вагоне 3 класса, когда этот "народ" ехал на заработки, то он воочию бы убедился, что величие "духа" в вагоне таково, хоть топор вешай! Обычно, все платформы жел.дор.станций были запружены спящими, не сидящими, а именно спящими "кацапами", как их называли казаки. Странно, но этот особенный народ, был способен спать по двое суток беспросыпно, причем, на подошвах своих ботинок, а в большинстве грязных лаптей была мелом написана цифра поденной платы, за которую спящий мог бы наняться на работу. Если проходящий казак-старик находил плату подходящей, то он имел право будить, в противном же случае несходной цены разбуженный, обрушивался таким "русским матом", который только и можно во всей Европе услышать по севернословену и даже богохульству. Взятую группу рабочих с косами казак-старик усаживал на подводу и вез к себе домой, причем в чистый дом этих людей сразу вводить было невозможно и не потому даже, что они были грязны, а потому, что с них сыпались "вши". А обычно отводилось им помещенье под сараем. Сердобольная старуха-казачка кипятила в большом котле воду и приказывала варить в ней грязные рубахи, а самим обмывать грязное тело.

Когда рубахи высушили на солнце и бои с вшами заканчивались, то к обеду выносились большие столы, на них ставилась в больших горшках вкусная пища: главным образом борщ с салом и мясом. Подавались и пирожки с кислой поджаренной капустой и иногда кисло-сладкий арбуз или поджаренная тыква. И нужно было удивляться тому обилию съедобного, которое вмещалось в желудки этих людей. В этот день о каких-либо работах и разговора не было. На другой день почти тоже, - лишь показывались поля, подлежащие разработке. Каждый казак просто по-христианскому самосознанию считал, что голодный человек - плохой работник, и поэтому рабочих кормили до седьмого поту. И не было случаев, чтобы москаль/"русские"/жаловались хуторскому атаману или станичному на плохую или недостаточную пищу.

Плата обычно была один рубль в день или от десятины. По тем временам рубль был большой монетой.

За обедом был и старик казак, который обычно строго приказывал перед обедом и после обеда перекреститься, что некоторым "богоносцам" не нравилось. Не исполнившим этого или не давали кушать или даже увольняли: раз православный христианин обязан быть таковым.

Удивительнее всего то, что эти косари, ведь, воочию видели, как живут казаки-перерывактся в работе, в особенности в спешную пору покосов и уборки хлеба, спят не более трех часов в сутки. Все у казаков во дворе есть: и корова и свиньи и птицы и исправные сараи и беленькие чистые дома и в доме опрятность и одеты прилично, а ведь все это требует энергичного труда, забот, копить деньжонку на снаряжение казака на службу, а казаку запрещено заниматься торговлей или промышленностью; в отхожие промыслы для заработка также запрещено, он должен думать только о военной службе, а ведь русак таковой поголовной службы не нес, и если у него и нет достаточной земли, стнятой помещиками, то ведь существуют ремесла, отхожие зара-

ботки, дается право торговли. Нет, возвратившись в свою "Рассею", он-русак не берет пример с дисциплинированного, духовно-оснащенного, энергичного в тяжелой работе казака. Не берет примера чистоплотности в доме и вне его, а погружается в прежнюю грязную, нечистоплотную жизнь с сквернословием и жгучей злой завистью к труженику-казаку и только и слышишь его возмущенный возглас: "богатеи-казаки, отобрать бы от них землю." А, ведь, сбоку его, ведь, лежат миллионы десятин их же русских помещиков: на эту землю-запрет, а взять ее, - для этого русак-трус! Да и для интенсивной, регулярной работы-ленив! Так и проходит во сне и ругани бесполезная смрадная жизнь! Если и попадает часть крестьян на военную службу, то снаряжают такового с ног до головы на казенный счет, ни одной копейки на свое обмундирование он не расходует, кормят его на службе достаточно, и, казалось бы, служи и радуйся, что вырвался из грязной избы с тараканами и клопами, избавился от вшей, но и тут не по нем: постоянство ежедневных занятий, "словесность" мало постижимая, заучивание наизусть "присяги"-самодержавному великому нашему государю"; все военные артикулы: отдавание "чести" просто и становись "во фронт", крики унтер-офицера и фельдфебеля: "ешь, сукин сын, глазами начальство, не сморгни!" И "ест" этот очумелый "воин" глазами начальство, но желаемой дисциплины, таковой, как у казаков, нет! И бьют этого "воина", - защитника царя и отечества, по лицу, как в барабан. И начальство, в духовном смысле невежественное, абсолютно не понимают, что дисциплина создается не побоями, а воспитанием средн-общества, духовным приобщением лучших качеств родного народа, в среде которого воин родился и вырос. Что духовное наследие создается не годами, ни даже столетиями, а тысячелетиями.

Как можно привить сознательную дисциплину: русскому мужику, которого держат тысячу лет в рабстве? Он внешне, чтобы избежать побоев, воспримет эту дисциплину, а возвратив в свою родную мужицкую стихию мата и сквернословия, останется по-прежнему тем, каким он был до службы, если не более еще озлобленным.

И поэтому каждый молодой казак, наблюдая русского мужика, проходящего по Казачьей Земле, а также внимательно всматриваясь в него в действующей армии, всем своим существом чувствовал, что русский мужик-особое существо хитроватое, порой злобное, совершенно непохожее на казаков. Но откуда и когда появился на свет Казачий народ, - это была загадка. Деды говорили, что Казачий народ древний, но где его был корень, - было скрыто в глубинах веков.

Пытливость казачьей молодежи была большая, а Казачьей Истории не было, - она запрещалась весьма строго. Старики туманно говорили, что один казак-есаул не то Порохов, не то Порошин-времен войны казаков с Турцией за обладание крепостью Азова-написал историю об этом, но был арестован, сослан в Сибирь на каторгу, где и погиб. Другой ученый казак В. Сухоруков-времен "отечественной войны" тоже подвергся аресту и высылке на Кавказ, а с Кавказа его гоняли по всем фронтам действующей армии до самой смерти.

В Русской истории Иловайского, с которой казачата познакомились в пятиклассном училище, говорилось лишь "о великих деяниях" царей. В этой книжонке была воспроизведена фотография Ермака-покорителя Сибири и текст из двух страниц, в которых говорилось, что Ермак с Донскими казаками занимался разбоем на Волге, затем раскаялся, покорил Сибирь, царство Татарское и преподнес его царю Ивану Грозному. Все это сообщалось с явной тенденцией, что так и должны поступать все казаки: завоевывать своими головами чужие царства в пользу "царя-батюшки". Сама фотография Ермака в этой пресловутой "истории" была какал-то карриатура человека с большой головой, вросшей в плечи, без шеи; на голове героя вместо шлема торчала плоским блином какал то железная решетка, прикрывающая только верхнюю часть головы, на подобие еврейской ермолки. Как фотография, так и текст с явной ложью о разбое Ермака производили отталкивающее впечатление от этой "истории". Но за то фотография царя Николая 1-го блистала силой и надменностью, как и подобало общепризнанному жандарму Европы.

Казачья молодежь мучилась и стремилась познать свою родную Казачью Историю.

Вот к этому то делу я и приступаю в своем труде "О Казачьем Народе".
В мире нет изолированных явлений: каждое явление связано с другим. Поэтому, понять какое-либо явление или событие можно только при условии исторического подхода к нему. Без исторического подхода к общественным явлениям, а тем более древних веков передвижения народов, невозможно существование исторической науки, а лишь это будет напоминать груды испясанной бумаги нелепейших ошибок и химер. Необходимо показывать процесс развития того или иного народа таким, каким он был и есть в действительности.

Например "школа" историков Московии освещала исторические факты извращенно, с точки зрения империалистических тенденций сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий и событий, которые были до этого и в обстановке которых протекала историческая жизнь.

Историческая наука должна изучать прошлое человеческого общества в неразрывной связи с проходящими жизнями народов до современности, на различных его этапах. Многие историки делают все народы на высшие и низшие, цивилизованные и не цивилизованные, на исторические и не исторические. Началом истории человечества эти "ученые" считают появление первых государственных образований или первых памятников письменности, не придавая никакого значения преданиям народа. А в этом то предании сплошь и рядом сокрыта Истина. Погоня за фактами и объяснения их с субъективной позиции превращают исторические писания в фальсификацию истории, т.е. превращение истории в "товар", который можно продать с барышем. В особенности этим страдала и страдает история Московии, с ее империалистическим стремлением к захватам ей не принадлежащего.

Соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий от древних веков, в жизни Казачьего народа, закрепляет в памяти учащих важных исторических явлений, исторических деятелей жизненных эпизодов. Только так поставленное преподавание родной истории может обеспечить для учащих доступность, наглядность и понимание исторического материала.

С появлением новой науки археологии и антропологии, многие тайны живущего на Земле населения от древних времен открываются. Чем дальше движется прогресс науки, тем больше человек приобретает возможностей проникнуть вглубь веков и выяснить свой собственный эволюционный возраст. Последние данные, полученные с помощью радиоактивных элементов, указывают, что эволюция современного человека началась больше миллиона лет тому назад и что исторические писания Моисея, не лишены литературного стиля, являются лишь, как бы, прообразом былого, как сказка.

Метод, примененный антропологами, приведшими к такому выводу, состоял в измерении количества химического элемента "аргона" в древних орудиях из камня, какими пользовались люди. Как известно, химический элемент аргон образуется в результате радиоактивного распада другого химического элемента "калия".

Поскольку время этого распада в природе установлено, то соответственное содержание этих двух элементов /исходного-калия, и образовавшегося из него-аргона/ в орудиях из камня дало возможность высчитать возраст человека, пользовавшегося этим орудием.

О своих открытиях в этой области, недавно сообщили профессора Калифорнийского университета Звериден и Куртис. Они обнаружили остатки скелета непосредственного предшественника современного человека на озере Таньганика, в Африке. Открытый ими человек носит название "циантропус" и считается теперь самым ранним из известных прямых предков современного человека. Звериден и Куртис думают, что найденные ими остатки скелета принадлежат "Циантропусу", обитавшему в этом районе Африки, миллион семьсот пятьдесят тысяч лет тому назад. Таким образом, открытый "Циантропус" является теперь древнейшим представителем человеческой расы. Его открытие и определение

его возраста было подготовлено трудами английских антропологов, супругов Лики, проводивших раскопки в Кении, в течение тридцати лет. Ими был открыт т. наз. "Кеньялтикус" Цикери, названный так по имени фермера, показавшего супругам Лики найденную им кость древнего человека. Возраст его, тоже определенный радиоактивным методом, составляет один миллион четырнадцать тысяч лет.

Представитель человеческой расы "Питекантроп" был открыт голландским военным хирургом Дюбуа в 1891 г. на острове Ява. Возраст его определен около полумиллиона лет назад.

В 1935 г. был открыт в Китае "Синантроп". Возраст его, однако, еще не установлен.

С помощью последних методов, теперь может быть выяснен вопрос о возрасте и происхождении различных культур. Кроме метода калия-аргона, есть и другие методы определения возраста минеральных и органических веществ, на основе измерения радиоактивности.

Так, под влиянием космических лучей, азот переходит в изотоп углерода /C-14/. Достигающий поверхности Земли радиоактивный углерод служит "радиоактивными часами" в органических веществах, причем им пользуются для определения относительно недавних лет истории - до 300 тысяч лет.

Конечно, исследования в области процесса эволюции человека, ведутся не только новейшими, но и более традиционными методами антропологии/измерение черепов/. Так, пользуясь сравнительным методом эволюции структуры мозга и черепной коробки, американский антрополог доктор фон Бонин установил, что "неандертальский" человек, не является прямым предком человека. Жил он около ста тысяч лет тому назад. Он, очевидно, уже вымер около ста тысяч лет тому назад, т. е. появился и исчез.

Мы видим, как прогресс современной науки делает все более ясными многие загадки в процессе эволюции Человека. Но обидно за этих ученых, что они углубляясь в тайны древности, не выясняют, казалось, простых Истин, как напр., какой-либо данный народ точно был определен: где он родился, где развивался, в каких географических местах жил, передвигался, какой расе принадлежал, был ли единый прародитель человека или их было множество, вследствие появления различных видов: индо-европеидных, монголоидных, индоидных, белых, черных, смуглых, желтых, коричневых представителей народов. Все это пока окутано туманностью. В этом то тумане и приходится, рассеивши его, открывать народам, в том числе казачьему народу, свой племенной, родовой корень.

Так, например, археолог-профессор М. А. Миллер - Донской казак, в своем труде "Дон и Приазовье в древности" говорит, что 150.000 лет тому назад на Дону, жил Неандертальский человек, и жизнь эта продолжалась непрерывно до наших дней. А выше упомянутый археолог-американец Бонин утверждает, что этот "неандерталец" не был даже предком людей и вымер сто тысяч лет тому назад. Кто же из этих двух археологов прав и кто же в древности жил на Дону? А что там жили настоящие люди, - это вне всякого сомнения, о чем подтверждают раскопки археологов современности, в том числе и профессора М. Миллера, работавшего в наших казачьих краях на протяжении 40 лет.

Не вдаваясь в дискуссию, мы пойдем от конца каменного века, т. е. пять тысяч лет тому назад, на основании исторических данных, нам ставших известными.

Прежде чем перейти к изложению истории народа, необходимо установить понятие о том, что такое История?

Знакомясь с историями различных народов, мы видим, что говорят и излагают "исторические события", главным образом, с точки зрения жесточайших войн. Населяющие Землю племена и народы, по мере их количественного увеличения, огородившись естественными преградами, как звери в клетке, нападают из-за этих преград друг на друга, убивают население, грабят его достояние, воспитывают подрастающее поколение в духе воинственности, культивируя чувство патриотизма на основе убийств и грабежей. Можно ли такую "историю" называть историей народа? Конечно, нет! Это в лучшем случае роман с различного

рода приключениями "народных" вождей, а в худшем - уличный репортаж. Всякий объективный полицейский протокол, по своему содержанию, стоит неизмеримо выше подобных "историй", ибо в нем точно воспроизводятся мотивы преступлений, а именно: племенная месть, социальные, экономические, политические, патологические, религиозные и, таким образом, очерчивается та среда народа, в которой произошло преступление. В "историях" о жизни народов в его духовном, культурном аспектах найти что-либо подобное нельзя: там обычно прославляются "великие" деяния династий, а главный импульс жизни - народ остается вне зрения невежественных историков, как бы на положении серой скотины или пушечного мяса.

Кроме того, для каждого на заре его жизни, хотя бы вкратце, необходимо быть знакомым с окружающим миром; мы уже не говорим о мире Вселенной, ибо это пока сокрыто великой Тайной о ее сотворении. Но о том, на чем каждый стоит, по лицу чего он передвигается, плодами чего он пользуется, чему он обязан своей жизнью, т.е. о Земле, - в историях ни звука.

Что мы знаем о Земле? - Мало! Но и те знания, которыми обладает человечество, достаточны, чтобы Ее любить безгранично и быть Ей благодарными, ибо как родная мать - священный сосуд порождения ребенка, так и Земля есть мать для всего живущего на Ее обширной теплой груди. История Земли еще недостаточно изучена. Начало сотворения Ее может быть исчисляемо миллиардом лет, и в течении этого долгого периода Она неуклонно выполняет свой священный долг, заветный Высшей Силой, обращившись вокруг собственной оси, с Запада на Восток, в течении суток, и вращаясь по эллипсу вокруг Солнца, пролетая за год 300 миллионов километров в год. На первый взгляд, как будто скучное, однообразное явление. Но здесь скрыт великий смысл Зодчего. Земля, как любимое дитя, вращается вокруг своей матери - Солнца, - обогревает свою поверхность теплом - плодотворными лучами Солнца. Мы теперь только знаем, что Солнце - источник нашей земной жизни. Без солнечных теплых лучей, в темноте, растения произрастать не могут. Без испарения воды с поверхности морей и океанов, не было бы рек и водопадов. Энергия воды, так же как и электрическая энергия, это - энергия Солнца.

"Пища", как говорят ученые, "только потому и является источником силы в нашем организме, что она - консерв солнечных лучей."

Древние народы, в том числе и Казачий народ, понимали инстинктом величие Солнца, обоготворяли Его. В детской радости они ожидали восход этого божества, молились космосу, молились Солнцу. И, действительно, как не молиться Ему, когда точно шелковые одежды веет в ушах, солнечные потоки, когда из-за горизонта появляется чудеснейший венец из ярких лучей и все существо в трепетном ожидании, что вот, вот покажется вслед за венцом Сам Творец Мира! Но нет, это - только золотой диск - прообраз Его! И кажется, побежишь навстречу и чувствуешь, как всего тебя беспредельно пронзят эти ласковые, теплые лучи; волосы заструятся по ветру назад, будто от светлого плывучего тока...

О, взять людям арфы, стать на колени и долго, долго восторженно петь Гимн на Восток, откуда восходит Солнце, стелющееся под ноги людям свои голубовато-золотистые ковры!

И в этой древнейшей молитве была искренняя, чистая, несомненно - восторженная духовная красота воздействия на человеческую смиряющуюся душу, приобщая ей чувство благодарности через Солнце - Божеству. Под влиянием этих бластных чувств, как можно было древнему человеку взять камень и разбить голову ближнему своему?

Была ли и есть ли такая же духовная красота в последующих поколениях? - Нет! Под прикрытием религии, народы всех вероисповеданий, в том числе и христианских, совершали и продолжают совершать страшные злодеяния, заменив Солнце рукотворными иконами. А поэтому, нам казакам, испытавшим многие Скорби, надлежит благоговествовать каждый ежедневный восход Солнца, как действительный, а не искусственный прообраз Божества!

Пусть неведом и невидим для нас таинственный смысл нашей призрачной жизни, - сердце все же верит в него и верит в значительность и реальность

каждой казачьей жизни, в ее борьбе за Истину и Свободу!

Не бесследно, не даром каждый день восходит Солнце. Только прожденная привязанность к Нему, источнику живого, только неисчерпаемый запас Его, живущий в Казаке, и может объяснить почему Казачий Народ, впитавший великую Скорбь, не изнемог в своей борьбе за свою Свободу. Что раз обласкало Солнце не погибает, - оно остается бессмертным в Духе!

И мы, пока "бедные Макары", вправе считать себя детьми Солнца, и не даром цветы, усеившие Землю, раскрывают к вечеру свои кадилаицы и дышат вверх к Небу ароматом, как дар и поклонение от лица Земли высшему идеалу - Богу - за дарованное космическое Чудо.

Если в истории Солнца не было особенных катастроф, то в истории Земли были некоторые "революционные" вспышки гнева. В трудах общества ученых "Rose Croix", существующего с 13 века, Земля описана, как состоящая из 10 слоев-пластов: 1/пласт-минералы, 2/более жидкий состав, с тенденцией выделять газы. Земная тяжесть сдерживает давление нижнего пласта с газом, но иногда эти газы прорываются. Известны древние разрушения городов Геркуланума и Помпеи. Затем следовали взрывы: в 79 г. по Р.Х., в 203, 472, 512, 652, 982, 1026, 1158, 1500, 1631, 1737, 1794, 1822, 1855, 1872, 1885, 1891, 1906, 1927, 1963.

Излишки ли газа или предупреждение безбожному человечеству?

3/пласт-пар; 4/вода; 5/-зародыши, зачатки, завязь; 6/-огонь, топка, очаг; 7/-взаимоотражатель земных сил; 8/-полоса атомов; 9/-материальное проявление или выявление земных сил; 10/-область мозга, сердца. По учению Rose Croix, Земля не есть инертное тело, а живое существо, дающее жизнь всему существующему на земле миллиардному населению: животным, птицам, рыбам, человеку и растениям.

И вот, когда молодые казаки, ставши твердо на родной Земле, почувствуют, что они - дети этой Земли и наследники Ее достояний, а не рабы других народов, под руководством своих отцов и дедов приступают к изучению своей родной истории.

РОДИНА КАЗАЧЬЕГО НАРОДА.

Северный Кавказ, Приволжье, Приазовье, Дон, Донец и как ветвь его - Днепр, а также частично - Средняя Азия, являются родиной Казачьего народа.

На основании уже археологических исследований и реактивных анализов слоев земной поверхности с ее похоронениями и орудиями, которыми пользовались живущие, на наших предельских землях, существовали люди, приблизительно 150.000 лет тому назад, и жизнь эта продолжалась непрерывно до наших дней. Первые люди жили в форме общинном, имели примитивные орудия и могли бороться с силами природы только сообща. Собирали с, едобные корни, дикие плоды деревьев, яйца диких птиц, находили в дуплах деревьев мед, ловили мелких животных, водившихся в громадных количествах в степях. Они уже умели добывать огонь посредством трения сухого дерева, на огне раскалывали кремь для изготовления орудий; на огне готовили пищу, хотя часто мясо и мозг ели в сыром виде, как например, современные, культурные французы едят мелко-порубленное конское мясо тоже в сыром виде, дающего силы организму. Древние люди, судя по погребениям, имели Веру в загробную жизнь: наличие в могилах красной охры, символизирующей огонь, через очищение котрым была возможность переходить в Рай.

Жизненный опыт населения рос, развивался по мере проходивших тысячелетий.

Ледники, покрывавшие лесную полосу и север Европы, не распространялись на наши степи, и потому жизнь протекала непрерывно. Люди строят настоящие землянки, используя для этого камень, глину, кости мамонтов, дерево, ветви и шкуры животных. Обычно круглые землянки для одной семьи. Были и большие жилища для нескольких семей.

Восемь тысяч лет тому назад, когда последние ледники отходят далеко на север, когда положение Земли несколько изменилось по отношению к Солнцу, началось таяние льдов, климат в наших краях делается теплым и влажным. У человека появляется уже собака, лук и стрелы из костей и кремня, — началась охота на мелкого зверя и птицу в одиночку. Появляются впервые челноки-лодки, долбленные из целого дерева. И долбили, ведь, не железным инструментом, а камнями, — раскаленным кремнем. Возникает по озерам и рекам рыболовство. Продвигаясь по рекам люди устанавливают связь с другими племенами по воде. Начинается гончарное производство из глины: чашки, кувшины и пр. возникает ткачество, витье веревок.

За пять тысяч лет тому назад, начинают шлифовать камень и сверление его при помощи кремня. Жизнь племени приходит к феодальному строю общежития с выборными вождями; для них изготавливают навершие из декоративного камня для булавы, — символ власти. Кому или какому народу свойственны были булавы? Только Казачьему народу, ибо если и возникали мысли у других народов о создании символики для вождей, — то таковые появились только в бронзовый век и то были не булавы, как у казаков, а жезлы.

Четыре тысячи лет тому назад, в распоряжении людей наших краев появляются изделия из бронзы. Каменный век заканчивается. Происходит вместе с этим интересное явление в смене всего населения Северного Кавказа и всего Причерноморья и Приазовья. Этот эпизод представляется единственным не только в нашем крае, а может быть и во всей Европе, чтобы население и культура его сразу заменилась другим.

Это стоит в связи с крупными миграционными явлениями той эпохи. Из ряда Египетских текстов, наиболее древних и памятников Передней Азии известно, что в начале четырех тысяч лет до Р.Х., в бассейне Средиземного моря началось крупнейшее переселение народов с Запада на Восток, от берегов Атлантического моря, от гор Атласа. Египетские тексты называют эти народы: "народы моря" или "голубоглазыми варварами" или "людьми тумана". Передвигались целые племена и союзы племен со всем своим имуществом. Эти племена высаживались в Египте, но были отбиты. Высадившись же на островах архипелага и в Палестине, они заняли там ряд областей, вытеснив оттуда местное население. По имени одного из этих племен — филистимлян — была названа Палестина, и из Библии мы знаем о тех бесконечных войнах, которые вели с ними Иудеи, после своего появления в Палестине.

Появление в это время в Причерноморских степях нового населения с средиземноморской культурой и связанного с Кавказом и Ираном, явилось результатом этого великого передвижения народов. До этого времени смена прогрессирующих культур происходила без крупных ломок, путем естественного эволюционного развития, а тут в течении короткого времени произошли резкие и неожиданные перемены, включительно до антропологического племенного изменения, а между тем нет сведений о том, чтобы пришлые племена уничтожили местное население, значит, оно было или фактором ассимиляции пришлых или последние ассимилировали быстро местных. Так или иначе, а произошло бескровное смешение, давшее в результате энергичный народ, распространившийся до Волги, по Дону, Донцу, Днепру.

Новая раса эпохи бронзы стала производить большое количество разнообразных бронзовых орудий, а также развитием в высшей степени скотоводства, с разведением не только мелкого, но и, главным образом, крупного скота, а также развитием земледелия, с появлением бронзовых серпов и зернотерок. В общественной жизни население Северного Кавказа и ПриДонья придерживалось строгого патриархата, уважения старых и мудрых. Среди него был развит культ и обожение Солнца, — как прообраз Высшего Существа, создавшего Мир.

Все особенности новой культуры, повидимому, принесены были новым населением, так как в предыдущих временах, в каменный век, этого не наблюдалось.

Бронзовые изделия степной Причерноморской полосы имеют очень своеобразный характер, четко ограниченный этой полосой. Своеобразие этой культуры, включая сюда и культуру расписной керамики, характеризуется полной

своей обособленностью, как от Средней Европы, так и, особенно, от лесной полосы на Севере.

Эта культура называлась степной бронзой, Черноморской; русские историки пытались даже назвать ее "новороссийской", чтобы таким образом притянуть ее к Великому Новгороду. Но теперь эта культура называется Северо-Кавказская. Если нанести на карту места археологических находок, предметов этой культуры, то они точно определяют границы степной полосы, нигде не переходят в лесную полосу, а тем более выше, в пределах Московии, где эти изделия появляются почти на тысячу лет позже. /"Дон и Приазовье в древности" проф. М. Миллер/.

Основным центром производства для всей степной полосы, на всем протяжении бронзового века, является Северный Кавказ с главным производственным центром на Кубани и второстепенным по р. Донцу, где и теперь на берегах речки Беленькой/Гундоровской станицы/, впадающей через прорыв Донецкого края в Донец, можно видеть развалины этого "завода", с застывшей лавой бронзы.

Северо-Кавказская бронза распространяется по степной полосе до Днепра, переходит на его правый берег и уже в более слабом выражении, доходит до Днестра. В распространении этой бронзы по степной полосе, Донской Край играл роль пути, по которому эта бронза распространялась на Запад. Поэтому здесь, особенно на Нижнем Дону, как на передаточном этапе, мы имеем северокавказскую бронзу в наиболее выразительном виде. К Западу же от Днепра, проявление этой бронзы слабеет и сменяется бронзой, идущей из Закарпатья, так называемой венгерской. Проявление Карпатской бронзы к Востоку от Днепра слабеет и достигает Донца лишь в крайне редких экземплярах.

Из двух великих центров бронзовых культур-Северокавказской и Закарпатской, старшей и основной для нашего края является северокавказская.

Изделия этой бронзы проникли в Причерноморской полосе еще в конце каменного века и господствуют в степях непрерывно, на протяжении всей эпохи бронзы до появления праскифской и скифской культур, которые также приходят в степную полосу с Северного Кавказа, и благодаря этому искусству, наши предки не уничтожаются скифами и другими переселяющимися народами, ибо они нуждались в бронзовых изделиях.

Поселений эпохи бронзы на Дону очень было много. Остатки раннебронзовых поселений могут быть найдены в дальнейшем и в других местах, однако, теперь уже достаточно ясно, что население позжебронзового времени, во много раз превышает количество поселений более ранних. Это указывает на непрерывный и быстрый рост населения бронзовой эпохи, которое в позжебронзовое время заселяет уже все долины более крупных рек и морские побережья.

При ознакомлении с материалами археологии Донских поселений эпохи бронзы, наблюдается их разделение на две группы, отличные одна от другой. К первой группе относятся поселения верхнего и среднего Дона и Донца, до ст. Цимлянкой на Дону и Митякинской и Гундоровской на Донце. Вторая группа - в низовьях Дона и на морском побережье; на Донце вторая группа расположена на Кундрюцком песчаном массиве; на Дону - от ст. Аксайской до моря и по берегу его. Поселения из землянок только наблюдаются для первой группы, во второй же землянки почти отсутствуют, а существовали палаты. Первые занимались главным образом земледелием, а вторые - рыболовством. Землянки позжебронзового времени двух типов: обычные прямоугольные, глубиной 0.5 до 1.5 метров со столбиками из камня и по линии стен. Стены из камыша или хвороста, обмазанные глиной. Крыша также из камыша. Посередине - очаг, или прямо на земле или на площадке, выложенной камнем. Были и большие до 140 кв. метров, причем каждая состояла из двух помещений - более широкого, служившего жилищем для людей, и узкое - для скота. Крыши обычно были конусные. В поселениях большое количество костей, которые принадлежали более крупному рогатому скоту; в меньшем же количестве - овцам, лошадям, свиньям.

Кости животных на нижнем Дону, приблизительно распределялись: крупного скота - 15%, овец - 85%, лошадей - 7.5%, собак - 27% и диких животных - 15.5%. Крупный

рогатый скот был больших размеров, типа диких быков-туров, с золотистыми рогами, которые водились в наших степях.

Основные формы орудий ручного труда, которые существуют и до сих пор: топор, пила, долото простое и желобчатое, гвозди, тесла, рубанки, ножи.

Земледелие этого времени было ручное, мотыжное, разрывавшееся в долинах с глубоким и мягким черноземом. Как земледелие, так и высоко развитое рыболовство и скотоводство было вблизи воды, в долинах рек. Появляются и транспортные средства, в виде тяжелых возов на двух, четырех и даже шести колесах, которые делались сплошными из двух или трех кусков дерева. Найдены остатки ярма, из чего видно, что запрягались быки.

Уже в то время символом старшинства и власти служили булавы-древний чисто казачий бытовой символ. Более широкое распространение получают на вершине для булав, часто из декоративного камня, появившиеся еще в конце каменного века.

Булавы известны, главным образом, с Нижнего Дона и Приазовья. Кроме четырех булав из Мариупольского могильника, известны булавы из курганных погребений у Новочеркасска, у пос. Мостовского, ст. Нижне-Чирской, возле Ростова, у пос. Хрящевского на Нижнем Донце, у ст. Голубинской на Дону и т.д.

Бассейн верхнего и среднего Дона дает приречные долины, благоприятные для раннего земледелия, но этот бассейн состоит из небольших рек, в которых мало рыбы.

В нижнем же течении Дон представляет собой широкую многоводную реку с высокими берегами, ограничивающими широкую пойменную долину, не так уж пригодную для земледелия, покрытую озерами, плавнями и водлюбивой растительностью. В этих поймах, в историческое время, водилось огромное количество дичи-всяких птиц и оленей.

На нижнем Дону, в особенности в его дельте, водилось громадное количество рыбы, и Азовское море, по исследованиям, по биологическому богатству, занимало второе место в Мире. Это соотношение природных условий на Дону сохранилось по существу и поныне, а вместе с ним-и особенности в хозяйстве казачьего населения.

В то время, как станицы и хутора верхнего и среднего Дона, на всем протяжении своего исторического существования культивировали земледелие, население нижнего Дона и Приазовья, главным образом, занимались рыболовством, используя для земледелия лишь небольшие участки. Что же касается Северного Кавказа, то на тучных землях Кубани существовало интенсивное земледелие и скотоводство, а южнее-охота на птиц, кабанов, мамонтов, лисиц, медведей, оленей и пр.

Знаменитый языковед и археолог, академик Н.Я.Мартен, -по отцу шотландец, а по матери-грузин, родившийся в Кутаисе, писал: "факт движения народов с Юга на Северный Кавказ, свидетельствует самым расположением его. Скопление племен наблюдалось у горных проходах Кавказского хребта, имеющих историческую славу."

В доступных проходах-ущелий, появлялись не только переселенцы, но были там, в качестве сторожей проходов племена, которые оберегали свою культуру от северных варваров. Книжные записи условны, ибо древнейшие сведения, записаны на языках, чуждых Кавказского Края. Например, Иосиф Флавий и Тацит, Каспийский проход/через Дербент/помещают в полосе нынешней Военно-Грузинской дороги и Дарьяльского ущелья.

Полиний ясно представлял, что Каспийские ворота находятся у Каспийского моря, но и он упустил из вида, что проходы определялись теми народами, которые проходили через хребет:Албанский проход,Аланский проход,Хозарский проход.

По А.Неечева, стр.33: "Сазри" -Каспий"являлись народом от чистой основы "Каз-Каз", и сейчас в имени села Казри -Казпи и жел.дор.станции Казри Каспи, не есть случайное явление, а отражение большой важности и длительности исторического факта.Он свидетельствует о господстве в незапамятные времена, местности через всю Кахетию, вплоть до Каспийского моря, народа

"Каз-сов", называвшихся, смотря по языку произносивших или Кав-рi или Кав'g1-Казпи или Казки. И вот этот то народ казсов или касов и является древнейшим владетелем и сторожем Кавказских ворот.

Грузины, в лице ишавов и хевцев и хевсуров, по этим путям продвинулись и оттеснили их предшественников; а те вытеснили других. Одно бесспорно, что коренной слой грузинского племени "карт'ы" с этим названием были более позднего времени.

Сейчас с "карт"-ами-грузинами этнографическое господство разделяют на перевалах "осетины", собственно "ироны", за которыми ученые поторопились закрепить название кавказских "аланов" и чечены-ингуши, сами себя называющие "Galgа-Гальга". Название "осетины"-осы им навязано соседями и нельзя их отождествлять с кавказскими аланами.

Во всяком случае, аланы, если и имели соперников по лингвистичной поле-онтологии, то только в лице более древнего тут хозяина, именно народа "Казов или Каспи-Каски". Это название народа известное и древним римлянам, называвших этот народ, как "Cossae -Коссаи".

Таким образом, обитатели первоначального края успевали оставлять следы своего длительного пребывания, до времена доисторические. /"К истории передвижения народов с Юга на Север Кавказа"-Н.Я.Март/.

В труде: "Кавказские племенные названия" Н.Я.Март писал: "Есть, и довольно часто полная замена одного названия другим, совершенно иного происхождения, результат переноса известного этнического названия на новый народ, внедрившийся в страну или область, издревле населенную иной народностью и связанную с ее названием. Бывают случаи, когда в живой этнографической среде всплывают архаические названия первоначальных жителей, давно занесенные наслоениями позднейших наименований.

Все это зависит и коренится от исторических обстоятельств. Вообще, в кипучей культурно-исторической жизни народов Кавказа имели место явления чисто исторического порядка, в зависимости от миграций и иммиграций иноплеменников, от общественного строительства в данной многоплеменной среде, от выработки национального самосознания. Иногда название народности определяется историческим кругозором окружающих его народов и племен.

Иногда пережиточный народец, в стадии прозябания, носясь по волнам скрещивающихся вокруг него или через его голову этнических течений, может получить ряд новых наименований.

И каждый тип представлен целой гаммой родных звуков, рядом отложений исторической жизни, иногда вскрывается дифференциация основного типа-звука, по различным наречиям и говорам. Например, этнический термин древности "Каз-ар" у армян звучал "каз-ир", а в множественном числе "каз-ир+к"; иногда даже "каз-ор-ур-ер". Другой случай: от слова "казах"-кав-хи, каз-пи. От смешения народностей: "казахи", и внедрившегося народа "Саки", получилось этническое слияние: "Cossaqi -Коссаки".

Таким образом, появившийся народ, со своим этническим именем "саки", получил, как бы, наследственно по заселенной уже стране "каз-сов" этническое название первых ее жителей "Казахов".

Нужно иметь в виду, что вся территория Кавказа, разбитая теперь разноплеменностью на три района: афетического/средиземноморского/типа, ариоевропейского и иранского и турецкого племени/карачаевцев/, населена была раньше одним и тем же народом, именовавшимся одним и тем же этническим названием.

Говоря о скоплении этнических групп на Кавказе, которые имели громадное значение для истории перерождений племенного состава населения, вне пределов, иногда далеко за пределами Кавказа, которое еще не учтено, происходивших переселений полных и неполных, под общим названием "рабон", академик Март говорит: "перед нами стоит вопрос более сокровенный, более сложный и бесспорно неизмеримо большей важности: не являлась ли вся Кавказская Гео-этническая единица, вся территория Кавказа мировым источником оплодотворения племенной природы человечества?"

На какие исторические данные намекает академик? По нашему скромному предположению, в истории нашей планеты-Земли, в какой-то исторический момент Ее жизни произошло некоторое перемещение внутренней центральной тяжести, отчего и получилось изменение уровня вод океана, и таким образом совершился, в пределах Средиземного моря-Кавказа "потоп", не тот "всемирный потоп", о котором писал Моисей, что вся Земля была залита "хлябью небесной", в течении 40 дней и 40 ночей, а наводнение было постепенное, заставлявшее население одних отходить на запад, к горам Атласа, а другим к горам Индии. После того, как водные стихии пришли в нормальное состояние, уходившие племена стали возвращаться в свои места, под влиянием атавизма -наследия предков.

Н. Я. Марр продолжает: "Надо именно осторожно обратиться на Кавказе со значением отдельных народов, с их культурно-исторической жизнью, отнюдь нельзя отождествлять этническую историю основных племен, населяющих страну издревле и выявлением поздней даты, хотя и засвидетельствованной письменными источниками господства иных народов. Но первоначально, племена с исторически-сложившимся бытом долинных жителей и на новом месте занимали низменные места, по равнинам, в бассейнах больших рек, а племена с хозяйственно-экономическим укладом жизни горцев или приморских, равно первоначальных обитателей заселяли горные страны или приморские, согласно их наследственно развитой Гео-этнической природы и ее потребностям".

По этому признаку мы и видим, что предки наши казаки, касоги, а также кас-ары, адигей/черкасы/имели тяготение к широким равнинам и степям Северного Кавказа и Приазовья вообще. Что же касается таких народов, как: грузины, осетины, лезгины, чечены, чиги-зихи, то они предпочитали горные места.

О ДРЕВНЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЗАЧЬЕГО НАРОДА.

Территория на верховьях Терека и Арагвы, в древнее время называлась "Казская", отсюда и название племени "Казсак".

Французский историк Michel Delines, в своем труде: "La Russie" пишет: "Comme il se trouve dans la Caucase un territoire qui s'appelle les Cosaques". В переводе: "На Кавказе находится территория, которая называлась Казакия". /Том VI, стр. 237/.

Византийский император Константин Багрянородный, в своем историческом труде "Администрация и управление", тоже точно указывает страну "Казахия".

Для лучшего выяснения положения Казахии, мы приводим писание венценосного автора С. И. Руденко, который в своем труде "Казаки"/антропологические очерки/, изд. Академии наук СССР-Ленинград, 1927 г., сообщает:

"Русские ученые указывали на то, что русские и западно-европейцы неправильно именуют киргизами народ, который сам себя называет "Казак" и который представляет собой этническое образование, отдельное от киргизов/собственно-киргизов/, известным русским и западным европейцам под именем "каракиргизов".

Необходимо отметить, что авторы: Левшин, Радлов, Танышпаев считают слово "казак" собственным племенным/родовым/именем и потому признают излишним доискиваться его этимологии, как имени нарицательного. Получается, таким образом, совпадение со взглядом творца яфетидологической теории академика Н. Я. Марра, который выводит нарицательные имена из племенных названий.

М. Танышпаев считает допустимым исправить известное ему только по средневековым арабским известиям, приведенных в трудах Кеппена и Тизенгаузена, название города в устьях Дона "Азак" в "Казак". Я касаюсь этого пункта не для спора, так как название города "Азак"/Азов/является общеизвестным и беспорным-воспоминание хотя бы крымско-татарские ярлыки, в которых встречаются: город Азов, Азовские казаки, крепость "Азак", Азакские татары, а потому что название "Азак", как турецкое слово из группы трех диалектов, соответствует слову "ајак" из группы /j=ж/диалектов и слову "адак", со значени-

ем: нога, конец, низовье, устье реки/словарь Радлова I, 205-559/, в данном случае "устье реки Дона" может быть использовано в качестве сравнения, при объяснении слова "казак".

В виду того, что бесспорная часть истории казаков, как полагает М. Тынышпаев, начинается в местностях к северу от Черного и Азовского морей и Кавказских гор, т.е. как раз в районе закавказных турецких говоров эпохи Махмуда Кашгарского, то объяснение слова "казак" приобретает реальное значение. Это слово отмечено Кастреном, со значением "gesund" /в переводе с немецкого "здоровый"/ и за пределами турецкой семьи диалектов в языке котском "казах". В башкирском диалекте одинаково звучат и название народа "казак" и образованное от глагольной основы "када", слово-гвоздь. В турецкой среде слово "казак" не ранее XI века, но это не ослабляет, а укрепляет издавна существующее и ныне высказываемое мнение о том, что и к турецким племенам /прибывшим позже казаков/ и к украинцам и к так называемым великороссам слово "казак" и обозначаемое им социальное состояние "человека принужденного вести жизнь искателя приключений, отделившегося от государства, племени и рода", проникли из среды коренного населения Северного Кавказа, из среды по терминологии академика Н. Я. Марра, -яфетической/занимавшей Кавказ с древних времен/.

Таким образом, мы подчеркиваем, что объяснения связываются с территорией, прилегающей к Северному Кавказу и до некоторой степени объясняют происхождение имени "казак".

Говоря о результатах столкновения к северу от Кавказских гор, Кавказского или Яфетического мира с арио-европейской этнической/племенной/массой в древние времена, академик Н. Я. Марр сообщил про яфетические племена и народы севера: "они перепалили через Кавказский хребет, где до сего времени остаются пережитки или народности все того же мира: чеченцы, со сродными племенами на Востоке и черкесы/они же кабардинцы или адыгей/, со сродными племенами на Западе, или имена родственные им народов, так например "Касхи" или "Косоги", сохранившиеся в названиях различных народов Северного Кавказа, в числе их и Казаков.

В следующей, по времени, работе Н. Я. Марра сообщается, что яфетическое племенное имя "Касхи", являющееся, как мы только что видели, по мнению Марра, предком слова "казак", представляет одну из форм множественного числа от имени "каз", давшее с другой приставкой множественного числа яфетическое племенное имя "касхий".

При последнем объяснении слова "Казак", возводящем его к яфетическому племенному имени, необходимо считаться со следующими пояснениями Марра: обыкновенно этнический/племенной/термин, раз это название чужого племени, смотря по исторической роли его носителя, то обрабатывается в социальный термин, при том-когда они, в данном народе поработены, то слово обозначает: крестьянина, раба, бедняка, вора, грубое существо-разбойника; когда же они-носители названия для данного народа являются поработителями, то слово обозначает: свободного, дворянина, благородного и становится прилагательным."

Академик Н. Я. Марр, в своих трудах: "Избранные работы", говорит: "Наука доказывает, что весь Кавказ населен был народами одного происхождения или племенами смешанными с ними; если вторгались иноплеменники, то они ассимилировались". И затем продолжает: "Можно поведать, как утонченного приема заглушения живой речи, умерщвления народной психики, опустошения страны и уничтожения населения, искавшего спасения в эмиграции, это находило и находит поддержку в умах блестящих бандитов".

Еще до Гомера "Кассоки" были известны грекам и писатели их утверждали: "В Пантхолоеей/Керчь/ обитают разные народы, отличающиеся особым благочестием и никто из них не причиняет страдания, даже животным. Имущество их общее, нет у них рабов, управляются выборными".

Из выше сообщаемых исторических трудов: Н. Я. Марра, С. И. Руденко, Левшина,

Радлова и Тынышпаева ясно и ярко обозначен корень происхождения предков Казахского народа на Северном Кавказе. Никакие усилия псевдо-историков Московии не засыпят уже этот корень и ветви его пылью и грязью, усиленно накапливаемые ими.

Серьезных исследований, посвященных вопросу происхождения Казахского народа, как самобытного явления, на протяжении почти трех тысяч лет, политических и социальных процессов, его жизни и духовного развития не только в литературе Московии не было, да и не могло быть по цензурным условиям рабовладельчества и повинизма, но и в Казахской литературе тоже этот вопрос о древности Казахского народа проявлен был слабо.

Между тем, история Казахского народа представляет громадный исторический интерес не только лишь для казаков, но и для других народов, как ценный опыт разрешения самим народом вековых общечеловеческих задач построения человеческой жизни на началах Свободы и равенства, при наличии бушующего вокруг Казаков векового рабства: азиатских, турецких, киевских эпохи Адега и особенно Святослава, и московских до сегодняшнего дня, и поэтому мы будем вести наш труд в хронологическом порядке, с которыми народами соприкоснулся Казахский народ на протяжении почти четырех тысяч лет.

ДРЕВНИЙ ПЕРИОД.

Средиземноморские племена, населившие Северный Кавказ, представляли собой тип человека современного: высокого роста, прекрасного сложения, статного, с красивым лицом, слегка смугловатого. Потомками этой расы и являются все Кавказские и Приазовские племена, с течением времени приспособившие различные наименования; наиболее устойчивое имя сохранилось за "казахами-казаками".

Природа щедро наградила эти народы Кавказа физической и духовной красотой: "дала им стан, тонкий казачий, да еще черны брови, но не дала тому казаку ни счастья, ни доли..."

Нашим предкам Судьба дала один из прекрасных уголков Юго-Востока Европы: наличие трех морей, чудные степи Дона, Кубани, Терека, свободный выход в моря, уютные гавани, леса и горы с прекрасной охотой, Кавказский хребет, как стратегический плацдарм защиты; но наши предки, на протяжении многих веков, ни на кого не нападали и между собой жили по-братски, охраняя, однако, свою независимость и Свободу, которую почитали выше своей личной жизни. Если приходили извне племена, то к ним относились по установленному культу уважения личности: "нам каждый гость дарован Богом". Когда же приходили сильные народы, то с ними входили в договорные отношения.

Но как бы не прекрасна была родная Земля, с ее природными богатствами, она оказалась для наших предков обширной Голгофой, усеяна щедро казачьими костями и полита потоками алой крови. И, однако, несмотря на волны человеческих масс, передвигающихся кочевых народов-варваров, наши предки устояли, - не согнули свои шеи долу, гордо смотрели в глаза врагу и пронесли свою жизнь, как Вербную свечу не потушенной. На протяжении трех тысяч лет и до настоящего времени, Слава Им! да послужит это величие Духа наших доблестных предков воодушевляющей патриотической силой для наших потомков духовно бессмертного Казахского народа!

Как уже говорилось выше, предки Кавказских народов создали производственный центр медных изделий. Для этой цели требовалась оседлая жизнь. Кто же этим жизненно-необходимым делом занимался, снабжая народонаселение по всему Кавказу и по степной полосе от Болгии до Днепра? На этот вопрос, кроме местных жителей, никто не ответит правдиво, особенно историки Московии, коим важно скрыть Истину в своих империалистических возделаниях. И даже наш Донец-профессор М. Миллер, труды которого очень ценны, в описании культур переселяющихся народов иранских, азиатских, а также сводки археологических современных ученых, и тот умолчал, сказавши лишь о "Киммерийской

культуре". Но, ведь, Киммерийцы пришли на Северный Кавказ только три тысячи лет тому назад, когда бронзовая культура уже была доведена до пределов своего совершенства. Когда же киммерийцам было заниматься кузнечным делом, которого они, будучи кочевниками, не знали. Ведь для фабричного производства необходим вековой опыт. А нам известно из Библии, что Киммерийцы, не успев как следует расседлать коней для отдыха, призвали часть кассаков, ринулись в поход на Египет; перепугали всех иудейских пророков, осведомляющих свой народ, что "киммеры-гомеры, кони коих, как буря, а стрелы летят, как тучи пчел". И, вдобавок, киммерийцы владычествовали в Приазовье только 200 лет, - на смену им в VII столетии до Р.Х. пришли скифы, иранского племени, из-за Волги и увлекли их в поход на Северный Иран и Малую Азию, где Скифы господствовали 28 лет, о чем повествует Геродот "отец истории", говоря, что, часть киммерийцев, вытесненная скифами, переселилась в Азию, а часть укрылась в горах Крыма, под именем "Тавры", давши свое имя Таврическому полуострову. Геродот также говорит о народе "Саки". Они по каким то обстоятельствам были оттеснены от южной оконечности Кавказа и продвинулись в среднюю Азию до Памира, но затем все же водворились на Северном Кавказе, соединившись с родственным народом "Казахи". Саки-происхождения были средиземноморского, но не турецкого.

Первое известие о жизни скифов относится к XIV веку до Р.Х., когда Египетский фараон Сезострис в своем сокрушительном движении по Малой Азии покорил скифов. О скифах в IX веке до Р.Х. говорил знаменитый греческий поэт Гомер, в "Иллиаде", помещая их в долине р. Евфрата. В VIII веке произошло перемещение их с Запада на Восток, подалее от Египта и сильной, в ту пору, Ассирии, до р.р. Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. В VIII веке до Р.Х. потревоженные "Саки" прибыли на Северный Кавказ, смешавшись с Казахами, под именем Коссаков. В 650 году до Р.Х. скифы, обойдя Каспий с Севера, напали на Киммерийцев и продвинулись до пределов Мидии и Ассирии, но потеряв здесь своих вождей, побитых предательски на пиру мидийского царя Киаксафа, отхлынули на Север, в Черноморские степи.

Геродот описывает ритуал погребения царских скифов. Вырывалось квадратное углубление. Труп бальзамировался, покрывался воском. Провозили труп по кочевьям подвластных, чтобы они могли попрощаться с умершим. Царя погребали в склепе из балок, поверх насыпали курган до 20 метров высоты. В могиле оставляли вещи умершего и даже прекрасные вазы из золота, изящно изготовленные греческими мастерами, с изображением из жизни скифов. Хоронили также одну из любимых жен, предварительно задушив ее, несколько рабов и коня. Скифы исповедывали многобожие. Особенно почитали Весту-мать Вселенной. Затем Зевса и Землю-жену его. Полубогом считали Геркулеса-якобы родоначальника царских скифов.

Храм строился из фацин/хворост/уступами, чтобы можно было всходить на вершину. Там, по середине жертвенника, устанавливался меч-символ бога Ареса. В жертву ему были приносимы: кони, быки, овцы, а иногда и человеческая кровь, взятая от пленников.

Геродот записал и легенду. Когда Геркулес прогонял быков Гериона, в южных степях, то встретился в пещере с девой-змеей. У девы родилось три сына. Продолжая свой путь, Геркулес оставил сыновьям лук и пояс с золотой чашей и свое завещание: тот будет обладателем пояса и господином страны, кто сумеет натянуть лук. Сильнейшим оказался младший из трех сыновей, по имени Скиф. От него и произошел род Скифов.

Скифы были прекрасными наездниками. Конь играл в их жизни громадную роль. Кроме быстрых передвижений, он был и предметом спортивных удовольствий. Внучка коня на высшем уровне: брать барьеры, препятствия, быстрые повороты и, как синтез, на скаку ложиться, чтобы поднять с земли раненого. Этот последний метод, повидимому, скифы переняли у кассаков-казаков, который и остался до наших дней.

Скифы занимались скотоводством, коневодством, охотой, рыболовством и земледелием: сеяли коноплю и выделывали ткани для одежды.

По пути следования скифы разрушили и разграбили крепость и город Тайшебаини, крупнейший административный центр царства Урарту/Армения/.

В стенах крепости, на горе Кармир-Блур, было обнаружено археологом Б. Пистровским много "скифских" бронзовых стрел, а также по пути завоевания до самого Египта. Такие же стрелы находятся и в наших степях. Как видим, бронзовые стрелы уже назывались не "киммерийские", а "скифские", и имя производителей предков Северного Кавказа искусственно снято, а Московские историки даже бронзовый век старались назвать "новороссийским", и в ту эпоху, когда о москowitzах/"русских"/никто не знал и о вибрионах этого народа даже не предполагал.

По этому поводу профессор М. Миллер пишет: "Что касается вопроса об окончании бронзового века на Дону и во всей степной полосе, то на это имеется много указаний, что эта культура продолжает существовать долгое время и в скифское время и позже". /часть 1-я/.

А в книге /ч. 2/ он пишет: "Во все время господства киммерийцев, по традиции бронзового века, все бронзовые изделия шли к ним из стародавнего производственного центра".

После возвращения в Причерноморские степи, скифы утвердили свое господство. Но, помимо скифов, в степной и на границе лесостепной полосы жили и другие племена, особенно же потомки индоевропейцев, пришедших сюда с началом бронзового века. Геродот перечисляет их и утверждает, что они говорили на своих языках.

Наиболее известные памятники скифской культуры - громадные царские курганы с предметами, получившими мировую известность. Погребения находились в подкурганых ямах с деревянным покрытием. Над ними находился полог, расшитый золотыми бляшками. Много оружия: панцири, наконечники стрел, дротиков, копий, мечи с рукояткой, украшенной золотом, бронзовые и серебряные бляхи конского убора, бронзовые котлы, остатки деревянной посуды, скованных золотом, глиняная посуда.

С началом бронзового века возникает первое торговое поселение в дельте Дона, в трех верстах севернее нынешней станицы Елисаветинской. Население занимается главным образом скотоводством и земледелием. В начале VI века до Р.Х., сюда начинают приезжать греческие купцы и развивают меновую торговлю. Население было большое. Приезжают также и вожди скифов с их ордами для торговли с греками. Поселение обнесено валами и каменными стенами и делается настоящим укрепленным городом.

Как видим, поселение сооружено местным населением, но в истории развития этого города, - это поселение не названо по имени - вольно или невольно, также не назван и город, - все это скрыто, но над этим стоит вывеска: "Скифская культура".

В III столетии до Р.Х., русло Дона меняет свое направление в сторону Мертвого Донца. Пристань города заносится илом. Постепенно, как торговый город теряет свое значение. По Дону возникает ряд поселений торгового характера. По берегу Местийского озера/Азовское море/, как писал К. Птоломей, расположены поселения: Новая крепость, город Ливан, Акра, Кремны, Роца, Рыбная Ловля, Игрин и Кария, западнее устья Танаиса/Дон/.

Восточная сторона Азовского моря по р. р. Бе и Бейсугу тоже заселена. Греческие изделия в бассейне р. Танаиса/Дона/ стали проникать уже сначала VII века до Р.Х.,.

В исторических хрониках говорится о том, что в конце VIII столетия до Р.Х., колонии по Черному и Азовскому морям, основаны только греками. Это не так. Греки пришли уже на готовое, увеличив лишь число колоний и укрепив их при помощи местного населения.

Торговые фактории местного населения Северного Кавказа уже были до прихода Киммерийцев: Пандекония, Фанагория, Тома, Георгина, Анапа, древний Азак в устье Дона, в общем числе 19 факторий.

Страбон также подтверждает населенность указанных местностей и говорит: "на всем этом пространстве живут месты, иными словами он назвал жителей

по имени Местийского озера/Азовское/, не объясняя этническое происхождение их. А по исследованию выше сказанного ясно, что здесь жили те же северо-кавказские народы: касоги, касары, кассаки, адеген/черкасы/.

Геродот, посетивший Скифию, описывает в своей 4-й книге, жизнь их кочевую на повозках, не касаясь их военной организации. Этот пробел восполняет французский историк М. Лесюр/т.1, стр.100-"История казаков"/, говоря: "Во времена Скифии, князь де Брат заметил, что в скифской армии была орда или племя "Коссагеров" - "Κοτταγεργρον" - . Приставка "геров", - означает слово "герте" - войско-война, и что эта орда руководствуется тактикой казаков, и вся организация их была построена по казачьему образцу.

Этот же историк, знаток Казачьей Истории, описывая путешествие скифского царевича Анахарсиса в Грецию, говорит со слов этого царевича, что когда он прибыл в Пантекопею на палубу корабля, то богатые греки обратились к нему поменяться одеждami: их долгополыми хитонами на "казакийку" царевича и приведена картина: на палубе стоит Анахарсис в обществе греков, одетый в казачью одежду: короткая куртка, шаровары, сапоги, стянутые спереди ремнем.

В VI столетии, на смену скифам приходят последние иранские кочевники-сарматы. Они сперва поселяются в Приволжье, занимаясь скотоводством и частично рыболовством и земледелием. Затем, усилившись количественно и качественно, за счет местного населения касиков, касиков, они занимают и Дон, сооружая на правом высоком берегу его укрепленные поселения, уже с античной культурой. Наибольшее поселение получило название города Танаиса, близ устья Дона. Танаис превращается в крупный торговый город, подчиненный, однако, Боспорскому царству, основанному на месте Пантекопей/Керчь/. Город Танаис возникает в III столетии до Р.Х., у пос. Недвиговки, на берегу Мертвого Дона. Долгое время археологи не могли найти пребывания этого знаменитого города. Первым поддал мысль о его местонахождении Смотритель Новочеркасского музея Х.И. Попов, подтвержденную впоследствии археологами.

Общая площадь акрополя-города занимала 43.748 кв. метров.

Стефан Византийский пишет: "Как говорит Александр Пилигастор: при владении Танаиса в Местийское озеро, основан эллинский город Танаис. Граждане города - "танаиты". Страбон: "у реки и моря находится одноименный с рекой город Танаис, - колония эллинов, под владением Боспора, недавно разграбил его царь Полимон за неповиновение. Город был общим местом торговли для азиатских и европейских купцов, так и для плывущих морем из Боспора/Черное море/. Одни везут рабов, шкуры и всякие предметы от кочевников, а другие: одежду, вино и все прочее, свойственное культурному образу жизни. К танаитам и местам относятся и аспургиняне, обитающие между Фанагорией и Георгиной/Черноморское побережье Таманского полуострова до города Анапы/. Взятый в плен царь Полимон был убит аспургинянами и город Танаис был вновь восстановлен."

Жители нижнего Дона назывались античными историками "танаитами", по названию реки Танаис. Но, если Танаис впоследствии был назван Доном, то отсюда логический вывод, что жители были "донцы" и никто более другой, так как все Приволжье называлось в древности страной "Касак", т.е. "Казак".

В городе, были храмы или жертвенники Зевса, Афродиты и божества реки Танаиса.

Свободорожденная молодежь группировалась в религиозных братствах, в которых складывались представления о едином высшем Божестве: этим божеством являлся Зевс.

Мы остановимся на культе обожествления реки Танаиса-Дона. Чьи сердца были полны чувствами обожествления родной реки? Греки? - так, у них был родной Боспор! И если иереи, как например, упоминаемый в истории Зенон с причтом и совершали божественное служение, то только из благодарности Богу Зевсу, что он послал грекам "золотое дно", и для снабжения Греции всем необходимым, особенно хлебом, который вывозился в громадных количествах.

Сарматам, временно владычествовавшим, пришедшим от родной реки Евфрата, будучи остатками мидян, скорее всего вспоминали, как их деды, под командой мидийского царя Киаксара, разгромили великий город Ниневию/в районе современного Мосула-древней столицы Ассирии, в 606 году до Р.Х./, вспоминали о своей столице Мидии-Акбатане/Хамадон/. Могли ли сарматы обожествлять искренно чужую реку, случайно попавшуюся им на своем пути? Их, безусловно, тешило лишь сознание своего господства над этой чудеснейшей рекой, дающей им богатства через торговлю с внешним миром. Гадовались, обожествляли лишь родную реку Дон, воспевали Ее вдохновенными песнями, благодарили Создателя Мира за то, что они-дети этой благословенной реки, которая питает их физически и дает силы для защиты родной святой реки, временами увеличивая широкие Ее волны своими горячими слезами женщин и детей!

Казачья! И эти чувства на протяжении трех тысяч лет таились и таятся в сердцах великих предков и их потомков Донских казаков. Ведь сколько потоков слез и крови из родной реки влилось в Азовское и Черное моря, пылая к Небесам?

Вот этот то свободной мысли, к сожалению, не оказалось у нашего Донца, профессора М.Миллера, так прекрасно изложившего сводку всех археологов о культуре проходивших народов, о своем родном Казачьем народе умолчал... и суммарно говорит: "конечно, название жителей Танаиса и связанных с ним поселений в танаисских инскрипциях и у античных историков"танантами, является определением не этническим, а политическим. Установить же принадлежность танантов к какому-либо определенному сарматскому племени, нет возможности: погребения встречаются всех типов. Никакая гипотеза по этому вопросу пока не может быть достаточно обоснована."

Русский проф. В.Сичинский считает, что Танаис был населен "роксолянами" и, приводя известное изображение воина Трифона, на коне с пикой, найденное в развалинах города, дает под ним надпись: "роксолянский конник".

Конечно, русский профессор, роясь в истории и земле, чуждой территории, не принадлежавшей из стари Московии/т. наз. "Великороссии"/, не станет доискиваться Истины о древних Танантах-предках Донцов, - он даже уклонился сказать о сарматах, а выдвинул фальшивую гипотезу, что изображение Трифона-есть роксолянского конника.

Какова же цель этого "ученого"? Она расшифровывается тем же проф. М.Миллером/стр.145, ч.1/: "Еще в половине XVIII века горячий русский патриот М.Ломоносов выдвинул гипотезу о происхождении русского народа от "роксолян". Гипотеза эта была построена только на созвучии "роке" и "рос", поэтому исторической наукой не была принята и забыта в продолжении 100 лет.

В конце XIX века другой "русский патриот", историк Д.И.Иловайский пытался воскресить гипотезу Ломоносова, но и на этот раз "роксолянская" гипотеза не была принята.

В недавнее время, в СССР в связи с усилившимся русским патриотизмом, усиленно насаждаемым, русский коммунистический археолог С.Толстов снова выдвинул, давно отвергнутую и забытую гипотезу.

Конечно, в условиях СССР, выступать против любой патристической гипотезы, как бы она не была необоснованной, совершенно невозможно. Роксолянская гипотеза всегда выдвигалась не с научной, а с политической позиции и построенной лишь на созвучии "роке" и "рос".

Никогда и нигде искажение истории, под влиянием политического заказа, не принимало такого крайнего и совершенно открытого характера, как в русско-коммунистической историографии, в результате чего исторические науки в коммунистической России/СССР/приобрели антинаучный характер примитивной пропаганды."

Относительно Ломоносова и Иловайского необходимо сказать, что они то абсолютно не "русского" происхождения: первый-помор, а второй-казак. Они просто продали свои перья в пользу династии т. называемых "Романовых"-Кобылы, а фактически немцев.

Проф. М.Миллер, принимавший участие в раскопках Танаиса и издавший в

В своем труде даже план города, говорит: "если диагональные погребения нужно признать "роксолянскими", то мне неизвестно ни одного погребения роксолян из могильников Танаиса. Следовательно, из области Дона роксолян придется исключить: их там не было. Диагональные погребения роксолян найдены лишь на левобережье р. Днепра".

Таким образом, фальшивая гипотеза Ломоносова, Иловайского и Сичинского, пытавшихся роксолян пристегнуть к империализму Московии, потерпела полное поражение.

Конец города Танаиса был трагичен: в 375 году н.э., он был разграблен, разрушен до основания ураганной ордой-гуннов, пришедших из-за Волги от Средне-Азиатских пределов. Так, Танаис, со своей историей, оседлой жизнью, обширной торговлей и высшей культурой погиб навсегда, и наступило долгое смутное время-передвижение тюрско-монгольских орд.

Иранские племена: киммерийцев/киммеры, гимеры, гомеры/, скифов/называющих себя сколотами/, сарматов-конные скотоводы, подчинили себе местное земледельческое население, но сами передвигались, боролись между собой, совершали далекие грабительские походы и затем исчезали с исторической арены. Местные же индо-европейские и средиземноморские, афетические племена оставались на месте и после великого переселения народов. В VI веке н.э. создали свою культуру; к IX веку создается на Висле, Десне, Днестре и Днестре-славянская культура, но не "русская".

Страбон о богатстве кочевых сарматов писал: "богатые сарматские погребения известны также на Кубани, а особенно на Дону. Таких богатых погребений нет нигде, по всей громадной области, от Аральского моря до Днестра." Он также говорит о местном населении: "за ними/местами/следуют кочевники, живущие между Меотидок/Азовское море/и Каспийским морем. А верхние "Аорсы"/танаиты-касаки/владели обширной страной над большей частью Каспийского побережья и торговали даже индийскими и Вавилонскими изделиями, получая их от армян и персов и перевозя их на верблюдах. Благодаря богатству, они и сарматы носили золотые украшения. Сарматы еще не имели чисто государственных образований, но они группировались в мощные союзы; во главе союзов стояли вожди. Был в общем феодальный строй и некоторое расслоение на богатых и бедных. Верхушка сарматского общества имела частную собственность и даже рабов, но в ограниченном количестве, - повидимому, демократические начала влияли в общественной жизни. Знатные роды имели знаки-тагмы. Власть вождя была ограничена господствующей верхушкой и не имела того характера диктатуры, каковая существовала у скифских царей. Большое влияние на сарматское общество имели воинственные сарматские женщины: они имели полное равенство с мужчинами, не только в обычное время, но и во время войны. Девочки наравне с мальчиками воспитывались в духе воинской доблести. С самого малолетства девочки стремились к конским состязаниям, и каждая девушка не выходила замуж до той поры, пока в ее трофеях не окажется трех голов врагов народа. Сарматские женщины, судя по современным археологическим радиоактивным анализам, отличались античной красотой и изяществом. Некоторые женщины, в своей общественной жизни, достигали до ступеней вождя народа. Так, в Новочеркасском музее хранятся украшения такого вождя-женщины.

1/Золотая диадема, украшенная крупными жемчугами; в центре диадемы красивый женский бюст с гранатом на голове.

2/Пузырек, в форме цилиндра, из цельного агата; передняя и задняя части сделаны из золота.

3/Резной золотой флакон для духов; на верхней поверхности изображение барса и орла, терзающих оленя.

4/Украшения круглой формы из чистого золота.

5/Два браслета золотых, две золотых коробочки, большое количество золотых нашивных бляшек, длинная золотая пластинка с цепочкой, два золотых кубка, на одном-ручка формы оленя.

В общем, по богатству сармато-аланских погребений Дон занимает первое место.

Под влиянием могущественной греко-римской культуры, у сарматов, особенно в аланское время, возникает письменность. Одежда у сарматов, как и у Кавказских народов, была: куртка из выделанной кожи и штаны; на голове шапка из войлока; на ногах полусапожки. Воины носили чешуйчатые панцири, перетянутые поясом; к последнему прикреплялся меч, с левой стороны, кинжал по-средине, точильный брус - с правой.

Для защиты имелся круглый щит для боя, также как и у римской кавалерии. Имели также тяжелые пики, лук и аркан, как и у казаков древнего периода. Сарматы были среднего роста, плотного сложения, с маленькими кистями рук, орлиным носом, невысоким лбом и плоским затылком. В общем - тип северо-иранский, в отличие от Кавказских племен среднеземноморско-афетических. Лицо, как женщин, так и у мужчин подкрашивалось.

Чудовищный и страшный вид сарматской знати и воинов придавали искусственные, с малолетства деформированные черепа. Все это, по видимому, делалось с целью устрашения врагов своим свирепым видом. Деформирование черепов впоследствии привелось готам.

По линии северного побережья Черного и Азовского морей, на протяжении 2.500 лет до Р.Х., происходит активное соприкосновение варварства и цивилизации, и в результате - обмен сырья от варваров и фабриката от античных народов. Античная торговля в Приазовье была греко-скифская от VII до II в. до Р.Х., и греко-римско-сарматская от I в. до Р.Х. до IV в. после Р.Х.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО.

Профессор-постковед В.В. Григорьев, в труде "Россия и Азия", в 1876 г. писал: "Побережье Черного моря, усевное некогда цветущими греческими городами, которые давно уже обратились в безобразные кучи мусора, представляет множество материальных памятников исторических и археологических, но историческая литература о древностях мала. Не видим мы, например, чтобы выяснены были особенности греческой жизни, развивавшейся на берегах "Киммерийского Боспора" в политическом, религиозном, общественном отношении, в искусстве.

К каким племенам человечества принадлежало туземное население Прибоспорского Края, кто были эти знаменитые Скифы и др. им родственные народы. В какой мере было воздействие греческой цивилизации на господствовавших "варваров". Все эти вопросы абсолютно не разрешены русской исторической наукой. Полного повествования о судьбах Боспорского царства не находим ни у одного из древних писателей / потому что в своем шовинизме "русские" и не старались находить, прим. автора /.

Некоторые сведения за период 480 г. г. до Р.Х., доставляет один Диодор Сицилийский и сказания Страбона. Затем, с 284, в эпоху Митридата-Большого нет ни одной строки".

Так русский профессор, не потерявший совесть, характеризует невежественную, с научной точки зрения, историю москвитов.

В период могущества Боспора, ему подчинялись: Кафа / Феодосия /, Херсонес, а на Таманском полуострове - Фанагория, Георгина, гавань - Синдов, на берегах Азовского моря - Танаис.

Окружавшие Боспорские владения были народы Северного Кавказа и Приазовья: меоты, танаиты, сарматы, роксолане. Столицей Боспорского царства была Пантикапея, на месте нынешней Керчи, основанная около половины VI в. до Р.Хр. Имя "Боспор" принадлежало нынешнему Керченскому проливу.

Страбон говорит, что столицей, в его время, была на европейском берегу Пантикапея, а не Азиатском - Фанагория.

Первыми царями были Археанитиды; им наследовал Спартак. Он был не из эллинов, а из "варваров". Затем, Селевк, Сатир, друг Афинянам, Левкой, знаменитый мудростью, добродетелями и подвигами. Он владел Феодосией, разбил флот Ираклийцев, - об этом говорит Демосфен, Страбон и Полиэн.

Страбон, упоминая о походах Митридата против Скифов 112-94 г. г. до Р.Хр.,

говорит о том, что он разбил предводителя Роксолян Тасия, обитавших между Доном и Днепром, с 50.000 войска, приходившего на помощь к сыну скифского царя Скилура-Паляку. Царя Полимна, разрушившего Танаис и убитого меотами, заменила на престоле жена его Пифодариса, женщина, как говорит Страбон, разумная и в делах правления искусная.

Во время боспорского царя Сатира/484-398/афинские купцы взамен своих фабрикатов вывозили: сырье, рабов и главным образом хлеб в больших количествах, которых хватало не только на пропитание всей Греции, но даже излишки продавались на сторону.

Со времени войн Римского Помпея с Митридатами, Римское государство приходит в непосредственное соприкосновение с Причерноморьем и Боспором. Помпей дает Фарнаку-сыну Митридата-предавшего отца, титул "друга и союзника Римского престола" и сажает его на Боспорский трон, после самоубийства Митридата-Эвпатора Великого.

Во времена Октавиана протекторат Рима на Боспорское царство устанавливается с режимом: везде римские гарнизоны; в Херсонесской бухте-римский флот.

В первой половине III стол. до Р.Хр. на Черноморье надвигаются с Днепра Готы. Они разрушают Тиру и Ольвию, занимают Крым и Тамань и устанавливают свое господство. Рим выводит свои гарнизоны и флот. Происходит в общем кризис Римского рабладельческого государства, в результате германских нападений. Боспорское царство падает. Торговля Танаиса, Фанагории, Пандикопей уменьшается. Готы производят морские походы на берега Малой Азии.

С конца II ст. до Р.Хр. в сарматской агрессии против скифов, почти поголовно уничтоженных, начинают играть ведущую роль племенные объединения роксолян, пришедших из-за Кавказа. Сперва они сосредоточились в степях от правого Дона до Днепра, а родственные им "языги", заняли территорию к Западу от Днепра. Скифы совершенно исчезают. Современный археолог Смирнов считает, что союз роксолян занимал область Северского Донца и отсюда роксоляне, вместе с языгами, делали далекие грабительские набеги на Дунай и Крым.

В середине I столетия н.э., часть роксолян передвинулась за Днепр и вместе с языгами вторглись в Мезию-владения Рима, одетые в панцири. Конница их не могла развить стремительную атаку против римских легионов, по случаю выпавшего большого снега. Роксоляне потерпели поражение, о чем повествовал римский историк Тацит.

Во II столетии они доходили до Дакии. А в 447 г., под предводительством Одоакра, в составе других причерноморских племен, захватили Рим и владели им одиннадцать лет. Как самого Одоакра, так и часть его армии считали истинными казаками, и на основании этого велась дипломатическая переписка со Шведским Правительством об образовании самостоятельного Казачьего государства.

Как известно, северо-иранские племена: киммерийцев, скифов, сарматов формировались в области Хорезмы/Хива и Бухара/и уже сформированными приходили в Приволжские и Причерноморские Края. Все эти племена были конные кочевники и хотя они и не разоряли в корне культуру местного населения: танаитов, меотов, ксогов, ксаров и вообще племен Северного Кавказа, но до известной степени ущемляли их национальное достоинство, пользовались их произведениями, созданными с начала бронзового века. Жили, так сказать, на теле тружеников, как паразиты: богатели, украшали себя золотом, греческими тканями и предметами культурной жизни, за счет выколачиваемого хлеба, добытого потом наших многотерпеливых предков, о которых так мало говорили историки, а москвиты/"русские"/даже не упоминали.

Вина лежит также и на казачьих исследователях. По примеру античных историков, наши, как бы цеголяют знаниями паразитарных передвигающихся народов, а в свою родную историю не постарались углубиться, чтобы найти в глубинах веков источники происхождения Казачьего народа.

А Л А Н Ы .

Появляются в степях Подонья, Приазовья и Северного Кавказа в I ст. до Р.Хр. аланы. Это было одно из передовых прогрессивных сарматских племен. Однако, они пришли на Дон не с Востока, а с Северо-Запада, от Скандинавии, по видимому, во второй раз. Аланы считали себя племенем благородным и постольку возможно избегали смешения в браках с другими племенами. Они скифами не были, а были родственны Готам. Говорили они на германском наречии. Историк Аммиан Мерцелина о них говорит: "все Аланы высокого роста, люди сильные, по цвету волос - платены, суровость взгляда вселяет страх. О катах они не забывают, а также о плуге, - живут на мясе и молоке. Жилища на повозках, прикрытых палатом. Аланы рады всякой опасности и войне: тот счастлив, кто погиб в бою. Кожа с головы убитого врага - почетный трофей. Молодежь вырастает естественными всадниками. Побеждая соседей, включают их в свою нацию. Религиозный ритуал - воткнувший в землю меч; это - символ бога войны. В погребениях их видно экономическое равенство. Воплотив в свою сферу Аорсов/танаитов/на Дону, они делают набеги на Персов, Армян и Римлян.

Торговые пути их лежали через Албанию/нынешний Азербейджан/и Сакасену/страна каксаков/. Поэтому среди них оказались племена Касаков. Современные археологи племя "саков" рассматривают не принадлежавшим скифам, а это тип средиземноморский, без всякой монголоидности. Не нужно быть очень зорким, чтобы заметить, что Касак, Кайсак и Коссак получились из основных имен "Каз"/академика Н.Я.Марра/и "Саки" тоже древнего племени, и постепенное слияние этих имен: Касаки, Казахи в имя Казаки.

Большое переселение народов уничтожило почти все города античного мира на Дону, в Приазовье и на Кубани волной гуннов. Аланы, по своей врожденной воинственности, дали бой Атилле, но потеряв своего вождя, понесли поражение и были обиты со всех центров своего пребывания. Часть их отошла на Северский Донец и по правую сторону Дона, при впадении в него р. Тихой Сосны; часть отхлынула к Кавказским горам, где и ассимилировались осетинами, давши им, однако, свой язык с примесью слов арабских и грузинских.

Те и другие Аланы переходят к оседлой жизни. Единственная маленькая группа Алан уцелела и существовала еще в XII веке, что видно из летописи: "Ярополк/сын Владимира Мономаха/ходи на Половецкую Землю к реце, зовемой Дон и ту взя полон много и три города взя половецкие: Галин, Сугров и Чешуев и приведе с собой Ясы/аланы/и жену полони Яонню".

Алане были христиане и поэтому они не оказали сопротивления Ярополку - "христианину", но этот "христианин", по врожденной всем Рюриковичам жажде наживы, все же ограбил благородных алан и произвел насилие над прекрасной аланкой "подонив" ее.

После X века памятники Алан вообще исчезают, как исчезли следы и сарматов, ушедших на Запад. Обычно историки утверждают, что Атилла превратил Приазовье в пустыню. Однако, известно, что он, уходя на Запад, оставил для управления своего сына Эляка.

Отсюда, "пустыня" Атиллы и "Дикое поле" Батия - не значит отсутствие населения и перерыв в процессе исторического развития. В области Дона и Северного Кавказа жизнь продолжалась все время и непрерывно с древних времен, о чем утверждает профессор М.Миллер, давший сводку почти всех работ археологов бывших и современных.

Б О Л Г А Р Ы .

Греко-римские историки выводят народ болгар из племенных азиатских союзов Дальнего Востока: кутургуров, утургуров и оногуров. Они появились в наших степях в конце III и начале IV века, из-за Урала. В 482 Византийский император Зенон пригласил их на помощь против Готов. А в 487 году Готский император Теодорих, вверг походом в Италию, встретил болгар в Мезии и разбил их. Впоследствии болгары делают нападение на Византию, кочуя

своими массами между Дунаем и Доном. Большая часть болгар, под напором Хазар, переселилась, под начальством Асперуха, на Дунай. Они, по договору с Византийским императором Константином IV, в 679 году переходят на правый берег Дуная и основывают государство Болгарию, со столицей в Абоба-Плиска на Дунае. А так как болгары были малочисленны и по культуре ниже славян, то они очень быстро совершенно ассимилировались среди славян, приняв и их язык.

СРЕДНИЕ ВЕКА.
/От 4-го столетия/.

Х А З А Р Ы .

Самое древнейшее известие о Хазарах находится в летописях грузинских "В хронике Вахтанга", где говорится, что в 2302 году по сотворении Мира, вторгнувшись в теснины Дербента и Дариеля, они опустошили Грузию и Армению.

Достоверные сведения о хазарах находятся в летописях армянского историка Моисея Хоренского: "В последнее царствование Валарсака Хазарские и Базилийские народы ворвались в ворота Зурские/при Каспии/, под предводительством царя Венасепа-Сургака и проникли даже за реку Куру, в 198 году н.э., но были встречены войском Валарсака и были разбиты, но в последующем сражении у ворот Валарсан был убит. Сын его Хозрой вторгся в землю Хазар и победил их, взяв в заложники по одному человеку со ста. В 310 г. н.э., в царствование Тиридата, хазары вторглись в Армению, но снова были отбиты.

Стремление на Юг, из диких степей к прекрасному климату, изобилию произведений природы, образованности, было постоянством истории хазар.

В 375 году нахлынули ужасные гунны и заставили хазар отойти к Кавказским горам. Освободившись от ига гуннов, могущество хазар начало быстро увеличиваться и владения их простирались на Юг до р. Аракса. Дальнейшее продвижение было остановлено Персидским государем Кабад-династии Сассанидов. На границе земли Ширван, он построил огромный вал с 300 башнями, а сын его Пуширван-Справедливый-крепость Дербент. Но в 626 году хазары все же прорвались через вал в Персию и подвергли ее ограблению, имея на своей стороне союз с императором Византии Гераклием.

Но, в это время, в Аравии совершился великий переворот. Воспламененные фанатизмом Аравитяне, готовы были, во славу своего пророка, завоевать целый мир; оружие их гремело повсюду. Хабиб-Ибн-Муслиме, полководец Османа, на берегах Евфрата разбил соединенные войска Аланов, Абхазов и Хазар, овладев Тифлисом. Другой полководец, перейдя через Дербент, при Беленджере, атаковал Хазар, но был убит и с ним погибло свыше 4.000 мусульман в 651 году н.э. После этого настали чуть ли не постоянные кровопролитные сражения, на протяжении 80 лет. Мусульмане стремились к захвату земель и народов по ту сторону Кавказа, а Хазары, защищая свое, желали захватить Армению.

В 730 году хазары прошли Дербент и вторглись в Азербейджан и разбили мусульман; предводитель их Джаррах был убит. Хазары опустошили Азербейджан, взяли Ардебил, и раз, езды их появились в окрестностях Мосула. Но, вскоре войско халифа Гешама, пользуясь тем, что хазары распространились отдельными отрядами, стало разбивать их по частям, принудив хазар отступить поспешно.

Гешам поселил в Дербенте 14.000 Сирийцев.

В 764-799 г.г. хазары делали набег на Армению. Но знаменитый Гарун-Эр-Рашид заставил хазар отказаться от своей цели-захвата Армении. Так кончилась борьба двух народов Европы и Азии.

Тогда хазары обратили свое оружие на своих соседей с Запада и Севера. В 642-668 г.г. - царствование императора греков Константина II, они изгнали с Черноморья болгар, овладели частью Тавриды, наложили дань на славян, полян, северян, радимичей и вятичей. На Днепре хазары основали город Киев,

посадив наместником Кия, по имени которого и был назван город.

Владения хазар были от Каспийского моря до берегов Днестра, и от Черного моря до берегов Оки и Камы до Волги. Византийские императоры всячески заискивали перед хазарами. Так, например, Юстиниан-Риногимат в 702 году женился на дочери Какана Феофании, а в 732 году Константин Копроким-на дочери государя хазарского, славной в Византийских летописях Ирене.

В 786-809 г.г., в царствование Гарун-Эр-Рашида, евреи, притесняемые в Греции, удалились к хазарам и, видя простоту этого народа, предложили свою веру. И хазары, найдя ее лучше собственной веры, приняли ее/историк Ибн-Эль-Эсир Диезерн/.

Дикая храбрость, доселе поддерживавшаяся исламом, исчезла и хазары утратили свой воинственный дух и с IX столетия могущество их стало ослабевать. С Востока начали напирать дикие печенеги и др. турецкие народы, а с Северо-Запада Варяжские князья Днепровья. Набеги печенегов заставили их в 834 году построить на берегу Дона крепость, при поддержке императора Феофила, который нарядил целый флот с материалом и послал своего шурина инженера Петруку во главе этой строительной экспедиции. Крепость была названа: "Саркел".

В 860 году часть хазар приняла христианство.

Этническое племя хазар исторической наукой еще не установлено, - принадлежали ли они к турецким племенам или смешались с иранскими племенами. Что же касается другого их названия "Казар", то оно расшифровывается чисто лингвистически, а именно: после завоевания Боспорского царства римлянами, включая и все Приазовье, эти владения считались провинцией Кесаря-Цезаря римского, и монеты для оккупированной зоны чеканились с надписью "Кайсария". Это наименование существовало свыше 1.000 лет.

Путешественник Вильгельм Рубрикус писал: "страна называлась: "Кесария", что значит - "Цезария".

Как сказано выше Гунны смели со своего пути Аланов и заставили хазар, касогов, касоаков, касаров, адмгейцев-черкасов отходить к Кавказским горам. Донским жителям отходить на Север, на левый берег Дона, вместе с частью Аланов. В Закавказье оставался резерв Казахов, в междуречье р. Аракса и р. Куры, где и до настоящего времени существует город "Савасх" - в произношении греческом "Казех", а в твердом татарском: "Казак". Трехтысячелетний период не стер это название казахских предков.

Уходя из Приазовья местное население, безусловно, несло в своих сердцах идею своего царства, хотя бы и под капиталистическим режимом Боспора. Бедняками Боспорского царства были не греки, а избранные из местного населения. Боспор просуществовал тысячу лет. Его образ запечатлелся в душах основных жителей. Многие поколения прожили там: на Дону, в Азаке, в Фанагории, в Тома/будущая Тьмутарокань/, Георгии и Пантикапей, вполне обеспеченно трудом и заработками, благосостояние расцветало, города и поселения были благоустроены, и все это родное: быт, общественные порядки, приближающиеся к демократическому устройству, нажитое благосостояние пришлось бросать врагам-паразитам.

С великой тоской и ненавистью уходили наши предки к горам, но в душе они несли чувство горения вернуться и восстановить вновь спаленные очаги.

И действительно, как только окончилось гуннское владычество, которое освободило, между прочим, наши степи от пришлых готов, болгар и торков.

Начинается всегосударственное возрождение, под именем "Хазария".

Таким образом наши предки на Северном Кавказе и Приазовье вновь стали наследниками Кесарии и Боспора, создав с Хазарами сильную федеративную державу.

Хазары сами по себе, по своей малочисленности, не смогли бы создать такую мощную империю, которая к VI веку являла собой полный расцвет и могущество от р.р. Камы, Волги, через Дон до Днестра вкл. Главной основой-фундаментом ее строения были народы Кесарии, но не Хазары. И, действительно, в Хазарской Федерации были различные народы, не только по религиозным

воззрениям, по языку и облику. Были черноволосые — признак хазар-скифского происхождения, были белолицые — признак северо-кавказцев, хотя и с черными волосами или шатены и таковых было большинство. Однако, царственный род в Федерации исходил от хазар. Кто был первым каганом до Сургака — неизвестно. Но роль каганов была лишь скрепляющей звенья Федерации. Каган царствовал, но не управлял. Первым правителем был выдвинут в помощь Кагану, с титулом Хана/царя/Зибель. Заместители Кагана впоследствии командовали армией, объявляли войну, заключали мир и были в действительности фактическими царями.

Таким был и Зибель, сопровождавший со своей 40-тысячной армией императора Византии Ираклия в Персидском походе. За услугу, Ираклий возложил на голову Зибели свою корону и обещал выдать за него свою дочь Евдокию.

Зибель, повидимому, был из царских родов местного Кавказского племени. Мог он выйти из среды Аланов, сильных в былом своей организованностью.

Хазарская федерация оказалась довольно прочной, ибо основой ее были те племена, которые начиная с Бронзового века имели большой государственный опыт. И в неписанной Конституции этой державы, именно и чувствовалась воля местного населения. Зависимость народов державы, по отношению правительственной власти, выражалась лишь в небольшой дани и военной помощи. Во внутренние дела народов власть не вмешивалась и они пользовались полным самоуправлением. Пройдут века, до XX включительно, но казаки такого самоуправления не встретят.

В Хазарии были: болгары, черные и волжские, угры, племена финнов, остатки готы, греки и славяне; из последних поляне платили дань до начала X века; северяне, радимичи и вятичи тоже платили дань.

Английский этнолог/наука о племенах/Хаворт, в статье: "Черкасы и белые Кхазары" утверждает, что Хазария зародилась на Северном Кавказе, т.е. там, где вождями местных народов были Черкасы, в лице Касогов/казаки/, кабардинцев, кабаров и категорически утверждает, что никто другой не мог быть первым организатором Хазарского царства, ибо имя их "Кассаки или Касоги" созвучно с именем Хазары.

Имя Черкасов в истории настолько слилось с понятием о Касогах и Казаках, что часто в хрониках, без особого пояснения, нельзя понять о каких именно черкасах идет разговор. Даже летописец Нестор говорит, что казаки имеют много обычаев схожих с черкасскими, а военную тактику они унаследовали вместе с именем Кассаков и Касогов.

Имя "Кассак" у Константина Багрянородного имеет определенное этническое /племенное/ значение, о чем тоже говорит Хаворт и приводит выдержку из книги Френа: "О Хазарии". Ибн-Хаукал говорит, что Кхасары отличались по языку от турков. Ахмет-бен-Фозлан тоже утверждает, что язык хазар иной, чем Персидский и турецкий. Арабский географ Ибн-Эн-Этир и Шемад-ад-Дин связывают Кхасар с Грузинами и Армянами. "Кхасары по языку не схожи ни с турками, ни с персами, ни с русами. Их речь такая же, как у болгар. По внешнему виду они не похожи на турков. Одни Кхасары черные, такого же цвета темного, как Индусы, а другие светлой кожи, красивой и благородной внешности с темными волосами".

Хазары вели с переменным успехом войну против арабов, на протяжении 80 лет, главным образом не потому, что их манил благодатный климат Армении или богатства Юга, ибо таковыми они сами обладали в громадных размерах, веди обширную торговлю, а потому, что Арабы притесняли народ страны Казахии, расположенной тогда в междуречьи р.р. Аракса и Куры, заставляя казахов уходить в горы или Грузии или Кавказа, к своим единоплеменникам.

А вообще, правовой порядок Хазарии, строгая веротерпимость, феодально-демократический строй привлекали к Хазарии многие народы. В столице Итиль, при устье Волги, одних купцов было до 10.000 человек. Верховный Суд находился в Итиле. Право и справедливость находилось в ведении сонма Семи судей: два магометанина судили по законам Пророка; два хазара-иудея руководились законами Израиля; два христианина — Евангельскими Правилами; один

судья назначался для руссов/не "русских" только, прим. авт./, славян и других язычников, - он выносил приговор или по совету магометанских судей или руководился Законами Природы.

В хазарии добывались: медь, серебро, золото, но благосостояние жителей основывалось, главным образом, на широкой торговле, имея в своем распоряжении водные пути: Волги, Дона, Днепра и моря: Каспийское, Азовское и Черное. Своей торговлей Хазария достигала наивысшего расцвета, при обилии здобавок громадных пастбищ для многочисленного скотоводства и интенсивного земледелия на Дону и Кубани. В окрестностях богатейших городов: Беланджера, Семендера на р. Сулак и Хамлиджа тянулись пыльные виноградники.

Рыболовство тоже расцветало: осетровая икра, вяленая, соленая рыба прельщало аппетиты иностранцев Запада и Востока.

В 860 году, в столицу Итиль прибыл равноапостольный Константин Философ, именуемый в монашестве Кириллом. Он вел беседы с магометанами, с сарацинами от Евфрата, с Хазарами, с Касогами, Кассерами, с евреями. Многие приняли христианство, в том числе и вази предки Казачьего народа, подготопленные еще до этого времени проповедями Св. Андрея Первозванного.

Христианство в Хазарии получило широкое распространение. О этом говорит ряд исторических свидетельств, а для крепости Саркел и археологических.

В житии Грузинского мученика Або Тифлисекого говорится, что около 780 года он ездил в столицу Итиль, которая представляла собой крупный христианский центр. Сам Або Тифлисекий принял крещение в Итиле. По городам и селам были церкви.

В первой половине VIII века из Византии появились евреи. Эмиграция евреев была вызвана тем, что император Лев Исавр в 723 году приказал насильно обречь в христианство магометан и иудеев, а последних, видя безуспешность христианизации, он изгнал совсем из страны. Эти евреи разместились по городам "гостеприимной страны Казаров" и, отличаясь торговыми способностями, заслужили доверие у хазарских правителей, которые постепенно стали склоняться к иудейству. Первым принял иудейство Каган Булан, и с этого момента, когда был издан закон, по которому трон должен переходить только лицам иудейской веры, правители обособились от народных масс особым ритуальным обрядом и особым мирозерцанием и это, естественно, способствовало упадку популярности кагана в Хазарской Федерации.

Археология утверждает: "Могильники изобилуют массой монет соседних стран, ни в какой другой период своей истории население Северного Кавказа не обладало таким множеством украшений из драгоценных камней и металлов неместного производства, как в этот период". Двор кагана блистал чрезвычайной роскошью. Дворец был позолочен. Двери в салон кагана и его трон были из чистого золота.

Вся эта роскошь влиwała в правящий слой чувства беспечности и праздности, а в соседних народах - громадную зависть и рождало стремление захвата сказочных богатств.

Вытекают ли причины падений империй вообще из основ божественных истин - быть равными в среде человечества нашей кормилицы Земли, не только в духовном, но и в материальном смысле, или же причиной этих сокрушительных падений империй является только личная жажда захвата непринадлежащего, но так или иначе, а блистательная Хазарская Федерация пала в скором времени.

Если первоначальные зачатки Хазарии были разрушены блистательным бандитом Атиллой, то печальный Рок уже указывал Северо-Кавказцам, что в ближайшем будущем появится такой же блистательный грабитель не с Востока, а с Запада.

Учитывая все эти обстоятельства, проснувшийся из состояния беспечности Каган, обратился к императору Теофилу с просьбой построить крепость на Дону для защиты от западных варягов. Прибыл целый византийский флот с инженером Петроном и сильная крепость Саркел была сооружена.

Местоположение этой крепости долгое время не было известно современникам, но археологические раскопки, как сообщает проф. археолог М.А. Миллер, локализовано и развалины вскрыты, в районе хутора Попова, Цымлянкой станицы, на Дону, где на костях и крови наших предков, были одни из самых лучших пород Мира виноградики, вина которых ценились выше всех вин Европы и Азии. Теперь это золотое место служит дном Цымлянского моря, как результат прорытия канала между Волгой и Доном.

ПЕЧЕНЕГИ.

В VIII веке, это тюрское племя занимало бассейн р. Чика/Урал/. С севера печенегов теснили болгары, а с Востока-торки. С Юга была мощная держава Хазарской Федерации. Но так или иначе, а Печенеги вынуждены были двинуться на Запад. К этому времени Правительство Хазарии, убедившееся на кровавом опыте в войнах с Персами и Арабами, в их бесцельности, усвоило тонкую политику нейтрализации враждебных сил других народов. И когда в конце IX века Печенеги дошли до границ Хазарии, то Правитель державы, войдя в договорные отношения с Торками, которые теснили Печенегов, без особых военных столкновений, пропустил последних через владения Хазарии.

Просидевши под особым наблюдением 30 лет на р. Донце, Печенеги стали продвигаться на Юго-Запад, в сторону р. Дуная. На Яике остались небольшие части Печенегов, о которых вспоминает историк Ибн-Фодлан в 922 году. Эти части впоследствии вошли в состав племен, составивших Московию.

Константин Багрянородный в своих трудах писал: "С низовьев Дуная, напротив Днестра начинается Печенегия. Область их поселений простирается до Хазар. Печенеги заходили в Крым и грабили Херсонес и Климату".

В 915 году Печенеги подружились к Киеву "сотворивши мир с Игорем, идоша к Дунаю". В 944 году участвовали с Игорем в походе на Византию и грабили Болгарскую Землю.

Константин Багрянородный писал: "Печенеги, когда живут в немире-грабят Русь/не"Россию", прим. наше/. Русь/не"русские"/не могут свободно передвигаться по р. Днепру. Когда Святослав двинулся на Византию, то печенеги осадили Киев, и Святослав был вынужден вернуться обратно и отбить Печенегов от столицы.

В 1034 году Печенеги, теснимые Торками, пытались захватить Киев, но были разбиты Ярославом и они "побегоша разго и не ведахуся камо бежаче, бегающе, топаху в р. Стомли, иней же во иных реках".

В 1116 году остатки Печенегов, разгромленные на Юге Византийцами, объединились со своими врагами Торками и дали решительный бой Половцам, на берегах Дона. Два дня и две ночи шла кровавая сеча. В результате, союзники были разбиты и бежали под защиту Киевского князя и были поселены по р. Росаве, Роси и Суле, около Стародуба. Так закончилась историческая роль Печенегов, на протяжении 150 лет.

Т О Р К И .

Археолог Н.В. Голубовский доказал, что Огузи, Гузи и Узы или Торки обозначают одно и то же племя. Это был большой Союз в VI-XI веках. Кочевали они к Востоку от Аральского моря. В конце XI века, среди них начинает распространяться мусульманство.

Рассматривая материалы Г.В. Губарева, в его "книге о казаках", на стр. 95, он пишет: "В X веке, как сообщает Масуди, Торки появляются на правом берегу Дона. Местом жительства их был город Славянск, который в древности носил имя этого племени и назывался Тором".

Как мог г. Славянск называться Тором в древности, когда сами то Торки кочевали в VI и X веках восточнее Аральского моря, т.е. в средневековье. Древность же считается до IV века н.э. Дальше Г. Губарев сообщает: "что Торки или Узы были киммерийско-аланским народом, которому принадлежало

и древнее имя Касаков/1/".

По имеющимся археологическим данным Торки происхождения тюрского, ничего общего с аланами не имеющих.

"До своего появления на Дону", продолжает Г. Губарев, "они прошли длительный путь через Терек и Кубань к Волге, оставляя память о себе в разбросанных по степи курганах, в особом типе торческих погребений с конем".

Ригельман связывает появление имени казаков с приходом Торков на Донец - "начало Казаков, говорит он, происходит со времени 948 года, от славного победителя татаро-печенегов "Касака" и по его имени проименовалось войско его - Казаками, с чем в Сивероисе Киевской пишет так же, что победивши татаро-печенегов Казаки остались между реками Доном и Днепром".

Не отрицая правдивость изложения Ригельмана со времени 948 года, необходимо указать, что Казаки-Касоги встречались в истории раньше и впоследствии входили в состав Хазарской Федерации.

Дальше Губарев пишет: "после Ригельмана, историк Н. М. Карамзин также считает, что имя Казаков "древнее Батвева наместник" и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первые жилища малороссийских казаков..

Торки и Берендеи назывались Черкасцами. Казаки - тоже. Вспомним Касогов, обитавших между Каспийским и Черным морями, вспомним страну "Казахия", полагаемому Константином Багрянородным в сих же местах, прибавим, что Осетины именуют Черкесов-Касаками.

В самом деле, два имени Черкасцы и Казаки, в течении столетий, тесно переплетаются друг с другом. Но вместе с тем, Черкасцы с Днепра и Дона называют себя Казаками. Черкасцами, в русских понятиях, они оставались вплоть до 18 века, после чего это прозвище/черкасцы/перестало употребляться и закрепилось окончательно за Кавказскими Горцами".

Что касается взаимопониманий Черкасцов и Казаков, то в этом изложении Г. Губарев прав; относительно же Торков, то здесь никак не историческая неувязка. Ставить Торков в какую то родственную связь с киммеро-аланами, а также Казаками нельзя, ибо киммеро-аланы иранского происхождения, а Торки-тюрского. Называть их "Тори атми" тоже не следует, т.к. они к Скандинавскому богу грома и молнии "Тору" не принадлежали, т.к. они были мусульмане.

Что они были на Кубани, в этом нет сомнения, но пришли они не от Терека, а от Урала и Волги на Дон. Пути продвижения Торков изложены не только географически, но и хронологически археологом профессором М. А. Миллером. Указав X век - начало движения Торков на Запад, под давлением Половцев, проф. М. Миллер сообщает: "В конце XI века среди Гузского союза начинается распространяться мусульманство. Мусульманская часть Торков стала называться Туркменами, и в дальнейшем это название перешло на всех среднеазиатских Турков. Передвижение Торков на Запад сыграло большую роль в истории Западной Европы и передней Азии. Торки двинулись двумя большими массивами: часть в обход Каспийского и Черного морей с Севера, а часть в обход этих морей с Юга. Последняя группа, с вождями из рода Сельджуков, завоевала Северный Иран, Закавказье и Малую Азию, где и создала обширное и могущественное государство.

Эти южные Торки или Туркмены, получили название турков-сельджуков, в дальнейшем турков-османов, а затем просто Турок. В XV ст. эти Турки-сельджуки завоевали и весь Балканский полуостров. Масса Торков, двинувшаяся Северным путем, стремилась к тому, чтобы дойдя до Византии, разгромить ее и соединиться с Торками, шедшими Южным путем. Однако, северная группа была разбита Византийцами, и соединение не произошло. В результате, северная группа Торков с течением времени рассеялась и смешалась с другими народами.

Во всяком случае можно считать, что движение Торков на Запад имело характер грандиозного плана, что доказывает, что среди Торских вождей, уже в то время, были выдающиеся политические вожди, знавшие географию и международное положение, на основе которых они и строили свои далекоидущие

планы. И эти планы могли бы осуществиться, если бы Южные Торки-сельджуки завоевали Балканы не в XV, а в XII ст., или же, если бы северной группе Торков удалось разбить Византию и соединиться с Южными."

Во время похода князя Святослава в 865-866 г.г. на Хазарию, Торки также напали на Хазар и были отбиты лишь благодаря помощи хазарам со стороны Хорезма/Бухара/, как об этом сообщает Ибн-Асир.

В 1054 году, как сообщают Византийские источники: "огузы всем племенем, в количестве 600.000 вторглись в Византию, предав разорению ее Балканские провинции. Византийцы, вместе с Печенегами, разгромили их, поселив остатки в Македонии, а часть князем Изиславом была поселена на р. Росяве.

В 1055 и 1060 г.г. против Торков были организованы походы Киевских князей. Торческие погребения есть в бассейне р. Роси. Административным центром был город Торческ/ныне с. Торчица/. Здесь торки избирали себе князей, подчиненных Киеву. Как Византийские, так и русинские торки в XIII ст. были ассимилированы местным населением.

Считаю не лишним пояснить о некоторых действиях потомков Торков по отношению к Донским казакам, состоявшим в Хазарской Федерации. В 885 году они под командой Киевского князя Олега напали на казаков, а в 965 году Торки совместно со Святославом разгромили Хазарию и разграбили, в том числе и наших предков, а в эпоху Петра I-го, это племя расселившись западнее Днепра, потребовалось Правительственной власти для организации так называемых "служилых слободских полков". Вот с такими то полками бригадир Шидловский 1 июля 1708 года разбил Западный отряд Донского войска, под командой есаула Драного, чем поставил Атамана К. Булавина в тяжелое положение. Шидловский с радостью доносил царю: "Конклязю учинил: Бахмут выгнали и разорили", т.е. уничтожили Донской Бахмутский городок.

В период 1709-1739 г.г., когда Украина отложилась от России, передавшись под покровительство Турции, претензии Запорожцев, поддерживаемых торскими поселенцами, были чрезвычайно велики, а именно: не только все Азовское море, даже с Восточным ее побережьем Кубани, близ г. Ачуева, но даже на всю дельту Дона, вплоть до р. Темерника. И только грамотой императрицы Елизаветы аппетиты торских поселенцев были урезаны и указаны границы Украины к западу от р. Кальмиуса.

Екатерина II повелевала послать в г. Казань для подавления восстания Пугачева тысячу человек "малороссийских казаков", главным образом, из Торков и писала командиру Бибикову: "в сих изстари ненависть примечена к Яицким казакам".

Так что от родственной связи, устанавливаемой писаниями Г. Губарева, неизвестно на каких данных, Казаков и Торков, приходится уклониться.

С Л А В Я Н Е .

Вопрос о славянах по прямой линии исследования происхождения Казачьего народа, придерживаясь исторической школы, не входил в программу моего труда, ибо этот вопрос отплевает от прямого пути. Сказать же о Славянах меня вынуждают исследования Казачьих историков: И.Ф. Быкадорова, И.П. Буданова и других. Их суждения довольно суммарны и требуют особого разяснения. Так, например, в труде И.Ф. Быкадорова: "Донское Войско в борьбе за выход в Черное море", он берет начало происхождения Казачьего народа от "Славян-Русь"? Такого племени, с таким сложным именем вообще в истории не было. Были Славяне от линии р. Днепра к Западу; были "россы" от р. Аракса, которых арабы называли "руссы"; была сомнительная "русь", якобы принесенная в IX веке Варагами.

Если же взять во внимание довольно суммарное сказание, главным образом, Германских историков о том, что еще до Бронзового века, т.е. четыре тысячи лет тому назад, индо-европейские племена исходили от р. Инда, среди которых якобы находились и Славяне/но как они попали на Инд?-прим. напе/. Но эти все племена шли южным путем через Босфор, а если некоторая

часть славян и прошла через "Кавказские ворота", то эта группа, оказавшись в среде Северо-Кавказских народов, безусловно, была ассимилирована и потеряла свое племенное имя и общий облик. Можно допустить лишь то, что маленькая часть сохранилась в виде народа "антов", говоривших по-славянски, которые обитали в верховьях Северного Донца, но эти "анты" ни в коем случае не могли быть родоначальниками Казаков, а также и те "россы, русь и западные славяне, ибо родиной Казачьего народа от древности был Северный Кавказ.

Просто у И.Ф. Бикадорова, ко времени издания его труда, не было достаточных исторических данных, - вот он своеобразно, без особых доказательств, и вывел казачий род от сомнительного племени "славян-русь", чтобы этим сказать, что Донские казаки не есть русские люди.

Всякое олицетворение, прежде всего, должно быть естественно и правдиво, т.е. историк не должен злоупотреблять своим правом и властью над природой людей, не должен ей навязывать то, что внутренне ей не присуще.

В последнем подробном анализе путей развития имени "Русь", автор его А.В. Соловьев указывает, что Е. Голубинский в "Истории русской церкви", обращает внимание на ряд географических названий Черноморского побережья, образовавшихся от корня "Rov".

Они помечены на Итальянских картах XIV-XV в.в. Среди них: "Rosvo" или "Fiume Rosvo", вблизи устья Дона и "Cavalè Rossi", к югу от Азова. Смысл первого, в переводе на русский язык, значит: "Красная речка"/а такая, действительно, была-И.К./; а второе: "родовое жилище семьи России". Появление некоторых названий, образовавшихся в сочетании со словом "Rosvo, Rosva" не должно быть основанием для указания "руссов" или их города "Русии", ибо это слово означает-красный цвет. Россия же по-итальянски "Rosaria", а русский-"Rossiano".

Кроме этого, на ошибку И.Ф. Бикадорова, тот же Г. Губарев, в своей книге "О казаках" стр. 204, пишет: "И.Ф. Бикадоров повел наш род от каких то фантастических "руссов", будто бы живших в древности на Дону, в г. Русия. Между тем "Донские русы" и г. Русия на Дону-это предмет совершенно нереальный и никогда несуществовавший, -это результат недоразумения.

Указав на ошибку своего предшественника, Г. Губарев, говоря о Славянах, пишет: В одну из тяжких эпох, часть Славян начала обратный отход с Запада на Северо-Восток. В VII веке они пришли на Днепр. Потом, под прикрытием лесов достигли р. Сики и озера Ижмень. По близости к Карпатам, остались: Дубы, Волыняне и Бужане. На правом берегу Днепра сели: Поляне, Древлане и Дреговичи. Кривичи заняли верховья р.р. Западной Двины, Днепра и Волги. Северяне населяли землю Северою: по Суле, Десне и верховья Донца. Северяне встретились с остатками Антов."

Изложив географическое положение Славянских племен, Г. Губарев, в свою очередь, впадает в ошибку, заявляя: "Кроме русских летописных записей о приходе Славян с Дуная, о том же имеется свидетельство в хронике Константинопольского Патриарха Никифора, под годом 784 у него записано: "Провло не много времени и выходим из Славянского племени, переселяясь со своей Земли, перешли через Эксинское море. Их количество достигло 208.000 человек и они поселились у реки, именуемой "Артана".

После этого Г. Губарев добавляет: "Артана-тюркского названия реки и местности, лежащей на Запад от Дона. Смысл этого слова: по другую сторону от Тана, или, иначе говоря, "За Доном".

Такой реки и такой местности "Артана" никогда на Юге, от Волги до Днепра не существовало. Как сама река, так и положение ее слишком не вразумительны.

По уверению Губарева, Дунайские славяне двигались с Юго-Запада на Северо-Восток, если они прибыли "по другую сторону от Тана", то следовательно Артану нужно поместить за Доном, т.е. в междуречье Дона и Волги, а между тем, в приложенной карте автором, Артана показана вдоль реки Северного Донца. При этом нужно сказать, что в VIII веке р. Дон не носил имя Тана

или Танаиса, так как он был переименован Сармато-Аланами еще во II веке до Р.Х. и назывался Доном. Тогда же были переименованы р.р. Днепр и Дунай. Нужно также сказать, что об Артане никто из всех летописцев Киевских, Новгородских, Персидских, Византийских не говорит. Ведь нельзя же допустить, что город Артан и местность Артана были совершенно этим летописцам неизвестны. А повествует об Артане лишь один арабский историк Аль-Балхи, писавший в X веке так: "Что касается Арты, то мы не припомним, чтобы кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, путешествующего по их Земле. Только они отправляются по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары, и не допускают никого провожать их и вступать в их страну."

Г. Губарев совершенно упускает из вида, что его воображаемая Артана находилась в границах мощной Хазарской Федеративной державы, пограничная стража которой была не только по всему Северному Донцу, но и севернее по Хопру и Медведице. Ведь линия городов: Тамбов, Воронеж, Курск была северной границей Хазарской державы. И как это Артанцы, отгородившись как бы железным занавесом, никого не допускали и даже смельчаков убивали. Не могла сильная держава иметь в своей среде какое-то государство, убивающее всех пытавшихся заглянуть за их "занавес".

Затем говорится: "они прибывали водой". О какой это "воде" говорится? Северный Донец во многих местах проходим вброд, следовательно, крупные водные транспорты с товарами не могли двигаться, а если и двигались легкие лодки, то куда они направлялись? Если по течению, то в Дон к крепости Саркел, который несомненно нуждался в Донецких товарах.

Но Г.В. Губарев не унимается. Вероятно, из чувства симпатии к славянам, он приобщает их к Казачьему Краю и красочно повествует: "К моменту переселения южных славян были страшные морозы и все Черное море замерзло, и поэтому славяне двинулись по льду."

Если взять пункты поселения славян по Южной Фракии и Македонии, то до междуречья Донца и Дона будет приблизительно 1.500 верст. Идя по льду до Перекопа/избегая Днепра, из боязни быть мобилизованными/-это будет 400 верст. Какие должны быть запасы у людей, решавшихся не переселяться, а бежать из родной земли, ибо там были непрерывные бои? Для себя, фураж для лошадей и скота. Какой должен быть обоз для имущества, стариков, детей, больных, обмороженных. Идя по льду, что они, а также скот, пили? Лизали лед, а он соленый, значит-верный успех дизентерии.

А выйдя в степь? Ведь тогда населенных пунктов в направлении колонны почти не было. Прямых дорог от Перекопа к Донцу тоже не было. В этих местах существовали сильные бураны. Даже в моей юности, в бассейне Донца, снегом покрывались казачьи курени и приходилось откапывать их и сараи для скота. До Донца ни уюта, ни приюта, ни поселений, где бы согреться 208.000 голпы не было. Лишь слышался вой жестокого ветра, да злобное завывание голодных волков. Население было лишь по р.р. Лугани, Митякине, Андару, Каменке, Калитве-притоков Донца. Кто бы добрался до этой обетованной Земли? Только десятки. Все же остальное было бы жертвой жестокой зимы, и путь движения несчастных славян в истории носил бы название: "Дорога Смерти!" Так погибли 30.000 Уральских казаков в 1919 году, двинувшихся от г. Уралья до Александровского укрепления. Так погибли от мороза 5.000 Донских казаков, при их походе от ст. Хомутовской в направлении ст. Торговой, всего лишь на протяжении 90 верст.

А колонновожатый Г.В. Губарев двинул 208.000 славян на протяжении 1.500 верст в страшную стужу. Слава Богу, что этого не случилось и не пришлось петь панихиду.

Мы обратимся для разъяснения к Болгарской истории, которая отлично знает о переселении Дунайских славян. Вот что она говорит: "В 761 году князь Винес был убит восставшими славянами. Его заместил князь Телец. Этот князь был сторонником войны с Византией и поэтому приступил к мобилизации славян Фракии и Македонии. Славяне этих провинций, недовольные постоянными

войнами, происходящими на их же землях, обратились к императору Константину У с просьбой, дать им место для поселения. Тот радостно согласился, ибо это уменьшало силы врага.

В результате этих переговоров, 208.000 славян/смотри: Nicephorus Patriarches, p. 68-69, Theophanes, p. 482/, в 762 году переселились с Балканского полуострова в прибрежную часть Малой Азии и осели на предоставленной им земле в Бифинии, вдоль реки Артана, на берегу Черного моря. Там же был и город Артан.

Другой историк И.П. Буганов также впал в ошибку, указывая Артану на Донце. Что в пределах Хазарской Федерации были отдельные группы славян и др. народы, в этом нет сомнения, ибо политика Хазарии была направлена для усиления престижа привлечь поработанные народы на свою сторону, что и создало мощь державы. И все эти народы перечислены в истории Хазарской Федерации, но о Артане там нет ни звука.

Греческий летописец Прокопий из Кесарии, описывает внешний вид тогдашних славян: "они высокого роста, огромной силы; цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый, не совсем темный, но все они темно-красные; образ жизни у них грубый, без всяких удобств; вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие и совсем не злые, а во всей чистоте сохраняют гуннские нравы".

Если бы эти славяне, в таком огромном количестве, осели бы по берегам Донца, то впоследствии наложили бы свое сходство внешнего вида на население междуречья Донец-Дон. Лично я-житель Донца. Казаки этого района своим видом напоминают античный облик Северо-Кавказцев, а именно: высокого роста, широкоплечие, узкая талия, лицо белое, слегка смуглое, волосы шелковисто-черные, глаза черные или карие, походка быстрая, легкая, взор прямой, открытый. Рыжих, светлых, золотистых в этом районе-редкое очень явление из приходящих ремесленников Московии.

Несколько слов о Антах Донецких. Такие искусственные "нации", составившиеся из различного рода племен, не имеющие собственного этнического племенного корня, как "Беликороссия" и ей подобные, стараются приобрести за счет этих Антов собственный корень.

Московские историки утверждают, что "русский народ" произошел от Антов, а Украина, в лице профессора Грушевского, наоборот, твердит, что Анты создали Украинский народ!!! А на поверку оказалось, что "Анты" вошли в сонм Германского народа.

МАДЬЯРЫ-УГРЫ.

Мадьяры-Угры финского происхождения, но сильно отуреченные, в начале IX ст. из Южного Приуралья стали продвигаться на Запад, в поисках широких степей для их скотоводства, принявшего высокие нормы. Дойдя до Дона, мадьяры соприкоснулись с сильной державой Хазарии, которая, искусная уже в дипломатии, пропустила мадьяр на правый берег Дона и скрепили с ними договор дружбы тем, что выдали знатную хазарку за их предводителя.

Мадьяры, признав верховную власть хазар, оставались их верными союзниками до конца пребывания их в Восточной Европе.

Мадьяры кочевали со своими стадами на огромных пространствах от Дона до р. Буга. Они были воинственным народом, и грабежи играли видную роль в их экономической жизни. Они нападали на славянские и аланские поселения. Ибн-Ласт историк писал: "мадьяры налагают на славян тяжкую дань и обращаются с ними, как с военнопленными. Пленников они отводят до пристани Карх/Керчь/. Греки выходят им навстречу. Идет торг. За пленников они получают греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другие товары. Главные остановки мадьяр-угров были Ден и Бессарабия.

Летопись о них сообщает: "в лето 6406/898/идоша угре мимо Киева горою еже сд зовет ныне Угорское. И придоша к Днестру, сташа вежами, беша бо ходяще яко же и половцы. И пришедше с в, стока и устремишися через горы ве

ликие, иже прозвасяся угорскими и почаша воевати на живуца ту. Седяху бо ту преже словене".

Затем угры захватили Фракию и Македонию, а затем перевалили через Карпаты, завоевали карпатских славян и смешались с ними, создав свое Королевство Венгерское, куда унесли много слов Донецких поселений: борона, борозда, коса, лопата, рожь, мак, казан, баран, чебан, нож, топор, молот, медь, серебро, золото, мечь, стрела.

Смешавшись с аланами и славянами, они утратили финский тип и приобрели европейский облик.

Пояснение к этнографической карте эпохи Хазарской Федеративной Державы/этнология-наука о племенах/.

При рассмотрении этой карты, составленной трудами французских этнологов, под председательством профессора Делатанша и отпечатанной по распоряжению Французского Правительства в 1832 году, видно, что весь Северо-Восток занимался следующими племенами/справа налево/: Petchona - пехонцы; южнее: Tchermissiea - черемисы; остатки Bulgarie-à'orient - болгары-восточные, масса коих переселилась на Дунай; остатки Ouzes ou Torgos - Узы или Торки; остатки - Petchenegues, масса коих ушла вместе с торками на Днепр и Дунай; западнее - Moldaviens - мордва; mechtega - Мечеры; далее: Ved - Веды; .

Meriens - Меря; Mouromiens - Мурома; Viatitches - Вятичи; на крайнем Северо-Западе Carélie - Карелы. Все эти племена суть тюрко-финского происхождения, составившие впоследствии Варяжскими князьями/Рюриковичами/, методом кнута и крови Московское государство, применив к нему искусственное этническое наименование "Великороссия", не имея на то никакого исторического обоснования.

На этой карте, даже заинтересованный исследователь не найдет начертания этнического племени "русского народа", на имя которого Московия претендует уже сотни лет, вводя в заблуждение даже цивилизованные народы Запада. Такого народа, в его этническом племенном состоянии, никогда в истории не было.

Значущиеся на карте, ниже Вятичей угры или мадьяры, к X веку, будучи союзниками Хазарской Федерации и кочевавшие со своими стадами на громадных пространствах от Дона до Буга, нападая на Византийские владения, впоследствии, перевалив через Карпатские горы, образовали совместно с покоренными аланами и славянами свое Королевство Венгрию.

Южнее Угров, значится от Днепра на Восток: т.е. Хазар-могущественная когда-то Федерация, в состав которой входили на равных началах наши Казаки Предки, которые, как значится на карте, сперва имели жительство между Черным и Каспийским морями, под именем:

-Козаки или Кассоги/в переводе/. А по мере расширения владений Хазарской державы, казаки или кассоги, как под последним именем казаков называли соседние народы/стали переселяться из своей Казской страны севернее-в Приазовье, на Дон-Донец и Днепр. Такова эволюция перемещений, под влиянием исторических событий наших предков от Закавказья и Северного Кавказа на широкие Причерноморские Степи, чтобы затем в XIV-XV в.в. покинуть их, а затем вновь возвратиться.

Одно из самых благоприятных условий для жизни Казачьих предков-это была эпоха Хазарской Федерации, где существовала, по тем временам, настоящая государственность с ее законами, охраняющими жизнь и личность гражданина, были нормальные международные взаимоотношения с другими народами, процветала культура и цивилизация, укреплялось христианство среди наших предков, приобщенное, главным образом, равноапостольным Кириллом, ширилась в громадных размерах внешняя торговля, высоко стояло земледелие, рыболовство, скотоводство.

Население Хазарии благоденствовало, чтобы все это, добытое трудами и потом, при помощи Господней, было разграблено, часть населения перебиты, продано частично в рабство, города и поселения уничтожены таким же блис-

L'EUROPE
 à l'époque du démembrement de l'Empire
 DE CHARLEMAGNE
 jusqu'au onzième siècle
 par F. Delamarche
 1832.

тателным бандитом, как Ахилла Гунский-Святославом Киевским азычником. И Хазария, как светлый метеор, среди крошечного жуткого насилия и рабства, потух навсегда, чтобы уступить Доброе вековому Злу, наследником коего появилась Московия, обрлавшись в свое время лицемерной христианской державы.

Карта Хазарии ясно документально доказывает не только казаку, но и другим народам, что Казачий Народ жил, развивался, боролся за свою независимость не только в средние века, но и в древности, имея своей Родиной Северный Кавказ, претерпевая иногда великие страдания тогда, когда о Московитах не было ни слуху, ни духу, но даже их в вибрионах, ИБО МОСКВА ОСНОВАЛАСЬ ЛИШЬ В 1382 ГОДУ.

РУССЫ.

Когда речь заходит о "руссах" или "руси", то многие исследователи истории, как бы внедряются в непроходимый лес различных гипотез, химер и блистательных выдумок. О каких "руссах" можно вести разговор? О тех ли, о которых летописец Нестор суммарно сообщает: "от Варягов прозвашася Русь". Но, ведь, Варяги не были "руси", а лишь обряд вооруженных людей различных племен, среди которых и не было то племени "русь". Или говорить о "русах" азиатских, пришедших от р. Аракса, которых только арабы называли "русами", но таковых Нестор не признавал за "русь". Но азиатские "руссы" имели кличку различную: "рас, росс, роко, рассоланы". Так или иначе, от этих то "руссов" или "русь", довольно мистические историки Московии всячески стараются взять свою преемственность, не имея своего собственного исторического племенного происхождения и возвести свой сборный из многих финских племен конгломерат на высшую ступень "великого русского народа", а между тем этнического племени такого народа никогда в истории не было.

Не только посторонние Московии историки, но даже и те, которые считают себя русскими, становятся в тупик: брать свою преемственность от недоказанного прошлого.

О происхождении "русских" существуют гипотезы:

- 1/ По летописцу Нестору: "От Варягов прозвашася Русь!"
 - 2/ И сказал Олег: "Киев будет матерью городов русских", но странно: Олег - норвежец-варяг, почему же должен быть Киев "русским", а не городом победителей Варяг или даже Славян, его населяющих.
 - 3/ "Русь" базируется на сказании, что у князя Богомила в 7 веке было 3 сына: Чех, Харев и Рус/последний по цвету русских волос/, от них произошли: чехи, хорваты и русы./но не "русские", прим. наше/.
 - 4/ "Русские" - потомки Иофета, сына Ноя. Но почему Иофета, а не Хама или Сима? Но, ведь, сыновья Ноя были евреи, а отталкивание "русских" от евреев - яркое. Если же согласиться, что "русские" произошли от одного из сыновей Ноя, тогда надо признать их происхождение как раз от Хама, ибо черты последнего у "русских" вылазят везде и всюду, но отнюдь не от Иофета или Сима.
 - 5/ "Русские" произошли от египтян, так как много слов общих. Они прибыли якобы по Волге и соединившись на Севере с Варягами, стали называться "Русь". По видимому, египтяне, угоревши от теплой пачки Египта, ринулись схладиться в снега Севера.
 - 6/ Современный историк П. Коралевский утверждает, что "русские" стали называться по цвету русских волос.
 - 7/ Особенно яркие патристы-историки утверждают, что согласно Ассирийским клинописям было племя "Асур", а так как эти письмена читались справа налево, то и выходит "Русь".
 - 8/ Слово "Русь" происходило якобы от племени "росс", которые жили на р. Араксе, называвшиеся ранее "Рас", "Роко" и к первому веку переселились на Днепр, но эти "россы", одни из предков теперешних украинцев и к Московии ничего общего не имели. Предками украинцев были: славяне, печенеги, готы, торки.
- Один из "русских" историков, профессор В.В. Григорьев, в своей книге: "Рос-

сия и Азия"/С.Петербург,1876 г./выражает ярко свое недоумение о своем прошлом, онии: "Первые времена народной жизни нашей покрыты густою мглой, в которой глаз историка может различать лишь летучие огоньки над могилами наших предков, беспрестанно перемещающие свои места/где же эти могилы?И.К./ .Что представлялось ясным вчера, оказывается сегодня темным, как наверное и невозможное.Мы не знаем даже,когда появился,где обитал первоначально,к какому племени/расе/принадлежал тот народ или поколение, именем которого мы гордимся.

Мы не знаем,кто такие Руссы или Русь,которых находим и на Волге и на Днепре,на Балтике и на Адриатике,на Балканах и Карпатах,между поколениями славянскими,финскими и скандинавскими.Не знаем,что за люди были Варяги,Шведы,Датчане или Славяне Поморские.

Не знаем основательно ни отношений Славян,Финнов,Руси и Варягов между собой,ни вообще отношений России к Южным и Западным Славянам и к Восточным соседям.Не знаем ни степени образованности наших праотцев,ни их быта общественного и семейного,ни их религии языческой,ни того,как,когда и откуда пришла религия Спасителя.Не знаем,начинать ли нам историю свою со времени Митридата,или с 9-го или с XI веков по Р.Х.Короче-не знаем почти ничего положительного неоспоримого.Что доселе написано о древней истории нашей,основано на шатких началах:подует легкий ветерок скептицизма,и системы,построенные с большим искусством,валятся и разбиваются вдребезги.

Мы пишем,рассуждаем,доказываем,но сами не знаем-верить ли тому,что пишем сами?

Горько сознаться в этой истине IX и X веков нашей истории.

Все системы строить на летописи Нестеровой?Но она уже потеряла и утратила ту достоверность и уважение,которым пользовалась.

Системы их ватнулись,рухнули и тьма,тяготеющая над древней Русью стусилась еще более.Подавленные обломками,оглушенные шумом этого падения,мы не знаем теперь почти ничего о судьбах нашего отечества в первые века его жизни и сказаниях современных иноземных писателей и остаемся блуждать в современной темноте.

Не разработаны иноземные источники.До латинских летописцев Западной Европы едва прикоснулись;известия арабских,византийских,римских историков,путешественников стали употреблять с недавнего времени".

Вот чистосердечное мнение просвещенного профессора историка,не потерявшего свою совесть и не продавшего свое перо династии.И вместе с этим это мнение-смертельный приговор над всеми псевдо-историками Московии,за их исторические химеры и блистательные выдумки"великих"деяний князей и царей и ту ложь,которую они позволили написать в адрес доблестного Казачьего Народа,существовавшего за две тысячи лет до появления Московии.

Современный"русский"историк С.Лесной,в своей"Истории Руссов",заявляет:"Недостаточность разработки иностранных первоисточников,касающихся истории Руси,огромное латинское,греческое и на других языках наследство не переведено,между тем из этих источников мы знаем гораздо больше,чем из русских летописей.Интересные сведения мы находим у мусульманских писателей;нет свода грузинских,армянских авторов/стр.711,т.7/."

Когда то историки представляли восхвалителей за деньги и почести своих правителей.Если личное угодничество сейчас не таковое,но имеются другие формы его:политические,национальные,религиозные,а между тем им верит,как ученым,хотя порой они опускаются до уровня научного мошенничества.Нормалисты/Варяги/совершенно произвольно вставляли или выбрасывали слова,заменяя буквы в словах,меняя этим смысл.Все их писания только куча никуда негодной исписанной бумаги/стр.714,т.7/.

Представители династий част-ничего незначащая вывеска и только,-дружные действия скрыты в народе.Мы видим яркие примеры,как Россию развивали и спасали не цари Иваны,но и Ермаки и Дежневы,по своей инициативе

освоившие просторы Северной Азии/стр.793, т.7/."

Тут уж можно лишь сказать: завсели и неоднократно эту "Россию" казаки, расширяли ее границы и захлебнулись в собственной крови от рук кровожадной рабовладельческой Московии!

ПРОИСХОЖДЕНИЕ "РУСИ".

Ясного, правдивого и исчерпывающего этот вопрос, казаки не найдут в грудах исписанной бумаги и полного освещения у историков Московии. Приходится прибегать к источникам посторонним Москве, не игнорируя, однако и "русских", кои не потеряли совесть.

Историки Москвы, не имея своего исторического племенного корня происхождения, заимствуют этот корень, не имея на то исторических обоснований, за счет среды совершенно чуждой Московии по духу, волюности, по племени, по социальному и политическому строю, а именно: от Славян/не будучи сами таковыми/, самостоятельной, демократической республики Великого Новгорода.

История Московии начинается с рассказа о том, что Новгородцы, вследствие некоторых раздоров, решили призвать для управления Варяжских князей, говоря: "Земля наша обильна, но порядка в ней нет-придите править и владеть нами". И далее: -пришли три брата: Рюрик, Синеус и Трувор. И сели: Рюрик - в Новгороде, Синеус - в Белозере, а Трувор - в Изборске. Что эти братья-Варяги делали, как управляли народом, история "Руси" не посвящает, повидимому, определенно скрывая истину. Из труда историка Лесного: "История руссов" мы узнаем, что Новгородцы вели ожесточенные бои, под командой своего посадника Буривоя, родившегося в 770 году. Вся его жизнь прошла в борьбе с Варягами и к концу своей жизни он был вынужден оставить Новгород и бежать из его пределов. Тогда Новгородцы попросили у него своего сына Гостомысла, которому и удалось изгнать Варягов в 825 году, и править до 867 года - дата его смерти. И довольно странным кажется сообщение историков Московии, что Новгородцы, ведя почти непрерывно войну, чуть ли не сто лет, призвали для управления своих же вековых врагов-Варягов: Рюрика, Синеуса и Трувора. Не описано ничего о смерти двух последних молодых братьев: была ли их смерть нормальной или они были убиты. Не сказано также о методах управления Рюрика в Новгороде.

А оказывается, что первоначально то Рюрик сел не в Новгороде, а в Ладоге в 870 году, а в Новгород попал лишь в 873 году и то с большими боями. О этом находим свидетельство академика В.Д. Грекова, который говорит: "Нестор в своей повести" пропустил, ради прославления династии Рюриковичей, известия первоначальной Новгородской летописи Епископа Иоанна о насилиях Варягов, чинимых ими над Новгородцами, что по имени города стали называться Новгородцами" словене, кривичи и меря", также пропустил Новгородское известие о длительной борьбе Новгородцев, под предводительством Вадима Храброго, против Рюрика. Даты же походов Олега и Игоря с датами Новгородской летописи намеренно перевернул."

Из этого какой же может быть вывод: Рюрик появился не по призыву Новгородцев, а как завоеватель свободной республики. Историки Московии также скривили смерть Рюрика. В действительности он не умер естественной смертью, а был убит притесняемым честным пламенем, севернее Новгорода, Карелами. Таким образом, все те "павлиньи перья", коими украшают москвиты Рюрика, разлетелись во все стороны, как миф, оставив его голым, как грабителя. Что же касается летописи Нестора с его провозглашением, что от "Варягов прозывается" Русь", также ничего не остается из тех же покаяний профессора В.В. Григорьева, приведенного выше.

Это покаяние поддержано еще более энергично историком Лесным, который пишет в своей "Истории руссов", на стр. 989 так: "Никогда никакого племени "Русь" в Швеции/Скандинавии/ не было, что ни в языке, ни в религии, ни в законодательстве, ни в географических названиях, ни в личных именах, ни в

обычаях, ни в песнях, ни в военном и морском делах, ни в чем норманы/варяги/ не оставили на "Руси" следов имени, как завоевателей.

Доказательства Норманистов-блеф, мыльные пузыри, позорище русской исторической науки".

ВАРЯГИ.

О них дает блестящую характеристику тот же профессор В.В. Григорьев, в своем труде: "Россия и Азия", так: "Ни один народ древнего или нового мира не отличался такими предприимчивостью и отважностью, как Норманы. Природа образовала этих диких детей снегов и морей суровыми и неукротимыми, а обстоятельства еще более развили их характер, сделав Норманов хищниками и кровожадными. Привычка к походам, предельная добыча сделали хищничество как бы врожденною их склонностью. Никто не мог сравниться с норманом беспредельною дикою отвагой, презрением смерти, яростью в боях.

Любовь к отечеству воодушевляла Грека, слава окрыляла легионы Римлян, Аравитянами/турки/водил фанатизм, Славяне сражались за независимость, Монголы жаждали славы и крови, Норманы же воспламенялись духом удалства, разбоя и грабежа. Рожденные на утрых скалах и в мрачных дебрях, под снежным Небом, валедеянные бурями и нуждой, - чего могли страшиться они? Всякая страна, богаче их собственной, привлекала этих диких воинов Севера. На легких лодках переплывали моря и океан, как стаи голодной саранчи, опустошали они и богатые земли Италии и плодородную Францию и северовосточную Московию/Россию/. Тот же самый дух им видим в Норманах, призванных Славянами и Финнами, в лице Рюрика. Едва успев утвердить свою власть на Севере, они двинулись на Юг, за сокровищами Греции, и гордая Bizантия затрепетала перед бесстрашными хищниками.

Неудовлетворившись этим, Норманы, под самозванным именем "Руссов", какковыми они никогда не были, совершили два темных похода на Восток:

1/Вторжение в Грузию и 2/в Персию: *Chronicon Byzantinum* -Абуль-Фарадизи и *Annales Moslemicis* -Абуль-Феды-арабские историки.

О этих хищных набегах историки: Татищев, Болтин, Щербатов или не знали или просто умолчали, а Карамзин находит, что эти походы увеличены "рассказом".

Эти горе-историки привыкли думать, что на Востоке, который был более культурный, чем невежественная Московия, пишут только "басни" и что Нестор/простой монах/молчал о этих походах.

Идея о Востоке, как Европейцам, так и Московитам зиждилась на укоренившемся взгляде, что Восток-страна мечтателей, страна очарований, родина божьих, добрых и злых духов, талисманов, заклинаний и фантазий и лишь потому, что восточные историки писали в живом красочном стиле. Ни история, ни литература, ни поэзия Востока не обращали на себя внимание и единственная цель, к которой стремились было-уразумение Св. Писания, которого так до сих пор и не уразумели, создав изуверскую религию.

Итак, происхождение слова "Русь" оказывается мифом и брать от мифа свою преемственность московитам не к лицу. Брать же свою преемственность от Варягов-то это более правдоподобно и надлежало бы и называться Варяжским народом, но не русским, ибо Варяги, начиная от Рюрика дали надлежащее воспитание покоренным племенам Московии, так и не поднявшихся хотя бы на маленькую ступень свободы и равенства и пребывает на протяжении сотен лет на вершине великими грабителями порабощенных народов, а на низу-рабами.

Но что же нам, казакам, известно о "Руссах", которых история Московии еще не признает за своих "родоначальников", а придерживается за "Русь" Варягов? В книге Иосифа бен-Горсиона или Иосифона: "Родословная таблица народов" говорится: "Русы живут по реке Кира/Кура/, текущей в море Гурган/Каспийское/.

Китаб-Челеби, турецкий историк, пишет: "из девяти племен, как племени турецких "Русы" происходят от одного турецкого племени".

Константин Багрянородный называет Новгород "внешняя Россия", а не Россия". Видимо "русы" в какое-то время занимали там командующее положение, поэтому Варяги и прозвали Новгород "Русью", что Славянам не нравилось - "от варяг-бо прозвашася Русь", а первое беша "Словене". Это разделение "Русь" и Новгородцев проходит до 1270 года в официальных документах: "или человек или конь русский и Новгородский".

Это постоянное отделение Новгородцев от Русов свидетельствует, что Русы для Славян были элементом чуждым.

После того, как Олег-заместитель Рюрика, войдя в союз с "Русами" с Востока покорил Киев и сел в нем и назвал его "матерью городов русских". Почему Киев должен быть "матерью городов русских", а не Варяжским или Славянским? Ведь, там же жили и управляли Варяги, покорив славяни сам Олег был норвежец? Разницу между "Русью" и Славянами можно констатировать из приказа Олега: "и рече Олег: ищите парусы поволочные Русы, а Славянам крапивные".

Американский историк Шлектер опубликовал древний еврейский документ X века, в котором говорится, что "Хальгу"/Олег/-царь Руси-воровским образом, ночью захватил Хазарский город "Самбатос"/Киев/и ограбил его, совершенно коварным образом, прикинувшись купцами, Олег вызвал наместников Киева на южную окраину города Аскольда и Дира, и убил их.

Киев, как известно, был основан Хазарами, при его наместнике Кие и именовался "Кийва-Куяба".

"Награбленное имущество", продолжает документ, было Хазарами отобрано и Хазарский царь заключил с Хальгу союз, чтобы он напал на Византийского императора. Поход продолжался четыре месяца и был неудачен: Византийцы осадили Олега огнем на море. С остатками своего войска "Хальгу"-Олег возвратился и двинулся в Персию, где и пал вместе со своим станом".

Так что прославление Московитами Олега: "твой щит на вратах Царьграда", нужно отнести к мифическому измышлению. Может быть, он и хотел прибить щит к воротам Царьграда, но вступить в эти ворота не сумел.

"В 860 году произошло нападение Русов на Царьград", - пишет современник событий Никита-Епископ Пафлагенский, - жестокого народа Скифского племени, по имени "Россы", пришедшие от Евксинского моря/Азовского/в Синос, опустошивший на пути все страны и все монастыри".

Ат-Табари, арабский писатель, говорит о Шахриаре-правителе Дербента, который заявлял в 644 году: "я нахожусь между двумя врагами: один-хазары, а другой-Русы, которые суть враги целому миру, в особенности же арабам, а воевать с ними кроме здешних людей никто не умеет. Вместо того, чтобы платить им дань, будем воевать с русами сами и собственным оружием и будем удерживать их, чтобы они не вышли из собственной страны".

Сообщение это знаменательно: оно указывает на местоположение Русов, а именно: на Север от Дербента-Хазары, а на Юге от него-Русы "враги целому миру, в особенности же арабам".

Это подтверждает, что Русы не были Киевскими и связь их с Киевом произошла лишь с появлением авантюриста Олега.

Из выписок Гаммера, пользовавшегося Кораном, видно, что Русы жили по р. Араксу: "народы Аад, Тимуд Асшибир Рас/или Рос/и существующие потомки их /Коран, версет 39/" и прииде них народ Ноя и Асшибир-Рас-владельцы Аракса обвинили их пророка во лжи".

Расы или Росы всегда встречаются в сказаниях Арабов, как жители р. Аракса, которая раньше называлась-Рас.

П. Успенский, переводчик бесед Византийского Патриарха Фотия, говорит: "Русы не были ни Славянами, ни Скандинавами, а ефедитами/потомки Иафета/.

Арабский историк Маазди говорит, что обичаи Русов были сходны с индусами и, что в Хазарии были Русы и Славяне. Седьмой судья Хазарии был для Славян, Русов и др. язычников. Русы и славяне разделяются на многие племена, из которых каждое имеет своего короля, и они часто воюют между собой".

Я останавливаюсь на этом подробно потому, что у историков Московии и

ее общности укоренилась, как болезненный мозоль, Идея, что Русы-суть Славяне.

Русы совершили на Восток два отдельных похода, через 30 лет один после другого.

О первом писал Имам Абуль-Хасан-Али, известный под именем Масуди, один из славнейших историков Востока, живший в X веке, в сочинении его: "Муруджуз-Загаб-уа-Маадин-уль Джавагир", т.е. "Золотые луга и рудники драгоценных камней", написанного в Египте, в 943 году, где он писал: "После 910 года прошло около 500 судов Руссов. Вонед в пролив Нейтуса/Керченский пролив/ к Дону, который соединяется с рекою Хазарскою/Волга/."

Примечание: здесь историк, повидимому, имел ввиду р. Маныч, тогда судоходную, соединяющую Дон с Волгой.

"Они там встретили гарнизон царя Хазарского, и Русы послали к царю Хазарскому просить позволения пройти через его владения и рекою Волгою спуститься в море Хазарское/Каспийское/, называвшееся прежде Джорджанским, обещая за это половину добычи, и прибыли к городу Итилю/столице Хазарской Федерации/.

Предполагая, что Русы идут на Персию, враждебную Хазарии, пропуск был дан с удовольствием. Оттуда Руссы рассыпались по морю в разные стороны, выходя на берег толпами: к Жиле, Дейлему, Табаристану, Абескуму, Нефтяной Земле до самой области Азербейджанской.

Русы везде проливали кровь, уводили женщин и детей, расхищали богатства, производили набеги и предавали все огню и опустошению. Окрестные жители вооружались и под командой государя Ширванского/Баку/Али Бен-Зль-Гайсем вели сражения, но без результата. Русы, сделав набег, находили со своими судами убежище на островах моря. Награбив довольно добычи и пленниц, Русы отправились к устью реки Хазарской и отсюда послали часть добычи к царю Хазар.

Бывшие же среди Хазар мусульмане узнав о том, что сделали Руссы с землями их братьев, а не Персов, образовали войско в 15.000 человек. Бой длился три дня. Русы, не имея конницы, понесли потери: было побито и потоплено до 30.000 человек. Остатки-3.000 человек, бежали в землю Бурдасов, на левый берег Волги."

Достоверность сказания Масуди подтверждает историк Мир-Зегир-эд-Дин Мераши.

В это время по берегу моря жили Аланы, Лазги, Касоги-казаки.

Историк Ибн-Зль-Эсир Джебери, в своем сочинении: "Камиль-ут-Тарих/полная летопись/писал: "В 943 году снова увидели руссов около Хазарского моря. Они поднялись вверх по р. Куру и внезапно появились перед Бердаю, столицей Аррано, взяли город, захватили 19.000 пленных, разграбили город, взяли в рабство детей и выбрали женщин, которые им нравились. Правитель Азербейджана Махомед-Ибн-Муссафир собрал 30.000 войска, но был разбит руссами, которые оставались спокойными долгое время, но излишнее употребление жирных овец и вкусных плодов, произвело между ними заразительную болезнь, жертвою которой погибла большая часть их войска. Остатки же бежали.

Повидимому, в первом походе 914 года и погиб летописный грабитель Олег. О смерти его москвиты писали, что умер от укуса змеи. Но странно, что существовали Олегови три могилы: две в Киеве и одна в Ладоге, - ищи эту змею, как ветра в поле.

О всех этих гнусных походах Руссов Нестор говорит весьма мало.

Поход Святослава, сына Игоря, на Хазарию, когда он, по известию Ибн-Хаукаля, опустошил все страны по Оке, Дону, Волге до Семендера и гор Кавказских, когда он нанес сильное поражение Булгарам, потряс до основания Хазарскую Федерацию, - поход этот, один из главнейших, Нестор описывает в пяти строках. Какова же была причина похода-жажда мести за разгром войска Олега и грабеж? Без всякого, казалось, повода огнем и мечем опустошал народы лишь во имя врожденного инстинкта Борягов к грабежу.

КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ КАЗАЧЬЕЙ НАРОДНОСТИ.

В предыдущем изложении о начальном периоде жизни наших предков, ученые археологи, как то знаменитый языковед Н. Я. Марр, а затем современный антрополог Руденко, археолог Танышпаев, Радлов, к той, ранее их опубликованной литературе различных историков и писателей, с яркой убежденностью в своих знаниях, доказывали о древнем происхождении наших предков, то естественно ставится вопрос: были ли Казачьи предки одним из племен миграций, пришедших из-за пределов Средиземного моря, о которых повествовали Египетские хроники и восстановивших так называемый "бронзовый век" на Кавказе, или же наши предки уже существовали там до прихода Средиземноморцев, т.е. четыре тысячи лет тому назад?

Из показаний академика Н. Я. Марра видно, что до прихода афетических народов у Кавказских проходов через хребет существовало племя "Каз", начертание которого он делает так: "Каз"-сов", как охранителей этих проходов: Каспийский проход, Дарьяльский проход.

В дальнейшем своем изложении он доказывает, что племя Каз-хи, Кас-ли исходит от чистой основы "Каз", и в конце концов локализует этот вопрос так: "Каз-хи" это-есть предки Казаков.

Более ясного определения в сущности и не требуется. Мнение этого большого ученого ярко подтверждает антрополог Руденко, в своем труде: "Казаки", со ссылкой на археологов Танышпаева, Радлова.

На основании этих показаний, естественно вытекает вывод, что предки наши были уже на Юге Кавказа и охраняли проходы до прихода средиземноморцев. Но с другой стороны вытекает вопрос о приходе на Кавказ племени "Саки", кои по каким то причинам не попали во время на Кавказ, прошли мимо и только в X веке до Р.Х., т.е. три тысячи лет тому назад, пришли от Памира, а они-тоже средиземноморской расы и сразу же объединились с племенем "Каз", т.е. Казаками, значит, между этими племенами существовали какие-то родственные начала. И это двойственное племя, слившись воедино, стало называться: "Касаки". Как видим, племенные корни "Каз" и "Сак" остались в целости неизменными.

Так или иначе, а на Северном Кавказе, в бронзовый век, произошло абсолютно безболезненная ассимиляция племен и народов. И только в последующие времена из единого Союза стали изменяться наименования местных жителей и к настоящему времени этих наименований чуть ли не 36: по местностям расселения, по образу жизни, по внешнему виду, по социальному строю, по родовым группам и каждое племя имело по несколько имен, иногда навязанных соседями. Таким же названиям подверглись и наши предки, но свой племенной корень "Каз" так и остался несокрушенным даже великими переселениями народов. Бурные ветры тысячелетий не смели этого родного нам имени.

Теперь мы проследим процесс классификации Казачьей народности, так сказать, эволюционный путь Ее наименования, включая мнения некоторых историков.

Французский историк Michel Delines, в своем труде: "La Russie"-Societe française d'Édition d'Art-Paris VI, стр. 237, пишет:

Comme il se trouve dans le Caucase un territoire, qui s'appelle "Cossackia", - в переводе значит: "На Кавказе находится одна территория, которая называлась: "Косакия".

Есть ли подтверждение этому в наших анналах? И не ошибся ли француз в названии "Косакия"?

Существует "история о Донском Войске, сочиненная Директором училищ в Войске Донском, Коллежским Советником и Кавалером Алексеем Поповым, 1812 года, в Новочеркасске", часть 1. Во Харькове, в университетской типографии 1814 года.

Так, в этой книге, на стр. 110, говорится: выстроен Донской монастырь, и ныне существующий. Все воинство в твердом уповании на молитвы и заступление Пресвятыя Богоматери с великим мужеством и силою бросились на Татар, весьма жестоко и долговременно сопротивлявшихся и обратило их в бег

ство так, что на шестьдесят пять верст их поражаало. Однако сколь кровопролитно и пагубно было с обеих сторон сие сражение доказывается тем, что по окончании оного всего по исчислению оставшагося воинства оказалось только десятая часть, т.е. сорок тысяч. Здесь во второй раз усматривается, что Донское войско, после владения Россиянами Тмутараканским княжеством, приметя ослабление в силах Татар через их междуусобные брани, что по всему Дону свободно можно было им проходить в Россию; служило под знаменем Российского Государя и что оно имело тогда крайний и ближний на реке Доне к Елцу городок на том самом месте, где ныне в Воронежской губернии город Задонск и монастырь. Мы усматриваем, что сие войско, издревле называлось Донскими казаками, а земля их Козакиев; ибо на Персидском языке козак значит Скифа по свидетельству Плиния/историк, И.К./, писателя первого по Р.Хр. века, Константина Порфирородного, царствовавшего в Константинополе от 775 по 797 год и Историка Абул-гази-Багадар-Хана.."

Из этого сказания видно, что французский историк Деллиес не ошибся, назвав на Кавказе территорию "Козакиев", откуда впоследствии и переселялись Казаки на Дон-Донец.

О стране Козакии говорит и Константин Багрянородный, но в начертании "Казахия"-буква "к" смягчена в букву "х". Я помещаю это сказание в двух переводах: английском и французском: -первый-английский, второй-французский:

1/"Beyond Zichia is the country called Paraghia, and beyond the country of Paraghia is the country called Kazachia, and beyond Kazachia are the Caucasian mountains, and beyond the mountains is the country of Alania".

2/"Au-dela de la Zichia, on trouve le territoire de Paraghia; au-dela de Paraghia, Kazachia; au-dela de Kazachia, le mont Caucase, et au-dela du Caucase, le pays des Alains".

Профессор Кляпрот сделал перевод на французский язык, а на русский так: "За Зихией находят территорию Папагию; за Папагией-Казахия; за Казахией-гора Кавказ; за Кавказом-страна Алан".

Таким образом местоположение Аланов было от устья Волги на Юг, по западному берегу Каспийского моря до нынешней Осетии. Южнее Алан, вдоль хребта Кавказских гор, в сторону Черного моря, была страна Казаков, в верховьях Терека и Арагвы, а также и в Закавказье в междуречье Куры и Евфрата, а в углу Западного хребта Кавказских гор, вплоть до Черного моря, была Зихия, а севернее ее Папагия.

По поводу сказания Багрянородного существовало много комментариев, одно другое опровергающих; в особенности старались исказить местоположение Казахии историки Московии, что дало право Польскому историку Яну Потоцкому категорически заявить: "остается определить происхождение Казаков, о которых, я не знаю почему, так много спорят, ибо ничего уже нет более ясного: Во времена Константина Багрянородного было на Азовском море два княжества, из которых одно называлось "Казахия", другое "Алания".

О казаках также говорит и арабский историк Масуди, но начертание его не Казах, а Кашак/по арабски/так: "в соседстве Алан находится нация "Кашак", она обитает между Кавказом и морем Рум/Черным/. Хотя Аланы были и более могущественны, чем этот народ, однако, не могли его покорить: они сопротивлялись им посредством крепостей". Но Масуди добавляет: "Кашек"-имя Персидское и означает гордость и высокомерие, и есть прозвание народа, а не собственное имя".

Историк Шторх перечисляет государства, в которых были Славяне: 1/Новгород и 2/Казаки.

Историк Устрялов утверждает, что Казаки-выходцы из Кавказа.

Тоже говорит и историк Бантыги Каменский/история Малороссии/.

Историк Жардо сообщает: "Падение Кипчакской империи, столь счастливое для России, совпадает с появлением в этих местах отрядов воинов, называвшихся вначале именем одного Кавказского народа-Черкасами, а потом Казаками или, скорее, Казаками. Этим именем они сами себя называли, так называют их и русские.

Понятно вместе с Батям, эти Черкасы составлялись из многих племен, в числе которых находились казаки, смешавшись без сомнения с тюрко-половцами, которые в эту пору исчезают со страниц истории. Этот народ/казаки/основался на Дону."

В книге С.Н.Сирина:"Юго-Восток России", Берлин 1922 года, стр.8, приводится мнение профессора Академии Генерального Штаба В.И.Баскакова, уводящее генеалогическую историю этой части Юго-Восточных Казаков далеко вглубь истории.

Согласно этого взгляда"казаки Кавказа должны считать давность своего поселения не позже других туземцев Края, к каким они и должны быть причислены".

А туземцами Кавказа еще в"бронзовый век"были:казаки, Касоги, Касары, Черкасы-Аджики и др.

Историк Всеволожский говорит:"казаки образуют в настоящее время/словарь изд.1823 года/в России народ отдельный, как по образу жизни, их занятиям, их военной организации, так и по их одежде и нравам".

Историк А.Бертелло, чтобы яснее различить, что между казаками и Русскими мало общего и по крови и по духу, кроме языка, утверждает:языковое единство предполагает существование одной нации, говорящей этим языком, тогда как части этой нации не повинуются одному и тому же Правительству.Но никакая нация политическая или нация языковая, достоверная или предполагаемая, не соответствует единому антропологическому типу, как теперь, так и три тысячи лет тому назад".

Как курьез, как посмешище для историков Московии, я помещаю выдержку из"истории"Забелина, определенного Казакофаба, который говорит, что:"при Грозном туда, на окраины с татарами/!/, на опасные места, вывозились/!//хорошо государственный метод"вывозить"людей к татарам, увеличивая тем силы своих врагов/из государства казаки-лихие люди, а именно:ябедники, крамольники, сообщники крамольных и бунтовых ябед, жалобниц, доносов и т.д.из детей боярских/!/из холопей боярских и из иных чинов.Их наказывали торговой казней исылляли в казаки/!/, в окраинные города".

Чтобы возвеличить русских, Забелин добавляет:"Раскопаные по нашей Земле/!//курганые древности скрывают в себе истинную, настоящую колыбель нашей жизни/!/, о чем рассказывают античные греки и писатели римского и византийского веков о нашей колыбели/?/".

По этому поводу, для опровержения басни Забелина, скажем, что в Новгородской Земле, по р.Волхову, а особенно на Юге:в Причерноморье, Приазовье, на Дону, при Волге, на Северном Кавказе много курганов, но они абсолютно не принадлежат племенам так называемой"Великороссии"и"античные греки и писатели римского и византийского веков"про"Великороссию"и его жителей не только ничего не писали, но о ней ничего не знали, а о Танаисе/Доне/, о Танаисах, о Коссаках, Коссагах и Казаках, о Черкасах, о Борисфене/Днепре/ не только знали и писали, но некоторые и бывали там, начиная с Геродота.

Что же касается курганов по Волхову, то это-могилы Торков.После разгрома их на Дунае Византийцами, они прорвались за Днепр и стали распространяться на Север до Новгорода включительно.Могилы эти не только не есть мифического"великого русского народа"-никогда не существовавшего, как этническое племя, но даже и не Славянские, так как Славяне тогда трупы умерших сжигали.

На Северо-восток от озера Ильменя, есть озеро Лач-название не славянское, около него г.Каргополь, г.Турчасов-название тюрского корня.Самая же область"Каргополюс".Есть там и река Шиланга, несомненно испорченное имя р.Силанги, впадающей в озеро Байкал, в Сибири, откуда и принесли это имя-Торки-тюрского племени/историк Катиб Челеби/.

Достоверно известно, что Иван Грозный никаких посягательств на республиканский образ управления Казаков не проявлял, а наоборот поддерживал, что видно из грамоты его к князю Ногайскому:"и только за ваши неправды и грабежи перед ними/казаками/повелели вас самих воевать и ваши улусы астраханским, волжским и донским казаком и над вами над самими они не

тому соседу учинят, и нам уже ниче своих казаков унять не мочно".

Гроздан и Казакам, во в пример послухуалым царям, просяляя полное дове- рие и широко пользовался ими для серьезных и ответственных поручений, формируя из них посольства и отряды.

Так, например, в 1567 году были посланы Атаманы Иван Петров и Бурнаш Ялычев исследовать Земли, лежащие на Юге, за Сибирью, и вообще Казаки в Московском государстве тогда имели такое же значение, как боярские дети. И в свете этих исторических фактов, выступление "историка" Забелина, явно провокационное, и все его олицетворения: "лихие люди, ябедники, доносчики" по ассоциации возвращаются к своему автору. Он не составляет собой определенной писательской личности: чужая история, чужие замыслы, внушенные ему различными авторами, у последних родились, - Забелин же эти дикие об- разы и идеи, к своему стыду, усвоил. У него нет такой силы претворения и воплощения, которая заставила бы читателей почувствовать хотя частицу Правды, в его злобшей Лжи. Писания его ужасают своей мертвенной надуман- ностью, полным отсутствием какой-либо жизни, и бездушным дуновением псев- до-исторической пошлости и как бы героизмом тупоотъ веет от его "литера- туры".

Мнения о происхождении слова "Казак, систематическому об, единению еще никем из историков не подвергались, а поэтому приведем ряд слов близких по созвучию, а затем уже, основываясь на исторических данных, когда эти многие слова постепенно сливались и дали единое в гармоническом звуча- нии слово "Казак", как имя племенное, а не нарицательное.

Ковсак-из арабского-быстрый в нападении на врага.

/Frenzel De originibus Linguae Sogavici Lib.1,56/

Казик-человек бездомный-слово испорченное/Анисимов:"Живая старина", стр.430, т. III, 1894 г./.

Козак:"Ко"-сторож;"Зах"-рубеж, -означает:охранитель-военная стража.

"Ка-сака-Сака-древний народ,"Ка"приставка, обозначающая превосходство.

"Коз-ар"-Сестреневич Богуи говорит, что онашел в Азии происхождение имени "Казак". Сарматы произносили слово "Козар, как Козак. Козары, перемещен- ные в Казахстан, приняли имя Казак"-Siestrengevitz de Bohovz "Recherches Historiques sur L'origines des Sarmats:1,189.

"Косог-Касог"-имя Кавказского народа, данного соседями, в эпоху Хазар- ского царства Казакам.

"Казак"-имя полководца у Шахматай-Хана./Stomer/IV.XXX.p.45/

Катрмер-переводчик на французский язык"Империя Монголов Рашид Эддина", приводит многие выписки из манускриптов персидских и называет имя каза- чьих предков "Казаки".

В жизнеописании Тимура-Тамерлананаписанного им же самим в 1369 году, он пишет:"усвоивши манеру сражаться по Казацки, снарядил свои войска так, чтобы я мог, как Казак, проникнуть в жительство моих врагов".Следо- вательно, этот большой полководец после Чингис-хана, заимствовал тактику у наших предков, а вовсе не Казаки учились у Татар, или у Московитов, ко- торые по лживым утверждениям таких "историков", как Забелин, Броневский называют казаков "беглыми русскими холопами".

Мнение Западных историков:

казак-легко вооруженный воин;казак-хранитель границ, разведчик, пионер цивилизации.Казак-витязь, умирающий за Волюность и Веру.

Мнение Московитов:Казак-вольный, свободный, разбойник, вор.

Нет нужды особенно вести дискуссию с Московитами, история которых рас- цвечивает махровыми цветами планетарных разбоев и грабежей поработенных народов.

А как же относятся простые люди Московии?Образ казака в их сознании оставался возвышенным, почему народ и воспевал былинных героев, называя их Казаками, как Илью Муромца.Далее историк Соловьев писал:"богатырь не умирал в Казаке.И наши древние богатырские песни суть песни казацкие о казаках.

Любимый образ фантазии певцов-это богатырь Казак, а Илья Муромец обыкновенно называется старым казаком и прямо Донским. Казаком, Атаманом Донских казаков.

Богатырь-казак есть герой народной исторической песни в продолжении восьми веков.

Понятно, что появление в XVII веке богатыря-казака, какого еще не бывало-Степане Разине-сильно отозвалось в песне: сам стар казак Илья Муромец при Разине-есаулом только и самый видный из богатырей отодвигается на второй план.

"Как из далече, из чистаго поля,
из раздольца, из широкого
выезжает тут старой казак,
Стар старой казак Илья Муромец.
То младший Ермак да Тимофеевич
Прервал у стара Казака Ильи Муромца
Прервал его храпы белые".

Богатыри-Казак, как обитатели того чистого поля-главные участники в этой "с идолищем поганым" борьбе, это самая чистая, самая поэтическая сторона их деятельности", заканчивает Соловьев. И этим наносит страшный удар по головам шовинистов историков Московии, своей ложью уподобляющихся "идолищам поганым"-антихристианским.

Не лишено интереса изыскание Донского Казака Г.В.Губарева: "Книга о Казаках", в которой он пишет: "До половины XIX века "русская" историография признавала за казаками право называться особым народом, и этот взгляд не подвергался дискуссиям, как установленная традиция. Но сто лет тому назад, мгновенно, и без всяких дебатов, все явления казачьего прошлого русские /!/ перекроили на социальный лад / скорее всего на политический лад / . Казаки уже обитали в новых границах, захваченных Россией и великодержавные интересы ее потребовали теоретического "упразднения" казаков, как народа и обращения их в "беглых русских рабов".

Причины этой неожиданной перемены ничего общего не имеющей с наукой и русские /!/ не потрудились даже опровергнуть установленный прежде взгляд, - услужливо включили казаков в чужой исторический комплекс, переписали на свой счет Казачье национальное достоинство и при каждом удобном случае стараются распространить по всему свету новое ложное мнение о происхождении казаков.

Заниматься подробным разбродом всего этого вздора нет нужды. Исторические памятники нерушимо сохранили свидетельства о прошлом нашего народа от самой глубокой древности до наших дней. Каждое правдивое слово Казачьей истории легко разоблачает хитросплетения недобросовестных ученых и восстанавливает звено за звеном непрерывную цепь Казачьего родословия. Оно тянется от нас-Казаков к Касакам, Касогам и Касарам и далее к Касакхам, Касакам, выступающим из тумана тысячелетий в своем оригинальном Скифском виде.

Казачье национальное имя показывает удивительную устойчивость: из эпохи в эпоху, на протяжении тысячелетий оно изменилось лишь весьма незначительно. Русский историограф Карамзин не без основания говорит о древности нашего имени. Это имя в Казачьем обиходе произносилось как и сегодня - Казаки!

Однако, разные народы, которым приходилось встречаться с нашими предками-выговаривали его неодинаково. Например, у Греков самое раннее начертание было "Кассайя и Казахи; у Китайцев-Кеса, Кэйсеу; у Тюрков-Казак, Кайсак; у Персов-Каззак; у Кабардинцев-К, эзак; у Славян-Касак, Касог, Казак, у Англичан-Совзаск; у Французов-Совзацув; у Испанцев-Совзагов. Различные начертания-следствие неодинакового произношения.

Древнее территориальное имя Казачьих племен Приазовья-Меоты, в дальнейшем Кассаровцы-Казары, по царству Хазарскому. Затем-Черкасы, по стране Черкасии. Пятигорцы и Гребенцы, по урочищу в Кабарде; Северуки-по Северскому

Донцу; Запорожцы по Запорогам; Донцы, Кубанцы, Терцы - по рекам и областям также назывались: Ордынские, Литовские, малорусские, перекопские, путивльские, белгородские, городецкие, рязанские, днепровские".

Таким образом, Г. В. Губарев внедряется вглубь древнего происхождения Казачьего народа. Задолго в людских массах Северного Кавказа и бассейне Дона начались процессы взаимного выравнивания, формирования однообразного быта, верований. Они происходили непрерывно на протяжении тысячелетий совместной жизни и завершились на полях державы Томотороканской: из Касаков, Касогов, Казаров - в результате выковалось основное ядро Казачьего народа имя: Казака!

ПОХОДЫ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ НА ВОСТОК.

Если до IX века наблюдалось движение человеческих масс с Востока на Запад, то в IX веке произошло обратное движение с Запада на Восток.

Если Восточные конные кочевники, начиная со Скифов, руководствовались главным образом захватом огромных пространств степей Причерноморья для своего интенсивного скотоводства и подчинения местного населения своей власти, то Западные массы под водительством Киевских князей, главным образом, руководились хищническими врожденными инстинктами грабежа, чему способствовали две стихии Варяжских/уже описанная мною/и стихия руссов, приведших от р. Аракса. Эти две стихии удачно обединились под водительством Норвежца Олега/прославленного москвитями как "Вещего"/. Эти "руссы", как уже говорилось, совершили два грабительских похода, в 914 и 944 годах. В первом походе и погиб Олег.

После Олега Киевом правил Игорь - племянник Олега, сына Рюрика. Княжение его было неудачное. Поход на Византию окончился плачевно. Флот его был сожжен "греческим огнем". Нападать на могущественную Хазарскую державу он боялся, хотя он и обладал присущей его роду жадностью. Из-за этой жадности он и погиб. Историки Московии умалчивают о причине его смерти: Византийские же источники говорят о этом весьма подробно. Получив от Славянского племени Древлян дань, он потребовал таковую же вторично. Это вызвало возмущение. Игорь, прибывший за данью, был схвачен Древлянами, привязан к двум елям за ноги, пригнутым вниз, затем ели были отпущены и Игорь был разорван пополам.

После Игоря княжила Ольга - жена, довольно мудрая женщина, принявшая христианство; внешними войнами она не занималась, наводя порядок в государстве. Христианство при ней заметных успехов не имело, не удалось ей обратить в христианство и сына своего Святослава, шедшего твердо с народом в своем язычестве. Идея христианства была ему чужда, - его грабительским инстинктам.

Историк С. Лесной/стр. 706/дает ему такую характеристику: "сильный телом и духом, Святослав был типичным завоевателем; действительные интересы народа для него были чужды. В борьбе, в добыче, взятой в войне, он видел цель жизни, пренебрегая интересами государства. Напрасно современные историки видят в его поступках шаги разумного, полезного государственного деятеля - Святослав был авантюристом. Дела Новгорода его вовсе не интересовали: о Киеве он прямо заявил, что ему там жить "не любо".

Взоры этого - то авантюриста, по отзыву С. Лесного, были обращены на богатства Хазарской Федерации. Один лишь трон Кагана из чистого золота не давал ему спать спокойно и вот в 965 году он и двинул свою рать из Варягов, руссов и славян.

Летопись о этом говорит кратко: "Иде Святослав на Козары. Слышавше же Козары изидоша противу с князем своим Каганом и сступишася на бои, и бысть брань, одоле Святослав Козаров, и град их Белу Вежу взя и Ясы победи и Касоги, и приведе Киеву".

Жестокость Святослава была невероятная не только к защитникам крепости Саркел на Дону, но и поголовному избитию хазар, взятых в плен, а остат-

ки хозар преследовал до Кавказских гор, убивая их. Хозары рассеялись по Кавказу и Крыму, исповедуя иудейство, но без Талмуда, называясь "Караимами".

Ограбивши столицу Итиль, Святослав разрушил древний казачий город Азак, двинулся на казачьи и аланские поселения, разграбил богатый город Семендевр, а также и Томоторокань и с великой добычей возвратился в Киев. Неудовлетворившись громадными богатствами Хозарии, Святослав с еще большей жадностью бросился на грабеж Византийских провинций, имея честолюбивые замыслы захватить Царьград, но стягощенный добычей, он решил возвратиться домой. На обратном пути от Дуная Печенеги, изгнанные Византийцами, засели у Днепровских порогах, напали на перегруженную дружину Святослава, разгромили ее и сам Святослав был убит. Летопись говорит об этом: "Нападе на ня Куря/князь Печенежский/, и убиша Святослава. Иззяпа голову его и во лбе сделала чашю, оковавши лоб его золотом и пняху в нем".

Так закончил свою бурную жизнь один из блистательных грабителей Варяго-Руссопских князей. Награбленное золото частично пошло на окопку его черепа, из коего князь Печенегов пил пиво в торжественных случаях, а остальное золото пошло прахом.

После смерти Святослава в 980 году, в Киеве княжил его сын Владимир, объединивший под своей властью весь славянский Восток.

Владимир был незаконнорожденный сын Святослава и девушки славянки Малупи-ключницы княгини Ольги. Влияние своей матери, а в особенности брата Малупи Добрыни, человека государственного ума, было очень сильное. От отца-грабителя возмужал и развился государственный деятель. Он не увлекался грабежами других народов, а занялся устройством своего государства. Таким же был и его предпоследний сын Мстислав, от матери "чехини". В удел этому молодому князю досталось княжество Томотороканское, в древности называвшееся "Тома", поэтому и следовало бы называть его согласно корня "Тома", а не Тьмутораканским. Во главе этого княжества стоял Косоожский князь Радедя/по осетински "Иредада"/. Среди осетин было предание, что когда Мстислав прибыл с дружиной, то Радедя благородно предложил, чтобы не проливать кровь подвластных им дружин, спор о престолонаследии решить личной борьбой. В борьбе этой оказался победителем Мстислав, который и объединил все народы Северного Кавказа и создал сильную Томотороканскую державу.

Здесь уместно поместить выдержки из "Книги о казаках" Г. Губарева: "Волею Судьбы Мстиславу пришлось быть на Востоке наследником Хозарии. Но вместе с землями к нему перешли и связанные с ними обязанности-стража Европы: он должен был держать заслон перед широко открытыми Урало-Каспийскими воротами и препятствовать новым вторжениям азиатских кочевников. Такая роль, за которую никогда не брался Киев/а старался наоборот пограбить, - добавим мы/, выпадала на долю каждой государственной формации, выросшей на Дону. Справиться с ней мог только сильный союз местных племен и народов. Держава Мстислава должна быть сильной. Кроме того, теперь, когда его многочисленные братья, уничтожая друг друга в удельных распрях, погибли все, за исключением старшего Ярослава и младшего Судислава, он считал вправе получить часть наследства отца.

Мстислав уже имел могучую дружину из природных воинов старых и новых подданных: Казаров, Касогов, Касаков и Ясов/Танаитов, Донцов/.

В 1023 году Мстислав двинул свои войска к Днепру, летопись говорит: "поиде Мстислав на Ярослава с Козары и с Касоги".

Ярослав в это время был в Новгороде и усмирал в Суздале языческие бунты. Мстислав подошел к Киеву, но Киевляне его не приняли, тогда он без боя занял Чернигов.

Ярослав собрал Новгородских и Киевских воинов, вызвал из Скандинавии отряд варягов "красавца" Якуна и повел войска на Чернигов."

Летописец так описывает встречу братьев под Лиственном. "Мстислав с вечера приготовил войска, поставив Северян лицом против варягов, а сам с

дружиной расположился по крыльям. И была ночь, и была тьма, молния и гром, и дождь. Мстислав говорит своей дружине: "пойдем на них". И когда сошлись северяне с варягами, варяги много потрудились избивая северян, но потом ударил Мстислав со своей дружиной и начал рубить варягов. И закипел горячий бой. При блеске молний сверкало оружие, гремела буря и шла страшная резня. Ярослав увидел, что его побеждают и бросился бежать вместе с Якуном, князем варяжским. Тут-то Якун и потерял свои золотые латы. Ярослав бежал в Новгород, а Якун за море. Мстислав же на рассвете, увидевши северян побитых и варягов Ярослава, говорил: "Кто же этому не был бы рад? Вот лежит северян, вот лежит варяг, а своя дружина цела".

Поражение было столь жестокое, что Ярослав не решился вернуться на Юг. Но Мстислав предложил: "сидишь в своем Киеве, ты-старший брат, а с меня девольно и этой стороны".

В 1026 году братья заключили договор: границей был Днепр. Заняв левый берег, Мстислав стал владельцем огромных пространств. Его держава раскинулась от Кавказских гор до верховья Дона, Оки и Волги, на западе она упиралась в Днепр, а на востоке в приволжские степи. Томотороканцы знали, что благодаря их боевым трудам прежняя граница княжества отодвинулась на сотни километров, предоставляя для их услуг богатые и относительно спокойные места для поселений у лесных граней. Там лежали степи, богатые водами и тучными пастбищами. Козяры и Касаки использовали свое законное право и оседали здесь под опекой мужественного и ласкового князя и летописцы начинают их вспоминать под именем "черных клобуков", людей одетых в черные шапки, которые и составляли главную массу подданных Томотороканского князя.

В хетинской легенде есть повествование о его браке с "самой прекрасной девушкой аланского края, это было чудо красоты, картина, расписанная Солнцем и звали ее Надо, из рода Бургадты. Не прошло и года после свадьбы, как Надо родила Мстиславу сына". Сын Евстафий умер еще при отце в 1033 году. Сам же Мстислав, простудившись на охоте, скончался в 1036 году.

Храбрый князь по рождению, не был связан ни с Козарами, ни с Касаками, но он искренне любил Донцов и Кавказцев, и в дружине души не чаял. Всячески берег воинов и не только способствовал их оседлому быту, а и возвел их роды в положение первых людей среди северян.

Кроме того, у Казаков имеются особые причины чтить память вождя их предков в сложении Казачьей народности. При нем завершился один из значительных этапов слияния воедино народов, и заслуга политического объединения племен, выступивших вскоре на арену истории под общим именем Казаков".

Днепровские князья разобрали по частям сильное политическое образование Мстислава, занимаясь лишь распрями и враждой, да убийствами друг друга и, конечно, не были в состоянии сдерживать волны Азиатов. И когда из-за Урала двинулись Половцы, то их никто уже задержать не смог.

Некоторые историки с позиции чисто политической, утверждают, что Томоторокань была "русской". По этому поводу археолог Ю.В. Готье писал: "Нет никаких исторических известий, которые доказали бы существование вокруг Тмутарокани "русского" населения. Знаменитый Тмутароканский камень/с надписью: "в лето 1068 Глеб князь мерил море по леду от Тмутарокани до Крчева 10.000 и 4.000 сажен"/единственный материальный памятник, свидетельствующий о "русском"/русинском-прим.ред./владычестве". С мнением Готье археолог М.А. Миллер не согласен и утверждает, что в области Тмутарокани была колонизация славян-русов/но не русских/, другие историки даже утверждают о "Приазовской Руси"/но не России, прим.ред./ "А ведь Готье ясно говорит не о мирной колонизации "русских" славян, а только о "русском" владычестве, т.е. временном пребывании со Святославом с целью грабежа и другими, которые впоследствии возвратились на Днепр.

О способах колонизации Московии имеются исторические пояснения. Так, например, Василий III предпринял поход против Литовцев. Он переселил и увел с

собой три части жителей из четырех, коих после того отдал или продал татарам, а вместо их поселил столько своих русских/москвитов/, сколько можно было достаточным для оселения хвавшихся туземцев вместе с его же гарнизоном.

"За один только раз в 1488 г.", говорит проф. Платонов, "привели из Новгорода более 7.000 людей на Москву".

В 1468 году большая рать Ивана Грозного опустошила всю Черемисскую Землю. Летописец говорит: "Много зла учиниша Земле той, людей иссекоша, а иных в плен поведоша, а иных изожгоша, а кони их и всякую животину чего с собой нельзя имати, то все иссекоша, а что было живота/имущество/их, то вся взяша, и половеца всю землю ту досталь пожгоша".

"Колонизация" сводилась к тому, что просто захватывали соседние Земли, подчиняли, сгоняли живших на них народ, строили города крепости и поселяли своих крестьян, и в этих "колониционных" движениях не было ни под, ума духа, ни риска, ни отваги, свойственным всякой колонизации.

Как пример невежества и зверства Рюриковичей, приводим выписку из Летописи о княжеских братоубийствах и раз,яснение причин этих зверских фактов:

"В 1217 году Князь Глеб Рязанский Володимирович изучен сатаной на братоубийство, имея сподвижника брата своего Константина и с ними диавола, иже предести их своим злоказньством вложивша има в помысел избити братию свою". Факт удивительный, но едва ли читатель согласится с мнением летописца-истолкователя: виноваты-де во всем "сатана и диавол", но ни в коем случае сами князья-братья!

Еще о Таматороканском княжестве.

Существует в Нью-Йоркской публичной библиотеке книга немецкого автора "Древние Азовская и Крымская известия" /Baver Gottlieb Siegfried/ в русском переводе Ад, юнта Императорской Академии Наук И. К. Тауберта/Изд. III, В Санктпетербурге 1782 года/. В этой книге, на стр. 47, сначала говорится о разделе князем Владимиром своих уделов среди своих сыновей, согласно летописи игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия, сотрудника "великого" епископа Никона-строителя монастыря около города Таматорокань так:

"Он разделил своим сынам, которых находилось не малое число, правление некоторых, а особливо отдаленных провинций. Из оных имел Мстислав свою резиденцию в Тматорокани, который город называется ныне Темрюк. Там покорил он себе в 1021 году соседственных до Кавказских гор распространившихся Козаков и отправил их в 1023 году вместе с Козарами против своего брата великого князя Ярослава, а в 1024 году сам за ними следовал. Однакож они скоро опять помирились и по вторичном разделении Земель перенес Мстислав престол свой в Чернигов.

Тматорокань есть то самое место, которое Цезарь Константин Порфирогенет Таматарха называет и полагает против Боспора или Керчи. Нине называется это место на картах Темрюк и лежит против крепости Тамань, к северо-восточной стороне подле Меотического/Азовского/моря. Итак жили уже во время Цезаря Константина Порфирогенета оные Козаки, которых Мстислав себе покорил в юго-восточной стороне от сея крепости до Кавказских гор. По тому может всяк разсудить, как бы Россие возможно было все оные места содержать в своем владении, и Козаков, как храбрый народ, привести под свою державу, ежели бы она всею рекою Доном и следовательно Азовом не владела. Правда, что Половцы лишили потом России сея пользы и победили великого князя Всеволода в 1061 году в жестокое сражении. Однакож нахожу я, что российский князь Ростислав владел еще в 1064 году крепостью Темрюком, и привел опять в послушание козаков, но потом от греков, которые храбрости его боялись, ядом, отравлен. От сего можно бы заключить, что Половцы уже после вторичной баталии, которая случилась в 1067 году, помянутые места также и Азов завоевали. Но другие писатели об, являют, что Темрюк принадлежал еще в 1078 году Олегу, внуку великого князя Ярослава, и

что великий князь Всеволод, по отъезде его в Константинополь, определил на его место управителем в Темрыке одного, именем Ротибора. В 1083 году, Олег возвратился из Греции/был арестован Хазарами и содержался на острове Родос/и принял опять прежнее свое владение, а в 1094 году напал он сам на Днепровских князей/Игумен Феодосий, стр. 351/".

Олег в 1094 г., при помощи Половцев, появился под стенами Чернигова. Находившийся там его дядя Владимир Мономах уступил ему город и удалился в Переяславль.

Олег был мстителем за поруганную честь Чернигова Киевскими князьями. Как бич Божий налетал на "русские" Земли захватчиков Днепровских князей, неся опустошение и страх. В "Слово о полку Игореве", говорится: "Ступает в злат стрямен в граде Т, муторокане, тот же звон слыша давний великий Ярослав, сын Всеволода, а Владимир по вся утра уши закладаша в Чернигове".

От одних только сборов в поход Олега трепетали в ужасе Днепровские князья.

С приходом Половцев и уходом окончательно русских и Славян из Томаторокани, последняя, избежавшись от паразитов Киевских, вынуждена была сотрудничать с Половцами. Конечно Томаторокань в своем политическом и торговом отношении ослабела. Жители стали переселяться за Кубань, где в предгорьях стал зарождаться Союз племен "Черкасии". Тамань и Кубань вошли в союз. Название Томаторокань сохранилось только за городом.

В XII веке там правили князья или из Косоогов-Казакон, или из Алан.

Араб Эдризид писал: "Матарха цветуща, окружена обработанными полями, виноградниками. Князья отважны и грозны для соседних народов. В городе происходят ярмарки."

ПОЛОВЦЫ-КОМАНЫ ИЛИ КУМАНЫ.

Половцы-Команы или Куманы себя называли "Кипчаками". Они подошли к Днепру в 1055 году и заключили мир с Всеволодом Переяславским. По культуре они стояли выше Печенегов и Торков. Хан Кончак обединил их в одну державу, под личной властью. Половцы окончательно отрезали Томатороканское княжество от Киевщины и уже в 1117 году все славяно-русинское должно было покинуть торговый центр на Дону-Белую Вежу, бывшую крепость Саркел. Колонизация славяно-русинская в Подонье-Приазовье в зачатке исчезла. Половцы были скотоводы, но грабительские походы играли в их экономике большую роль.

Феофан-Исповедник дает им такую характеристику: "жизнь мирная для них-несчастье, верх благополучия, когда они имеют удобный случай для войны".

В общем, столкнулись два Мира: Турецкий и Славянизирующееся Приднепровье, со своими многочисленными князьями-Рюриковичами. Но эти два Мира, разные по происхождению, были абсолютно схожи в своих грабительских действиях. И вот, на протяжении 175 лет происходят непрерывные набеги одних на других. Половцы, учитывая рознь и вражду князей, наносят им поочередно большие поражения до тех пор, пока жаждущие власти князья не приходят к разумному соглашению между собой и тогда Половцы несут такие же поражения.

Некоторые князья входят даже в договорные сношения с "погаными"/считая себя чистыми/, чтобы поразить своих соперников к власти.

Летопись сообщает: сотвориша бо ся глад велик в Земле нашей и опустели Града наши и быхом бегающие и перед враги нашими".

В 1095 году, князь Владимир Переяславский вероломно убил Ханов Итлара и Китая, приехавших к нему заключить мир; перебита была и дружина. Половцы ответили: напали на г. Юрьев, на р. Роси, разграбили его и сожгли. Затем напали на города Переяславль и Устье. А Хан Боняк осадил Киев, разграбил и сжег Киево-Печерскую Лавру и окрестность, сам город уцелел.

Владимир Мономах, однако, разгромил Половцев, в результате чего Хан Отрок ушел к Грузинскому царю Давиду Строителю, выдал за него свою дочь. С ним ушло 40.000 конницы. Но вскоре он вернулся, чтобы обединить Половцев.

И скоро повелись бои.

В 1184 году об,единенные князья, под командой Святослава Киевского разбили Половцев. Это дало, как претекст молодым князьям из чувства зависти, об,единиться между собой, чтобы приобрести славу, под командой Игоря Новгородского и князей: его сына Владимира, брата Всеволода, племянника Святослава, князя Ярослава Черниговского, - всего шесть полков двинуть на врага. Заслон Половцев был легко разбит и князья стремительно двинулись вперед. Половцы, не принимая боя отступали, создавая большую силу из резервов. И вот: "в поле незнаемом, среди земли Половецкие окружили полки Игоря как борове". Два дня и две ночи шла ожесточенная сеча. К обеду на третий день "падова стязи Игореве", так говорит летописец. Все князья были взяты в плен. Спаслось 15 воинов. И так пала рать Игоря "на реце Каяле, у Дона Великого".

В "Слово о полку Игореве" довольно красочно описано как будто даже сама природа давала предчувствовать беду: "Солнце ему Игорю тьмою путь заступаше; ночь стонуша ему грозно птичь убуди; свист зверин веста; збися Див, кличет вр,ху древа, велит послушати земли незнаема".

Некоторые историки предполагают, что река "Каяла" у Дона Великого - это летописная "Калка"/Кальмиус/, где татары Субутая разгромили Киевских князей. Но р. Калка не есть "у Дона Великого", а отдалена от него и никакой речкой не связана.

При этом было бы странно, чтобы Игорь Новгородский шел с войском с Севера на Юг, проделывая опасный фланговый марш по отношению к Половцам.

Путь движения князей начинался с Владимира, это - путь по Донцу". Конные по берегу, пешие на лодках. Так оно, вероятно, и было. И войско Игоря, достигнув реки "Каменки", впадающей в Донец, в отрогах Донецкого края и густых лесах на Донцу было окружено и разбито.

И "Слово о полку Игореве" не даром говорит, что Солнце ему Игорю тьмою путь заступаша, ибо Солнце закрывалось горами и лесом и "Див збися-кличет вверху древа". А какие же горы или лес, мешающие ориентировке по Солнцу были на реке Калке? Их там нет!

Отсюда мое предположение, что река "Каменка", впадающая в Донец с правой стороны городка Гундорова, была в истории названа "на реце Каяле" и действительно Донец впадает в реку Дона Великого.

О бое Игоря на Каменке мне приходилось читать старинную книгу, со старинной печатью с титлами в архиве станицы Гендоровской.

Такого страшного поражения князей, не переживали за все почти двести лет. Поле деятельности для Половцев открывалось блестящим для грабежей, но в 1223 году нахлынул передовой отряд Монголо-Татар.

Летопись говорит: "Половец безбожных/а князья пожалуй не уступали в безбожи, прим. авт./множество избита, а иных загнаша и те изомраша. Придоша бо Туркмены всю страну Куманскую и придоша близ Руси".

200.000 Половцев, во главе с ханом Котяком ушли в Венгрию и ассимилировались там. Часть перешла Дунай, часть осталась в Южных Степях под названием "Дешт-Кыпчак", не оказывая сопротивления татарам.

КАЗАЧИЙ НАРОД В ЭПОХУ ТАТАРСКОЙ ОККУПАЦИИ.

Народы Северного Кавказа, а также Приазовья, на Дону после грандиозного кровопролития и грабежей и грабежей, учиненных блистательным авантюристом Святославом, оставались на родных местах; каждый по своему зализывал свои раны, несколько передохнули в эпоху Мстислава, подверглись ущемлению со стороны Половцев, но в меньшей мере, чем при Днепровских князьях, которых даже и изгоняли, участвуя в отрядах Половцев.

А тем временем на Дальнем Востоке ярко разгоралась звезда гениального монгола Темучина. Оставшись после смерти своего отца Есугея 10-тилетним сиротой, при помощи умной матери, об,единил монголов, а когда возрос, то

со своими монголами покорил татар под свою власть. Затем соединенными силами двинулся против богатейшего Китая. Захватив столицу Пекин, Темучин стал обладателем громадных сокровищ. На эти средства он принялся организовывать свою регулярную армию и создавать свою монгольскую государственность, привлекая опытных в деле администрации, тех же Китайцев и Туркестанцев, не стесняясь большими расходами на их оплату.

Он вошел в договорные отношения с тогда очень культурной и богатой страной Туркестана. Вводя в свою Армию покоренные племена, он создавал не только воинскую, но и моральную дисциплину при помощи духовенства покоренных племен. Строго запрещал убивать инженеров, техников и вообще специалистов по различным отраслям строительства, медицины и даже просвещения.

Не удовлетворяясь своим диктаторским правом, Темучин в 1206 году созвал т. назыв. Курултай/Сенат/, состоявший из видных старейших и мудрейших представителей завоеванных народов. Курултай этот имел громадное историческое значение: на нем зародилась могущественная Монгольская Империя. На этом же Собрании Темучин был провозглашен "Чингис Ханом", т. е. Верховным Вождем Империи.

Закончив организацию Империи и Армии, Чингис-Хан двинул сперва разведывательный отряд, под командой полководца Субутая при царевиче Берке, в составе 30.000 конницы. Этот отряд в 1223 году появился на южном побережье Каспийского моря; там он встретил конное войско Грузинского царя Георга IV-сына царицы Тамары, которое по своей малочисленности не устояло и было отброшено на Запад. Оставив Грузию в покое, Субутай западным побережьем Каспийского моря, перейдя Дербентские ворота, вышел на Северный Кавказ. Здесь он встретился с Казаками и Горцами и предложил им договор уплаты небольшой дани. Что оставалось делать Казакам и Горцам? Память о насилиях и грабежах Святослава и иных князей и Половцев была еще свежа, а поэтому наши предки договор приняли, давши даже вспомогательный отряд, гонцы которого и информировали казачьи поселения по Тереку, Кубани, по Дону, Донцу, Хопру и Медведице, в пределах последних была область Казаков-Бродников.

Переправившись через Дон, Субутай разбил Половцев и двинулся на Запад. К Киевским князьям были посланы Татарские послы с предложением мирного договора, на базе уплаты определенной дани. Киевские князья, получив к этому времени заверение Половцев, что они будут на стороне князей, не только отвергли предложение мирного договора, но всех послов перебили. Татары проявили в этом большое терпение: они вновь послали новую делегацию, во главе которой поставили Казачьего Атамана "Бродников"-Плоскину. Успеха эта делегация также не имела. И тшеславные князья, числом шесть, двинули свои войска, не имевшие, однако, единого командования. Каждый князь мечтал о личной славе. Субутай стал отступать, но, дойдя до р. Калки, остановился, изучив достаточно беспечность противника от казачьих раз,ездов. На этой то р. Калке/Кальмиус/, впадающей в Азовское море, все войско князей было разгромлено. Все шесть князей попали в плен; их связали, положили на Донскую Землю, накрыли их досками и стали татары пировать, на этой "живой" эстраде, мстя таким образом за убийство своих шести послов.

Покончив с князьями, Субутай двинулся в сторону Уральских ворот. Здесь ему пришлось принять сильный бой против Булгар. Затем он ушел на Восток, с докладом Чингис-Хану.

В 1237 году Чингис-Хан направил на Запад две отдельных армии: 1/под командой Субутая в направлении Москва-Новгород и 2/Батия, своего сына Джучи, в направлении Киев-Карпаты!

Субутай довольно быстро справился со своей задачей: кой-кого из строптивых князей прикончил, сопротивлявшихся порубили, да и само то сопротивление не было то сильное. Племена, главным образом, финского происхождения, были по своим свойствам мирные, к военным действиям совершенно неспособны. Это то обстоятельство и послужило тому, казалось, быстрому успеху,

с каким опытные рабовладельцы Гюриковичи захватили весь Северо-Восток. Ни о каком чувстве патриотизма не могло быть и речи: менялась лишь диктатура Гюриковичей на наместников Чингис-Хана. Первое время местные жители даже приветствовали административные меры Субутая, разбившего весь Север на области. В каждой области был назначен Губернатор-Баскак. При этом этот Баскак совершенно не вмешивался во внутреннее управление областей. Лишь бы они исправно платили дань.

Но когда сбор дани был поручен князьям, то народ заболновался, ибо эти князья, по природе своей грабители, выбивали не только дань для Татар, но такую же в том же размере и для своей широкой жизни.

Армия Батия была более могущественная, чем у субутая. На Батие лежала при этом обязанность административного устройства тыла, ибо за Батием было до полтора миллиона монголов и татар со всем имуществом с женами и детьми. В общем это был вооруженный народ. Армия Батия состояла из одной трети монголов и двух третей покоренных народов на равноправных началах. Все: Юго-Восток, состоящий из Казахских и Горских поселений, за исключением Зихов Северного Кавказа, а также остатки Хозар, почти уничтоженные Святославом в 965 году, вошли членами Армии Батия, которая освобождала раз и навсегда от зависимости Половцев и сулила некоторую самобытность мирной жизни.

Батий двинул свои войска от Волги и Дона, не встречая нигде серьезного сопротивления, если не считать павших духом Половцев. Подойдя к Днепру, Батий встретил сильное сопротивление Днепровских князей, опиравшихся главным образом на воинственных "руссов", торков и остатков варягов. Все это воинство было в большинстве своем уничтожено без пощады. Все поля были покрыты разлагающимися трупами и в таком большом количестве, что их даже не успевали убирать. Вонь и смрад разносился ветром. Похоже было на то, что это как бы Божья кара пала на "руссов" за их грабежи, насилия и пожары, учиненные ими во времена княжения Олегом и особенно Святославом в 965 году. Усердно рубили "руссов" хозары. В 1240 году г. Киев подвергся полному разгрому, а также окраинные города по Днестру. Батий не задерживаясь, двигался дальше на Запад на Балканы, Трансильванию, Польшу, имея в авангарде казаков и черкасов.

Чингис-Хан своей стратегической целью ставил установление единого торгового пути от Тихого на Востоке океана до Атлантического на Западе, и достиг бы этого, но смерть его в походе на Тонгутов от простуды помешала его гениальному плану, и Батий от восточных границ Европы повернул, при известии о смерти Чингис-Хана, обратно, установив свое государство, под наименованием "Золотая Орда" на берегах р. Волги и рукава Ахтубы.

Установление владычества на Востоке Европы татарами обязано их военной мощи, высокой дисциплине армии, умелой административной системы по объединению народов Юго-Востока, до того разрозненных Половцами. Теперь они вошли в государство "Золотой Орды" на равноправных началах. Повторилось тоже, что и было в эпоху Хозарской державы. Все народы составили с Татарами единую Федерацию.

По этому поводу Калмыцкий ученый доктор Хара Даван пишет: "обитатели Подонья были привлечены Монголами к пограничной службе, составив таким образом, вроде служилого сословия, освобожденного от всяких податей. Эти жители Подонья-Бродники, как они тогда назывались, в административном отношении управлялись иначе, чем остальная "Русь". Само население избирало своих десятников и сотников, которые утверждались монгольским губернатором-баскаком.

В виду доверия, которым пользовалось у Монголов население Подонья, ему дано было право избирать даже губернаторов из 3-х кандидатов, одного из которых и утверждал Хан."

Этой премудрости даже не удосужились в "просвещенный век" 19 и 20 в. в. цари Романовы/Кобылы/, назначая сверху Наказных Атаманов/от слова не"на-

каз", а от слова "наказание" /из числа "великороссов" /москвитов/, но не казак.

Казак Поднепровья сохраняли образ принадлежности к Христианству и традиции тоже общинного демократического строя, общины эти были: казаки Перекопские, казаки Белгородские и казаки Азовские, прибывшие на Днепр из Азова. Быстрота казаков вообще при мобилизации, большая подвижность в развертывании строя, храбрость и особенно верность данному слову. Все эти свойства ценились татарами и они привлекали казаков к себе на службу. Так что перемена верного союзника Татари на лицемерного Москвиты, что случилось в 1380 году, было роковой ошибкой.

Русский историк Мавродин тоже говорит: "Бродники-предшественники Казаков, появились с Татарами в Молдавии, в Трансильвании и на Балканах. Но кроме того, Казаки усердно принялись за мирный труд-хлебопашество и рыболовство. Дон был переполнен рыбой до отказа. Монголы не знали этого ремесла".

Ранее присутствие казачьих предков на Днепровском Низу, времен татарского владычества, подметил и "русский" профессор Дубовский, говоря: "Зародившем Запорожской Сечи была крупная Казачья группа, промышлявшая за Порогами, поблизи татарских кочевий, в конце XV века".

Здесь разговор идет о скоплении Казаков местных о "своих людях" для Татар, о "Казачьем улусе". Так его и называли Казаки сами, в преданиях о первых Запорожцах Касарского рода /но не украинского/ так: "Он, Семен /глава Запорожцев/, приехавши до своими Казаками и стал жить по Очаковской стороне, при реке Днепра особливим улусом, а после оных Казаков много приумножилось".

Польский историк К. Шейнаха пишет: "польские летописцы делают Татарскую Силу на Орды: Заволжскую, Астраханскую, Казанскую, Перекопскую и Казачью. Эти Татарские Казаки не признавали никаких царей и жили в разных местах, считаясь во всем народе отчаянными храбрецами. Это были люди, приезжавшие в Киев со степей, с Юга или Севера, но всегда от Днепра, часть из них занималась торговлей. В Киеве для них даже существовало имя: "купец-казак". Другие в степях жили охотой и рыболовством. Ханы ставили их по положению в одном ряду с Ордынской аристократией. В сохранившихся актах они упоминаются: "царевичи /огланы/, князья и казаки".

Происхождение Донских и Запорожских Казаков единое и при том древнее. Как Донские Казаки имели корнем происхождения от летописных Касогов-казак, так и Запорожцы от летописных Касаров-казак. Разницы в корне "Кас" нет, а лишь в приставках: "оги"-значит зависимые от феодально-демократического строя, "арн"-значит независимый в родовом строе-групповом.

Те и другие Казаки были в Армии Скифов под названием "коссагеры"-приставка "геры"-значит по французски-война". Военная организация и тактика "коссагеров" была принята кочевыми Скифами, в эпоху царских Скифов."

Историк немецкий Шерер, говоря о Запорожцах, утверждает, что древнее название их было "кос-арн". И если украинский историк Скальковский говорит, что Запорожцы произошли от Черкас, то почему они не назывались Черкасами, а именно Казаками? Да потому, что их род от древних кас-аров-казак. И затем, Запорожское Войско образовалось из Днепровских казак, как протест против экономического расслоения Казаков на "пняхту" и прстых, как следствие воздействия Польско-Литовского Княжества.

Теперьшние Черноморские Казаки-наследники Запорожского Казачьего Войска, ушедшие с Запорожья /Земли коих Екатерина II присоединила к Украине/ ни в коем случае не должны считать себя Украинцами, ибо они древнего Казачьего происхождения и при том племенного, а не нарицательного. Украина не есть для них Родина, а историческая древняя Родина Северный Кавказ.

При чем, если на полях Украины гремела Слава, то эта Слава принадлежала именно Запорожским Казакам, а не Украинцам, которые произошли от сплава: руссов, готов, печенег, торков, варягов и славян. Таким образом, этническо-

го племени украинского народа никогда не было, и имя это не племенное, а нарицательное, как и у великороссов.

Здесь не лишним будет дать некоторое освещение словам: Русь, Киевская Русь, Великороссия, Россия.

Как утверждает официальная теория Московии, имя "Русь" появилось в Новгороде с приходом туда Рюрика с дружиной Варягов, среди которых якобы находилось племя "Русь".

Последующими историческими изысканиями это мнение норманистов подвергнулось большому сомнению, а историк Лесной даже категорически заявляет, что в Скандинавии никогда никакого племени "Русь" не было, это "миф, мыльные пузыри". Если Рюрик был носитель этого имени "Русь", то с его смертью форменно закомуфлированной историей Московии и даже летописью Нестора, должно исчезнуть и самое имя "Русь", тем более, что остатки дружины Рюрика под командой норвежца Олега ушли грабить Киев, где наместниками его были Аскольд и Дир/братья/, поставленные Хозарами, которых Олег и убил, приговаривая "Вы не князья, а вот сын Рюрика-Игорь". При этом для доказательства он держал этого Игоря-мальчика на руках. Здесь тоже странность: почему Игоря отстранили от Рюрика в Новгород, ведь у него, вероятно, была мать, и передали на попечение Олегу, даже не родственнику.

Не подставное ли это лицо Игорь, впоследствии родоначальник князей и царей? Главную роль в этой исторической туманности сыграл Олег-великий авантюрист. Как известно, Олег коварно захвативший Киев, сказал: "Киев-мать городов русских". Здесь опять темнота: передавал ли Олег Киеву преемственность от "Руси" Новгородской, которую Словене не признавали и протестовали, или он, будучи сам норвежцем, приобщил это имя от тех "руссов", пришедших от Закарказя от бассейна р. Аракса? Но этих "руссов, россов, расов" летописец Нестор не признает, а восхваляет династию Рюрика, утверждая: "от Варягов прозвашася Русь". Какой-то заколдованный круг, от которого веет ветер самозванщины.

Так или иначе, а бассейн среднего Днепра принял название: "Киевская Русь" с благословения сомнительного летописца Нестора, но по его же летописи известно, что Владимир "Святой" отправил в Цареград 6.000 варягов/которые слишком зазнались/ в распоряжение Византийцев, а остальные были перебиты. А с исчезновением Варягов естественно исчезло и слово "Русь", ибо оно и зиждилось только на Варягах. К этому времени наиболее агрессивным элементом выделяются "руссы"-"россы", включаются затем готы, печенеги, торки, сильно разбавляясь славянами своим преобладающим количеством.

Следствием междоусобных войн многонародившихся князей, по существу паразитов, происходит в 1157 г. разделение империй по Днепру Игоревичей, но не Рюриковичей, -лицо в "русской" истории довольно мифическое. В Киеве великим князем остался Изяслав Мстиславич, и это государство просуществовало совершенно независимо и самостоятельно до самого прихода Монголо-Татар совместно с племенами Северного Кавказа, Дона, Донца.

Князь Юрий Долгорукий, по разделению империи, переехал в свой удел в Суздаль, превратившийся потом уже во Владимире в великое княжество. Вот, здесь то, в Суздале-Владимире и зачалось то государство, которое впоследствии приняло название Московии, а потом Российской империи, а ныне СССР, но не в Новгороде или Киеве. Это начало подтверждается тем фактом, что Московские великие князья ездили короноваться именно во Владимир, но никогда не ездили в Новгород или Киев. А также Московские князья и цари именовались государями "Владимирскими и Московскими". Следовательно, основой-фундаментом считался г. Владимир, как родоначальник Московии-Российской империи-СССР.

Историк Делямар говорит: "Великороссы или Московиты, основатели Русской империи, не принадлежат к семье Славян ни по этнографическому происхождению, ни по традиции их истории. Это ошибка, чтобы начинать историю этой империи в Великом Новгороде или в Киеве с момента завоевания германом

Рюриком и его наследниками в IX и X в.в.и они основательно выявляют раздельность истории Московии от истории княжества Киевского.Эти два государства существовали отдельно друг от друга в течении многих веков".Это утверждение Делямара подтверждают историки Душинский и Викнелъ.

Согласно исторических данных эти два государства Московское и Киевское находились на протяжении веков в смертельной вражде между собой.Так, например, в 1169 году князь Андрей Боголюбский со своей дружиной из Боголюбова, так разграбил и даже сжег Киев, как его не разорили в 1240 году Монголы-Татары.Боголюбский рвал всякие связи с либерализмом Киева, подготавливая рабовладельчество Московского княжества, которое и осуществил князь Иван Калита, прозванный по своему денежному мешку"Калитой", который наполнялся поголовным грабежом населения финских и тюрских племен, вошедших в рабскую орбиту Московии.

Следовательно, начиная с Андрея Боголюбского, убитого народом в 1176 году, его последователи совершенно порвали всякие сношения с Киевом и если за последним еще чудился миф о"Руси", то он абсолютно исчез и ни в коем случае не мог преимущественно быть перенесен на Московию.И если кто из историков называл"Московская Русь", то это было ни что иное, как грубый вымысел-самозванщина.

Как известно, конгломерат племен Московии тюрско-финского происхождения, Петром 1-м был назван"Великороссией", а вся империя"Россией".Это понятие Петр 1 вколачивал дубиной в головы поработанных племен.Но какой или чьей логикой он руководился, не будучи образованным человеком и какими силлогизмами обосновывал имена"Великороссия"и"Россия"-известно только Аллаху.

"Великороссия"состоит из двух имен:велико-прилагательное имя и оно по существу правдивое, т.к.жителей Московии было больше всего количественно, нежели других народов соседей, но имя существительное"Росс"-украденное, самозванное от"россов"Малой Азии, которых в Московии не было и они никакого отношения к ней не имели.

Такое же измышление произошло с прилагательным именем"русский".На чем оно зиждется, где его основа, где корень его происхождения?Также ведомо только Аллаху, да выдумщикам химер-историкам Московии.Этнического племени"русского народа"никогда не было.

Из всех правителей России оказался более правдивым Сталин.Великий деспот и непревзойденный убийца, даже Калигулой, мечтавший только о том, что если бы человечество имело одну голову, чтобы срубить ее.Этот гробкопатель зарыл ту ложь, как свая существовала сотни лет на просторах Восточной Европы.Сталин выбросил имена"Великороссия-Россия", а заменил вполне правдиво"СССР"-**"Союз советских социалистических республик"**.Также выбросил, как ложную химеру слово"русский народ", заменив словом"советский народ".И вся Московия радостно приняла это наименование и, забыв все убийства Сталина, наградила его титулом"Великий"и"Отец народа".И это не миф, а факт истории.

В 1240 году войско Батая разгромило Киевское государство, уничтоживши, главным образом, "руссов".Остался ли какой-либо от этого племени корешок или совершенно завил"в лузи та же й при березі", но с этого времени совершенно логически должно исчезнуть имя"Киевская Русь", тем более, что впоследствии возродившаяся из многих племен Украинская нация, никакой "русскости"на ее территории не признает и даже протестует.

Таким образом, мыльные пузыри о"Руси, Великороссии и России", безнадежно лопнули.И, казалось, великое не только стало смешным, но и позорным.

БРОДНИКИ.

Летописец Никита Акоминат говорит о Бродниках, которые занимали пространство междуречья р. Донца и Дона, а также по р. Хопру и р. Медведице, что "Бродники презирают смерть"/как это похоже на казаков/, что "воевода их Плеския целовал Крест"/значит был христианин/.

Папа Иннокентий в 1254 году говорит так, поясняя своему секретарю: "от Венгрии расположена Киевская Русь, затем - Кумания/Половцы/, и восточнее Бродия вплоть до Булгар на Волге".

Летопись под 1247 годом говорит: "придоша к нему к Святославу Ольговичу Бродницы и Половцы к нему мнози. Тут же и Бродницы были старше и всевода их Плеския и той окаянный целова Крест ко князю Мстиславу и обем князем, яко их не избити, а пустити их искупе и солгав окаянный предства их связав татарам".

Здесь напоминает факт участия Плескини, как делегата от Татар на мирные переговоры с князьями. Делегация, как знаем, не имела успеха, а в жизни и смерти шести князей Плеския уже не имел власти. Татары же казнили этих князей, мстя за убийство шести татарских посланцев.

Бродники упоминаются в Ипатьевской/1147/, в Воскресенской/1216/ и Лаврентьевской/1223/ летописях.

Профессор Голубевский писал: "Бродники есть община, выработавшаяся из остатков Придонского оседлого населения, под влиянием исторических и этнографических условий, в которых оно было поставлено и представляющее собой прототип казачества".

Археолог С.А. Плетнева/М.И.А. 62, стр. 172/ пишет: "между Доном и Хопром городки Бродников, вероятно, это население преимущественно обитало в Донецких городках, захваченных и разоренных Печенегами еще в IX веке и постепенно возрожденных впоследствии. Такие указания дает археология". А затем продолжает: "из Бродников в XII и начале XIII в.в. составлялись целые отряды. Они участвовали в Липецкой/1216/ и Калкинской/1223/ битвах. В науке неоднократно высказывалось мнение о том, что Бродники - это предки Казаков. Казаки часто хоронили воина с конем. Похороненный в Таганче воин с булавой был, вероятно, Кошевым одного из Броднических отрядов, положенных с атрибутом его власти - булавой".

Проф. М.А. Миллер это дополняет тем, что булавы известны, главным образом, с Нижнего Дона/"Дон и Приазовье в древности" ч. 1, стр. 129/

Для разяснения наименования "Бродники", нужно сказать, что оно навязано другими, а главным образом, Половцами, захватившими весь Донской бассейн и как бы разделившие единство Казачьего Народа. Одна часть была оттеснена вновь на Северный Кавказ, а другая в бассейн р. Донца и среднего Дона до Волги, получившая свое нарицательное имя "Бродник", от глагола "бродить" или охранять "броды" рек.

А посему скажем, что Казачий народ каким бы то не было мукам и страданиям не подвергался, на протяжении многих и многих веков, имел много названий от других народов. Называли по месту жительства, по рекам, называли танаитами, касогами, касарами, казаками, черкасами, татарами, урусами, а повинуясь Московии даже "беглыми русскими холопами".

Нельзя запретить любителям химер наделять чужие народы своими прозвищами. Но историческая наука, как таковая, а не псевдонаука требует определенное от народа имя. Для наших предков историческим именем от глубокой древности служило и служит имя нашего народа - КАЗАКИИИ к этому священному племенному имени Казаки возвращались постоянно, сметая со своих одежд пыль времен, пристававшая на их скорбном пути.

ЕЩЕ О ТАТАРАХ.

Из груд исписанной бумаги историками Московии, весьма трудно отыскать обективное мнение о Татарах, их быте, веровании, просвещения, занятий. Единственно что можно понять из написанного, что это было: "Татарское иго",

которое, якобы, в последующих пяти веках оставило в "русском народе" следы отсталости в культуре и духовном развитии. Так ли это?

По имеющимся историческим данным, коими мы располагаем, нам известно, что Чингис-Хан явился для Монголов чем то, вроде Пророка. Он, однако, не держался никакого вероисповедывания и был строго веротерпим, искренне уважая другие религии. Свои законы "Тунджин" или книга Запретов, он объявил на Курултае/Сенат/в 1206 году и они были обязательными для всех его преемников и почитателей, как: Ведами, Евангелие, Коран. Нарушение строго каралось.

Хана, неисполняющего закон и хулящего другую веру, арестовывали и держали в тюрьме всю жизнь. Поэтому преемники покровительствовали всем религиям. Например, император/хан/Мангу любил слушать споры проповедников разных вер, но когда посетивший его Рубрикус начал говорить настоятельнее о своей вере, то Мангу ответил: "Все люди обожают одного и того же Бога, и всякому свобода обожать его, как угодно. Благоедания же Божии равно на всех изливаются, заставляют каждого из них думать, будто его вера лучше других".

Возможны ли такие высоко философские мысли были не только у современниках Мангу, князьях Московии, но даже в эпоху Алексея "Тишайшего" и зверя-патриарха Никона за свободолюбие Веры-резали, сжигали, губили, душили, ссылали на вечную каторгу в Сибирь миллионы староверов.

О Хане Узбеке летопись говорит: "Узбек войде в богомерскую веру Срачинскую/Воскрес. Летопись II, 281/" и дальше: "сяде царь Азбек на царство и обесерменился". Это дает повод Карамзину иронизировать: "вот вам и Узбек Славный, в летописях Востока ревностью в вере магометанской". Так ли это?

Узбек был женат на Христианке-дочери императора Андроника Младшего. Этот Узбек, что видно из сочинений Ибн-Батуты, покровительствовал христианам: в г. Кафе позволяет католическому монаху Ионе Валенсу обращать в христианство Ясов и др. народы по берегам Черного моря. И этот же Азбек выдает родную сестру свою Кончаку замуж за князя Георгия Даниловича Московского и позволяет сестре креститься.

Вследствие покровительства духовным всех вероисповеданий, которое было предписано Чингис-Ханом, потомки его оказывали большое уважение и духовенству Московии, ибо за хулу на веру грозила смерть.

Где же во всех перечисленных летописях виден иступленный фанатизм магометанских Татар, о которых так зло говорят невежественные, того времени, "русские" историки?

В понятиях ханов Золотой Орды было, что все религии не что иное, как видоизменение поклонения одному и тому же Высочайшему существу, что каждая религия имеет свою хорошую сторону, но ни одна не соединяет всех, а поэтому умный человек может в одно и тоже время исповедывать все веры и не держаться ни одной исключительно, и только тогда, избрав все то, что имеется хорошего в каждой религии, может выкристаллизироваться единая общечеловеческая религия.

Летописи московитов отрицают веротерпимость ханов, а за этими невежественными летописями идут и московские историки. Прецедентом этому служила казнь в Орде князя Романа Ольговича Рязанского. Он погиб не за то, что был христианином, а за то, что дерзко хулил веру магометанскую, а за хулу по закону Чингис-Хана-смерть. Да вдобавок известно, что Хан Мангу-Темир, при котором произошла казнь Романа, не был даже мусульманином; следовательно, он действовал вовсе не из чувства мусульманского фанатизма, а исполнял строго Закон Чингис-Хана.

Но, по понятию московитов, умереть ругая мусульманскую веру, значило умереть за твердость христианства, которое и было по существу лицемерное.

Старейший из ярлыков, даваемых ханами московскому духовенству, Мангу-Темиров начинается так: "Бесомертного Бога силою". А Узбека: "Всевышнего и бессмертного Бога силою и величеством и милостью Его многою". Ярлыки о милостях к духовенству писались не только ханами, но и женами их. До

нас дошли три ярлыка Ханши Тайдулы, жены Джанебека к митрополитам: Феогносту, Алексею и Ионе.

Не только на "Руси", но и в Европе, привыкли думать, что женщины у всех азиатских народов не только не принимают никакого участия в правлении, но не имеют даже гражданских прав. Это - ложное понятие. Всегда и у всех азиатских народов женщины иногда имели огромное влияние на правление и даже занимали престолы, как например, Алунг-Гоа.

Женщина стояла во мнении Монголов высоко и была равна мужчине. Занимала престол до совершеннолетия сына и мать Чингис-Хана - Улун. Женщины участвовали в Курултае/Сенат/ в особо важных обстоятельствах: избрание нового императора или военных действий.

Впредь до избрания нового, правительницей народа оставалась вдова умершего Хана. Например, мать Мангу и других сыновей, Сюркуктоня управляла многочисленными поколениями, доставшимся в их удел/улус/ с редким благоразумием и приобрела большое уважение Батия и других князей крови.

Точно также было и в Китае. Постоянным правилом, что по кончине императора власть переходила к жене усопшего. В Персии - тоже. А на "Св. Руси" существовал веками рабский "Домострой".

Например, Батий, а также Узбек, в торжественных аудициях сажали своих жен на трон и когда жена входила, то Хан вставал, брал ее за руку и сажал на трон вместе с собой.

Было ли это на "Св. Руси?"

Что же представляли собой ханские ярлыки/указы по современному/? Выражали ли они известную культурность народа завоевателя или же их смысл и содержание были подобны действиям блистательного Гуннского бандита Атиллы или его последователю в грабежах и убийствах Святослава Киевского и до Петра 1-го включительно?

Первый ярлык.

"А се ярлык Азбека царя-Петру митрополиту всея Руси чудотворцу: Вышего и бессмертного Бога силою и волею и владычеством и милостью его многою Азбеково слово: Всем нашим князем, великим и средним и нижним, и сильным воеводам и вельможам и князем удельным и Дорогам Славным и Польским князем высоким уставодержателям и учительным людским, повестникам и сбирателям и баскакам и послом нашим и по всем нашим странам, улусам, где наша Бога бессмертного силою власть держать и слово наше владеет. Да никто не обидит на Руси соборную церковь митрополита Петра и его людей и церковных его, да никто не взимает ни стяжаний, ни людей. А знает Петр митрополит правду и право судить и управлять люди своя и в разбое и в поличном и в татьбе и во всех делах ведает сам. Петр митрополит един или кому прикажет. Да вся покорятся и повинуются митрополиту, вся его церковные причты по первым изначала законам их. Да не вступаются в церковное и митрополичье никто же занеже то Божие все суть, а кто вступится, а наш ярлык и наше слово преслушает тот есть Богу повинен, и гнев на себя от него примет, а от нас казнь ему будет смертная".

Пошло ли Московское духовенство по пути, указанному великими ханами быть соборной церкви самостоятельной, отдельной от государства и таким образом вести массы народа к духовному развитию, исполняя Божеские Законы? Нет! Духовенство оказалось чисто полицейским отделом Московской государственной власти, держать в повиновении народ силою, а не духовным увещанием. Духовенство было своего рода жандармами в рясах.

Чтобы не быть голословным, я приведу яркий пример служения духовенством не Богу, а мамоне, и не во времена "ига", а в более "просвещенное время" - эпохи Екатерины II, да еще названной - "великой".

В книге "Вокруг трона", помещена статья князя П. В. Долгорукова, в которой этот авторитетный автор писал: "Все крепостные были превращены в холопов, владельцы их стали продавать подушно. Эта продажа людей была узаконена при Анне Ивановне. То, что терпели крестьяне и дворовые, было невообразимо."

Дворянин, помещик, которому могли отрезать язык, уши, вырвать ноздри, не стеснялся разумеется с людьми. Нравственного чувства не существовало вовсе, а пример, подаваемый Правительством развращал еще более. Долготерпение и страдания то, что в древности называлось стоицизмом, лежит в характере русского человека.

Долгие преследования и постоянная борьба за Веру воспитала в старообрядцах чувство гражданского мужества, самообладание и здравый смысл. Они поняли, что деньги-сила и что без них нет Свободы и это сделало их трудолюбивыми, расчетливыми и воздержанными. Чтобы уметь вести споры с православием Никона, поразить его знаниями Св. Писания-старообрядцы стремились быть грамотными. Наряду с этим жило невежественное православное духовенство, большая часть которого было безграмотное, не знало хорошенько даже службы; обедню служило как попало, путая и перевирая молитвы.

Суеверное, пьяное оно не было в состоянии бороться с староверами словом и убеждением, и поэтому прибегало к полицейской силе. Архимандриты секли монахов, митрополиты пороли священников и архимандритов. Правительство не останавливалось перед ссылкой, пыткой и наказанием кнутом епископов. Это был батальон в рясах. Духовенство, особенно черное, владело огромными имуществами. Монастырям принадлежало более 900.000 дут.

Если причислить сюда еще мельницы, заливные дуга, огромные леса-цифра получится громадная. Монахи жили в довольстве и изобилии: ели жирно, копилки и богатели. Настоятели плавали в роскоши; некоторые носили на башмаках бриллиантовые пряжки.

Права духовенства были дики. В стране, где князья, графы и даже кавалерственные дамы могли быть наказаны кнутом-духовенство было подчинено общему правилу. Не говоря о "Тайной Канцелярии" и ее пытках, простой донос подвергал священника и монаха самому постыдному унижению по произволу епископа или архимандрита. Часто священника, еще не успевшего дослужить обедню и совершить таинство Св. Причастия, тащили на конюшню и секли нещадно. Такое положение стало причиной полного развращения духовенства. Священники, диаконы и дьячки часто уходили в разбойничьи шайки.

Священники венчали кого угодно за целковый или ведро водки, и двоеженство и троеженство были довольно обычным явлением. Одни взятки лишь могли оградить от произвола духовенства и правительства. Сверху давило рабство, снизу царил обман, мшеничество совмещалось с самым высоким положением.

Жизнь помещиков была растлительная, тупая, беспросветная. Невежество было набообразимое. Осенью и зимой-охота; круглый год-водка; ни книг, ни газет.

Мой дед раз заехал в петербургскую дачу к княгине Голицыной, жене фельдмаршала, личного друга Екатерины II.

"Ах, князь, как я рада Вам, дождь, гулять нельзя, мужа нет, я умираю от скуки и собиралась уже, для развлечения, идти на конюшню-пороть моих калмыков". Комментарии не требуются.-все ясно откуда шло "Иго".

Истории Московии настолько были не любознательны, что даже до сих пор не знают, где была столица хана Татарского "Сарай". Говорилось: на Волге, а где именно, ибо Волга великая река-неизвестно. Сарай был построен на левом берегу Волги, между ней и Атубой, на острове как бы.

Самым цветущим периодом столицы Сарая было время правления "прекрасного" Узбекска и его сына Джанебека, начала XIII века, когда Орда была сильна внутри и грозна вне.

Африканский путешественник Иби-Батута посещал Сарай лично и оставил следующие драгоценные строки: "город Сарай есть один из лучших и величайших городов. Расположен на равнине, чрезвычайно много людей; имеет прекрасные рынки и широкие улицы.

Раз, с одним из князей здешних, отправились мы обезд вокруг Города, чтобы составить себе понятие о занимаемом им пространстве. Жилища наши находились на одной из оконечностей его. До противоположной мы добрались только после полудня. Совершив там полуденную молитву и поевши, мы возв-

ратились опять в наше жилище не ранее, как на закате Солнца. Таким образом, проехали мы целый день и все это по многолюдным и обстроенным местам, не встретив на пути ни пустыря, ни виноградников. Здесь есть тринадцать одних соборных мечетей, в которых моление производится только по пятницам. Жители состоят из разных наций. Есть потомки туземцев и царей, некоторые из них мусульмане из кипчака, руссы, греки-христиане. Каждая нация живет отдельным лагерем, в которых имеются рынки. Купцы и иностранцы из Вавилона, Ирака, Египта, Сирии и других стран-живут в месте, обведенном стеною для безопасности товаров. Тут же и дворец султанский, называемый Аттуко-Таша/аттука-золото, а таша-голова/. Сарай был убежищем науки и благополучия. Были ученые богословы, живописцы, поэты, инженеры, - сколько нигде и никогда еще не собирались в одном месте".

И этот светуший город науки и искусства, как светлый метеор, подобно Хозарскому Итилю, погас от междоусобной войны претендентов на власть в 1395 году.

Как раньше в Хозарской державе, так и Золотой Орде, "Казакия" уже являлась постоянным пограничным войском на Юге, прикрывавшим столицу Сарай со стороны Закавказья. Казакия послужила образцом для создания и введения Донских Казаков, как особого Органа Золотой Орды, давши тип особого легкого конного войска. Великие ханы придавали большое значение населению Донских казаков, предоставив ему заниматься земледелием и рыболовством, с выборной властью на местах, что видно из того, что заботами Хана Берке в 1261 году для Донских казаков-ревнителей Христианской Веры, была учреждена отдельная Подонская епархия.

Военная служба Донских казаков состояла в посылке станиц, содержание караулов по Донцу, Дону, Копру, Медведице, охрана бродов, сопровождение судов и послов. Казаки участвовали и в походах.

Батута перечисляя народы в Сарая, сделал ошибку. Никаких там "руссов" не было, ибо они поголовно были очищены от своего присутствия в Приазовьи и Приволжьи еще при нашествии Половцев. Батута смешал казаков с руссами.

Жизнь казаков постепенно шла к цветущему благосостоянию. В степи водились золоторогие туры, табуны лошадей; в плавнях водились лоси, олени, рысь, дикие кабаны, медведи, трудолюбивые бобры, миллиарды пчел по лесам, которые несли от цветущих полей запасы душистого меда-и всему этому безбедному существованию по воле Рока и по политической неграмотности самих казаков, настала жуткая эпоха.

Московские правители всегда мечтали освободиться от Татарского владычества, но сил для этого было мало, и они всячески заискивали перед Донскими и Днепровскими казаками. Что же представляла из себя в то время Московия?

СИЛА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Во время пребывания Московского государства в составе Золотой Орды, северо-восточные княжества были свободны от поставки войск/им не доверяли/и во внешних войнах они не участвовали. Княжества платили дань и давали, таким образом, средства Орде.

Освобождение от участия во внешних войнах в продолжении двух столетий, способствовало широкому приросту населения, но привело его к вырождению в людях военно-дружинной системы и упадку военного дела. Московский южный рубеж от Волги до Днепра, проходил южнее р. Оки, всего в 120 перстах от Москвы, был не укреплен. Постоянного войска в государстве не было. На случай войны войско должно было создаваться сбором ополчения от городов, и главным образом из сельско-крестьянского населения. Поместное дворянство обязывалось выходить на войну "людным, конным и оружным" со своими рабами.

Войско это было слабо еще и потому, что установление крепостной зависимости, обращение крестьянского населения в собственность помещиков, согласно основным законов государства, а повсе не следствием "татарского ига".

установление рабства было главным злом и главной причиной слабости государства. Крестьянин не знал за что он должен умирать. Управление и командование было никуда негодным, не проходя военных курсов, сельско-хозяйственное и промышленное развитие государства было несостоятельным и не могло обеспечивать военной мощи, даже для военной безопасности его. Внутренняя политика шла по пути превращения населения в холопов и рабов. Рабы же ни хорошими земледельцами, ни хорошими гражданами, а тем более воинами никогда и нигде не были.

При таких обстоятельствах, замыслы московских правителей об освобождении от татар были просто мечтой, а чтобы эту мечту превратить в жизнь, взоры правителей обращались в сторону Казачьего народа, который, войдя в Золотую Орду на федеративных началах, приходил в состояние материального и морального благоденствия, в котором он и пребывал.

Мечты Москвы подогревались тем обстоятельством, что в середине XIV века среди татар возникла борьба за ханский престол, что ослабило престиж ханской власти. К этому же времени Татары принимают Ислам, и в среде татарских масс стал проявляться мусульманский фанатизм и некоторая нетерпимость к христианам.

Это тоже ослабляло ханскую власть, якобы забытую традицию строгой веротерпимости Чингис-Хана. Этим тоже воспользовалась Москва по отношению к Казачьему народу - ревнителю и оберегателю Христианства, и желая видеть казаков как политических союзников, стала действовать на религиозные чувства Донцов, преуспевая на том, что де Москвитин и Казаки имеют одну и ту же Веру.

В те времена Казачий народ не допускал и мысли, что Вера то Москвитов лицемерная-изуверская. И прошло много времени, чтобы казаки в этом убедились при царях Алексее, Петре, Екатерине, когда полились потоки казачьей крови за истинную Православную Апостольскую Веру Христианскую.

Так или иначе, но грозный призрак Рока уже тяготел над Казачьим Народом.

ВЕЛИКИЙ ИСХОД КАЗАЧЬЕГО НАРОДА.

В 1380 году наместник Хана Золотой Орды Мамай, за неуплату дани Москвой, повел наступление. К этому моменту уже было предварительное тайное соглашение действовать против татар совместно Москве и казакам.

Во главе казаков появился Семен Мелик, национальность которого точно не выяснена: был ли он казак или татарин, ибо среди придворных Мамаю, был видный мурза Орду-Мелик. Но Семен Мелик командовал пограничной стражей казаков со стороны Татар, которые вполне доверяли казакам, заключивши еще при Батые федеративный договор. Что толкнуло Семена Мелика на объединение сил Казачьих с московской дружиной князя Дмитрия? Или ущемляемая Вера христианства или предвидение некоторого почета в Москве, при дворе князя, но союз состоялся.

Семен Мелик, судя по обстановке сражения на Куликовом поле, был близок к штабу Мамаю, ибо он отлично знал диспозицию татарских войск и, по его указаниям вообще, нерешительный князь Дмитрий перешел на левую сторону Дона и занял исходное для сражения положение, имея на правом фланге изрытую балками местность, а на левом - лес, препятствующие конному бою. Перед фронтом же была почти ровная равнина.

Мамай, несмотря на невыгодность местности, повел атаку в лоб, и скоро прорвал фронт Московских войск. Где был в этот момент кн. Дмитрий - неизвестно; уже после сражения его нашли под кустом от страха, во всяком случае он ранен не был.

В этот трагический момент, когда Московская рать побежала, в перспективе быть потопленной в Дону, находящаяся на левом фланге, в лесу, конница, под общей командой Днепровского казака Боброка и конница Мелика ударили всей массой в правое крыло армии Мамаю, охватывая ее и с тыла. Татары дрогнули и побежали. Боброк преследовал татар на протяжении 50 верст. Московские историки называют как Боброка, так и Мелика "воеводами", но таких пос-

тов в Московской армии они не занимали. Мелик был убит в бою, а Боброк остался жив, заслужил большой почет в Москве и женился на сестре кн. Дмитрия, названного "Донским".

Ему Донские казаки преподнесли две иконы Донской и Гребеневской Богоматери, которые считались последующими в Москве князьями и царями чудотворными и, в случаях тяжелых войн Икона Донской Богоматери шла с армией в поход.

Мамай же, отступая вдоль Дона, за нарушение договора казаками с татарами, подверг казачьи поселения огню и грабежу. Это была первая наука нашим предкам, как невыгодно нарушать свое честное слово, которое в веках было нерушимо.

В это время появился новый претендент на престол Золотой Орды и имеющий на то законное право, т.к. он был потомок Чингис-Хана, - имя его Тохтамыш. А Мамай был только наместник. В 1382 году Тохтамыш из-за Яика, с сильной "синей" ордой, состоящей из киргизов и средне-азиатских казаков, нагрянул внезапно и разбил Мамай, который бежал в Азов, где и был убит казачьей пограничной стражей, состоящей в распоряжении Генуэзцев, имевших торговую факторию в Азове, тогда еще именовавшимся "Азак", где уже и чеканились монеты для Тохтамыша.

В 1382 году Тохтамыш захватил Москву и сжег ее. Кн. Дмитрий поспешно бежал на Север, бросив на произвол судьбы своего союзника - Казачий народ. Это был второй урок для казаков о нарушении договора. Вслед за этим появился третий претендент на престол Тимур, прозванный Тамерланом, имевший кличку "железный хромец". Это был гениальный полководец, но не принц крови, завоевавший богатый Туркестан. Сражение между Тохтамышем и Тамерланом произошло на Тереке, где Тохтамыш понес полное поражение и стал отступать за Волгу, покинув даже столицу Сарай, которая и была разграблена Тамерланом и сожжена до тла и разрушена.

Тохтамыш отступая, захватил с собой и большую часть Донских казаков. Появление казаков среди киргизов, было для последних чрезвычайно лестным и благожелательным. Они сразу же усвоили быт и традиции казаков и вся Киргизская Орда стала называться: "Киргиз-Казачкой", а киргизы - "киргиз-казаками", и даже "казаками".

Тамерлан покончив с Сараем, двинулся в направлении на Москву, дошел до г. Ельца, но получив тревожные вести из Туркестана, быстро пошел в сторону своих владений. За то, что часть казаков была у Тохтамыша, Тамерлан совершенно опустошил поселения казаков на Дону. Находясь на Северном Кавказе и черкасы, при его приближении, сожгли все пастбища. Конница Тамерлана, по случаю голода лошадей, превратилась в пехоту. И Тамерлан отдал приказ предавать огню и мечу поселения "казаков разбойников". Не пощадил он и тех, что были еще в старых границах Казачьи, в междуречьи Куры и Аракса. Но все же не всех уничтожил и, даже теперь существует там памятник древних казаков, около озера "Сеана", под названием: "Савакх" - Казакх, в виде небольшого города.

Это был третий урок, как доверять "православию" Московских царей и вообще Московским правителям.

После трех разгромов, никаких городов и поселений на Дону, до самого устья, не было, а лишь свежие развалины и пепелища от них, да белые кости стариков, казачек и детей. Настала жуткая трагическая для казаков, пора долгого лихолетья, за нарушение договора с татарами.

Поняли это казаки, но было уже поздно. Особенно жуткая сиротливая доля выпала женам казачкам с детьми. Им пришлось скрываться в глухих дебрях лесов по Казачьим рекам, в оврагах, в трущебах, чтобы не стать жертвами татарских налетчиков, теперь забывших Закон Чингис-Хана.

Казачка всегда чистая, опрятная, красивая и гордая, привлекала своим природным изяществом взоры плотоядных вонючих от конского пота татар. Завладеть казачкой-христианкой, считалось верхом блаженства. Поэтому Казачка никогда не расставалась со своим кинжалом. В борьбе с одиночным татар-

ном неповоротливым, с короткой волчиной шеей и станом обрубком, ловкая, сильная, гибкая казачка часто выходила победительницей. Когда конный татарин накидывал на шею аркан, она ловко его перерезала кинжалом, когда же татарин слезал с коня и обезумевший от страсти, теряя самообладание, бросался на казачку, то она гибкая увертывалась от рук татарина и, пользуясь его неповоротливостью, вонзала кинжал в его спину.

Но когда же нападала шайка насильников на гордую казачку, то видя свою беспомощность, она вонзала в свое сердце кинжал. Так и рисуется этот прекрасный образ на душистых травах и пышных цветах родной Донской Земли-героиня Казачка с кинжалом в груди...

Протекали века. Все к счастью стремилось, все в Мире по несколько раз изменилось, но не изменилась лишь доля Казачки. По преданиям известно, что жуткую тоску и грусть Казачки в дебрях лесов, понимал зверь-медведь: он никогда не нападал на оставшихся стариков, казачек и детей, видя от них только добро. Он подходил к казачке, брал из ее ласковых рук кусок сота меда/благо, что его было много в лесах/и затем обласканный, уходил в свое берлогу. Когда же он слышал крик детей казачки, то быстро выскакивал из своего стана и бросался на татарина с опасностью для своей жизни. Также относился медведь и к "руссаку", с его рогатиной.

Итак, произошёл "великий Исход казаков" в разных направлениях. Удержались казаки в верховьях рек Хопра и Медведицы, в северной части древней области Червленого Яра; остался в целости г. Дубок, после перенесенный на р. Волгу; город Броднич-город казаков "бродников", гор. Урюпинск, г. Красный Яр, близ слияния р. Терсы с р. Медведицей, существовал он до начала даже XVIII века, когда после Булавинского восстания был разрушен до основания блистательным бандитом Петром I-м Диким. Не существовало на Дону поселений на протяжении XV в., потому что между р. р. Донцом и Доном, у "переволоки"/с Волгой/, получившей название "Дикого Поля", стало местом постоянных столкновений и походов Татар против Литовского государства на запад. Поэтому, казаки в Подонье вернуться не могли. В большом количестве казаки остались лишь в низовьях Дона. После ухода Тамерлана, г. Азов и торговля в нем были восстановлены Генуезцами, при помощи казаков в 1417 году. Жили казаки в Азове и на ближайших островах Дона, образуемых главным руслом, рукавом его и р. Аксаем и низовьем р. Маныча. Казаки начали называться "Азовскими Казаками". Часть казаков передвинулась в Крым и составили охрану Генуезских крепостей. Сила и значение Азовских казаков в Азове видны из восстановления разрушенных Тамерланом православных храмов, во имя Св. Николая Чудотворца и Св. Иоанна Крестителя, считавшихся покровителями Донских казаков. Сам город, как и в древние времена получил название "Азак и Казак". Под этим названием и обозначался на иностранных картах конца XV и начала XVI в. в. При превращении Турцией Азова в крепость, казаки были вытеснены Турками вместе с Генуезцами, как враждебный элемент. /Справка: переименование г. Азак было совершено Половцами, во имя их хана Азуф/.

Тогда Азовские казаки ушли в низовье Днепра, а затем, по приглашению царя Василия III в 1517 году, составили охрану рубежа и городов: Ново-Северского, Путивля, Рыльска и Стародуба. По Северной области казаки стали называться "Северяками".

После "великого Исхода" с Дона, большая часть казаков ушла к Северо-Востоку. Часть их осталась у пос. Городец на Волге, между Московским и Казанским царствами. Другая часть двигалась дальше, обходя Московию с Востока, оказались казаки даже в Сибири, а затем в вотчине Соловецка монастыря. Туда тянуло казаков потому, что Соловецкий монастырь был основан трудами: Зосимы-Новгородца и Савватия-Донца. Оказались казаки и в республике "Великого Новгорода".

Московская летопись впервые, после Куликовской битвы, вспоминает казаков в 1444 году, когда князя двинули войско против хана Мустафы Казанского, то на помощь им пришли Городецкие казаки с мордовскими лыжами".

Историк Татищев тоже о этом говорит, но называет казаков "Мещерскими". Историк же И.П.Буданов утверждает, что в 1444 году пришли на помощь Рязанской княгине Агриппине-сестре Ивана III казаки и с Урала на лыжах и, объединившись с мордвой, отбили татар от Рязанских уделов. Здесь казаки, уже на чужбине, возобновили свое сотрудничество с Московией. Вскоре Казаки начали включаться в московскую жизнь, на ролях военно-служилых поселений за жалованье, будучи самостоятельными во внутренней жизни.

Казачий историк В.Д.Сухоруков перечисляет таковых по городам: Пронск, Рязань, Козлов, Лебедянь, Епифань, Сапожков, Михайлов, Воронеж, Елец, Ливны, Чернявск, Донсков, Чернь, Новосиль.

В 1468 году были Казаки в Москве. Действительно в этом году, по летописи, великий князь послал "С Москвы к Галичу Руна с казаки". Значит, между 1444 и 1468 г.г. казаки договорились о службе с Московским князем. Были казаки также от Волги до Камы. Леса по Каме, Вычегде и Северной Двине притягивали их изобилием пушных зверей. Казаки там оставались долго до общего Казачьего "Сигнала": Казаки дружно в поход собирайтесь... "Вообще-то Казаки разместились непрерывной почти полосой на северных границах "Дикого Поля". На Юг от них лежала широкая родная Степь. Она манила своего Хозяина и днем и ночью в сновидениях, оставаясь сиротой и как-бы в порывах теплых Южных ветров слышался Ее призыв и Ее ароматное от цветов благоухание. И некоторые Казаки в тоске и грусти по оставленным родным могилам с опасностью для жизни, проникали вглубь "Дикого Поля", заросшего высокими травами, где в диком состоянии бродили стада скота, лошадей и всякой дичи и зверья.

Часть казаков Приазовья оказалась в пределах Черкасии на Северном Кавказе, о чем вспоминает историк Болтин, когда по его словам, один татарский баскак пригласил из Пятигорья казаков на службу. А историк Татищев пишет о Пятигорцах "храбрых людях одного языка с "русскими", обитавших в его время на старых "Киммерийских местах". Поселения Гребенских казаков находились вблизи Пятигорья, как записал А.И.Ригельман. Часть Азовских казаков оказалась даже на р.Пруте и, по распоряжению короля Польско-Литовского Ольгерда, им было разрешено поселиться в пределах Полтавщины и Черниговщины.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КАЗАКОВ НА РОДНЫЕ ПЕПЕЛИЩА.

Донские казаки в конце XV века посещали "Дикое Поле" и даже Подонье "для оберегания", как тогда говорилось, а также и при выполнении сторожевой разведывательной службы по охране Московского и Рязанского рубежей.

К этому времени Золотая Орда как монолитное целое, вследствие междоусобий, распалась на три отдельные части: Казанское, Крымское и Астраханское /Ногайское/ царства. Но каждое царство в отдельности, даже представляло еще грозную силу для Московских правителей, почему они всячески старались удержать казаков у себя на службе по охране своих границ, т.к. часть Казаков стала спускаться в междуречье Волги и Дона и, оседать у р.Камышинки, у т.наз. "Переволоке" /это самое узкое место между Доном и Волгой, по которому казаки перевозили свои лодки/.

К этому моменту, туда же, прибыли Новгородские эмигранты, после разгрома Новгорода царем Иваном III. Эмиграция эта была невелика своей численностью, но сильна своим духом, прочно сложившейся идеологией и психологией, своим социальным устройством, абсолютно схожим с народоправством Донских казаков, людей сильно воли и характера. И поэтому эти две группы быстро объединились в единую социально-политическую силу. Существовала песня: "Как на речке да на Камышенке собирались добрые молодцы да всё Донские Казаки со Новгородцами. Они собирались и как братья обнимались и целовались. Хлебом солью менялись".

Этот исторический факт объединения Донцов с Новгородцами, стал известен царю Ивану III. И это привело его в бешенство, вызванное сильным опасением образования "Нового Новгорода", создания революционного очага на

Дону, распространения оттуда духа вольности и "ереси" нароправства для московского и рязанского населения и царь принимает ряд репрессивных мер: сперва в отобрании имущества казаков, ходивших в Подонье, а затем и казни казаков, а также казни семейств ушедших на Дон казаков/1502-1505 г.г./.

Здесь необходимо пояснение о той разнице в идеях и психологии, которые существовали в те времена у Татар и Московитов. Татары, основывая Золотую Орду, привлекали другие народы системой федеративного устройства на равноправных началах.

Московиты же придерживались "единой неделимой" власти царя Московского и при том на рабовладельческих началах. Это было основой государства вообще, начиная еще с Рюрика и очень подкрепленная к моменту воцарения Ивана III, в результате брака его с Византийской царевной Софией Палеолог. Вследствие же падения Константинополя/Второго Рима/и Византийской империи, под ударами Турок, была воспринята Идея о переходе преемственности от Византии к Москве, являвшейся как бы Третьим Римом, т.е. новым и последним источником Света, Правды и Мудрости, и о миссионерском предназначении. Москвы приобщить и все другие народы к этому Источнику "Св. Руси". Эта рабовладельческая идея не умирает в мозгах Московитов до сегодняшнего дня.

И как не парадоксально, но эту дикую идею воспринял и Московский народ, находящийся в рабстве многие века. Нужно сказать, что в приобщении той или иной Идеи играет колоссальную роль Привычка. Это то и есть та могущественная центроостремительная сила, при наличии которой так трудно проводить в жизнь светлые идеи о нароправстве, о равенстве и идти демократическим путем до обще-человеческого идеала. И поэтому, Москвичи по своей "Привычке", которая стала второй натурой, восприняли легко и свободно идею о самодержавности царской власти, о божественности ее установления. "Царь, Божией милостью Помазанник".

Потому все то, что исходило не от Московии, а от других народов, представлялось мраком, ересью и невежеством. Москва, восприняв "Третий Рим", отгородилась прочной стеной от культурной Западной Европы.

Славянские социальные основы: веченое устройство, выборность власти, свобода были изжиты и выброшены, как негодная "ересь".

Для проведения этих основ рабовладельчества, Иван III осуществил немедленно же в приобщении к "Третьему Риму" республики "Великого Новгорода".

Знарок Новгородской старины, академик Е. Ознобишин так обрисовывает разгром Новгорода:

"Ненависть москвичей к новгородцам заглушала в этой отрасли славян свойственное им чувство великодушия и уважение к святыне. Нашествие и покорение Новгорода сопровождалось насилиями и убийствами, напоминавшие времена Батая, которые прежде Новгород не испытал. Москвичи, привыкшие повиноваться единоличной власти своих князей и их бояр, с ужасом глядели на новгородцев, осмелившихся критически относиться к этой власти. В то время, когда тысячи Новгородцев гибли под мечами москвичей, когда тысячи пленных, отправленных в Москву, умирали от холода и голода, когда все имущество Новгородцев было разграблено и сожжено, а жены и дочери изнасилованы, монастырские волости записывались на Ивана III; в это время гибели братьев славян, народ московский ликовал в неопишемом восторге/ликует он и теперь, убивая миллионы поработенных народов, в том числе и Казаков/ и сердечно, искренне был рад тому, что строптивые князья новгородцы истреблены в корень и, что их буйное самоуправление, их вече, уничтожено и, отныне, новгородцы приближаясь к особе Московского великого князя, должны будут падать ниц перед символом власти и не иначе будут себя называть, как холопами Московского царя/прозвали и Казаков тоже "холопами"/. При гибели вече Новгородского, принимали в ней живейшее участие и старались задевать самые заветные струны Новгородского сердца".

Обрисовку свою исторических событий, академик Ознобишин заканчивает словами: "Пора уже сознать, что об, единение России сопровождалось страшной неразборчивостью средств и развращением общества".

К сожалению нужно признать, что сознание осталось прежним и, что Московское царство Ивана и до сегодняшнего дня остается идеалом государственного бытия Московии.

Как курьез считать не лишним добавить, что Иван III в 1471 году, собираясь в поход против Великого Новгорода, взял с собой икону Гребеневокой Божьей Матери, поднесенной, как сказано уже выше, Гребенскими и Донскими Казаками князю Дмитрию Донскому, долго молился перед ней. И действительно "молитва" была приведена к осуществлению: кроме всякого имущества граждан и церквей, было захвачено: 300 возов золота, перлов, драгоценных камней, серебра, богатейших риз, крестов.

"Молитву" Ивана III можно в миниатюре сравнить с молитвой акулы, жадно раскрывшей пасть перед тем, как с парохода сбрасывают труп умершего, чтобы его проглотить.

Карательные меры Ивана III по отношению к Казакам, вызвали у наших предков чувства крайнего возмущения и казаки постепенно стали уходить от пределов Московского государства. В "Третьем Риме" казакам становилось тесно и душно. При этом магнитная сила притяжения Родины-Подонья была огромна. Рассказы отцов и дедов о жизни на Тихом Дону дышали еще ароматом свежести, а сообщения казаков, посетивших Родной Край, о том приволье и огромных природных богатствах: стад туров, коней, дичи, пушных зверей, оленей, бобров, о миллиардах пчел, о рыбах, переполнивших Дон и Донец, и что это все родное наследие казаков, возбуждало сильную решительность идти во чтобы то ни стало в "отцовский Дом". Казаки, осевшие у Переволоки, стали проявлять военную активность против Астраханского царства, оттесняя Ногайцев на Юг, для очищения от них выхода в Каспийское море. По всему северу "Дикого Поля" неслись сигналы: "Домой!" Возвращение казаков приняло стихийный характер. Ничто уже не в состоянии было задержать этот поход: ни казни Ивана III, ни те опасные перспективы, каковые должны были бы встретиться на их героическом пути.

Казаки, оказавшиеся в пределах Белоруссии, не связанные никакой службой перед князьями, во главе со своим Атаманом Сары-Азман/что значит: "белый атаман"/первыми построили на Дону городок Задонск и стали постепенно спускаться по Дону. Всего "сары-азманами" было построено 7 городков до Раздоров включительно, при впадении р. Донца в Дон.

Построены были городки: Лугань, Митякин и Гундоров на Донце. О этом сохранилась грамота Ногайского хана Юсуфа, в которой он жалуется, что Сары-Азман не дает в Дону воду пить, а Михаил Черкашенин ворвался как буря в Азов и наложил на него Дань.

Последним сотрудничеством Казаков с Иваном III было то, что Астраханский хан Ахмат потребовал от Москвы дань и направил войско. Иван III обратился за помощью к казакам, те согласились, т.к. Крымские и Астраханские татары представляли угрозу не только Москве, но являлись препятствием к прочному оседанию казаков на Дону. Казачье войско двинулось к Москве, но когда пришло, то Иван III объявил казакам, что в их помощи он не нуждается, т.к. заключил мир с татарами. Тогда казаки, узнав путь отхода татар, внезапно напали на них при р. Угре и разгромили их, захватив огромную добычу. Хан Ахмет бежал в Крым, где был убит.

Иван III, заключив мир с татарами, отправил свое посольство в Крым, во главе с князьями Кубенским и Романодовским, в сопровождении воинской рати. Казаки за обман их Иваном III, напали на эту свиту, при этом князь Кубенский был убит, а Романодовский взят в плен со всей той добычей, которую везли князя в дар татарам. После этого эпизода, всякие дипломатические отношения Казаков с Москвой были прерваны.

Возвращение Азовских казаков в низовье Дона произошло в 1546 году сразу и было согласованным и организованным, что видно из тревожного донесения Путивльского воеводы в Москву об уходе казаков "в Поле" из всех украин", т.е. об уходе их из всех порубежных городов. Вернулись казаки в низовье Дона без всякого предупреждения и согласия Московского царя-

"волею своею", осели они на "Казачьем Острове", где ранее жили Азовские казаки, т.е. отцы и деды, и на нагорном берегу р. Аксая, 25-30 верст от Азова, соединившись с казаками Сары-Азмана, на Раздорском Острове.

Я обращаю внимание Потомков Казачьего народа на чрезвычайно важное обстоятельство тех времен, после разрыва всяких отношений с Иваном III и вообще с Московией, что этот стихийный отход от рубежей Московии Казаков с одной стороны, вызывал великий восторг и жертвенность движения к Родному Отцу-Тихому Дону, а с другой стороны вызвал страшную злобу Правительственного класса рабовладельцев Московии, и они этим воспользовались в дальнейшем.

Вместо благодарности казакам за спасение и охрану Московии, они выдвинули гнусную теорию о том, что никакого Казачьего народа не существовало ни в древности, ни в средние века, а что Донское Войско образовалось в 1549 году из "беглых русских холопов", даже не опровергнув утверждение своих же московских историков, во главе с Карамзиным, которые утверждали, что "происхождение казаков скрыто в глубине веков, во всяком случае ранее Батыева прихода". И мы видим, как эта псевдо-история Московии полилась смрадной волной клеветы на доблестный Казачий Народ.

Вообще то, по ходу событий Татарской оккупации, от 1240 года/разгром Киева/ до 1480 года/разгром казаками Хана Ахмета Крымского и посольства Ивана III, ни о каких побегах московских крестьян на Дон, через опасное место "Дикого Поля", где проходили войска Татар, не могло быть и речи. Это сплошной вымысел псевдо-историков Москвы. Эту ложь особенно распространили горе-историки Забелин и поляк Броневский, изменивший Польше и продавший свое перо династии, на ролях истинного холопа.

Гнусный вымысел В. Броневского, академик Ознобишин называет басней и говорит: как это можно допустить, что в такой опасный период времени, когда на Юге происходило почти непрерывное движение татар, перехватывавших людей для продажи в рабство, могли "русские" люди на большом расстоянии Южного рубежа сговориться, бежать в неведомую страну, найти оружие, составить дисциплинированное войско, установить строгий закон, карающий за преступление, иметь в своей среде умных грамотеев, умеющих писать князьям и царям, и создать стройную государственность Донской демократической республики.

Бегло-холопскую теорию об образовании Донской республики, поддерживает и профессор Сватиков в своей книге "Россия и Дон", но в более мягких выражениях, как: "выходцев из Московской Руси"/которой никогда не существовало/, которые "исконное русское начало народоправство возродили в новой жизни, в первобытных по устройству, казачьих демократиях на Дону, на Яике, Тереке и временно на Волге".

Такое ложное утверждение о "исконном русском начале народоправства", не только удивляет, но даже возмущает читателя и сводит высшее профессорское звание к уличному хроникерству. Где же, когда, начиная с 870 года, было народоправство в "Великороссии"? Там царил безрассудно гнет и рабство. Никаких свободных учреждений, где бы раздался свободный голос народа, на протяжении столетий-не было.

И спрашивается: для кого проф. Сватиков писал свою "историю"? Вероятно, для примитивных Сибирских чукчей, но не для Казаков. Впрочем, он опомнившись и, повидимому, испугавшись словом "демократиях", успокаивающе заявляет: "Все они/демократии/, в конечном счете, были поглощены великой/!/метрополией, освоены ею, утратили свой государственный характер и сохранились, как военно-служебные организации".

Этот профессор, по своей природе крепостник, временно прикинувшийся "демократом", заявляя так категорически о "освоении" демократий, совершенно не желает раскрыть глаза читателю о том, как были освоены окраины России. Казаки Дона боролись за свою вольность 400 лет, начиная борьбу с Иваном III и последующими царями. Также боролись Днепровские Казаки. Вели ожесточенную борьбу свободолюбивые горцы Кавказа: ведь одна только война с Ша

милем велась на протяжении 40 лет. Эти вопросы в душе крепостника не возникают. Он спокоен, что "великая метрополия" освоила бунтующие народы, а лилась ли кровь и слезы, - это вне самосознания "просвещенного" горе-историка. Также его внимание не останавливается на вопросе: кто же в этих демократиях был? Судя по его утверждению, в них были только казаки-бобыли, а жен, детей, коих было половина, его не беспокоит, для него это - "военная организация". Ведь, до такой тупости, кажется, не дошел бы ученик 5 класса гимназии, ознакомившись с Историей. Сватиков не свободный художник слова, он делает свою историю не в лаборатории сознания, а в кузнице, помогает молотом своим строкам преднамеренно, и не льется у него звуковые волны произведения: утомляют его преднамеренные и рассчитанные шаги. На каждой странице он насилует душу читателя, напоминая ему, чтобы он не забыл про Москву "метрополию" - повелительницу и Дон - "колонию", подчиненную.

Истинный историк служит не искусственной истории, а жизни. Истинный историк отдает предпочтение самой "богине Красоты", а не "в зеркале ее изображенью". И отмечая Казачью волюность, он как бы намекает, что она - эта волюность, воплотилась в среде "метрополии", - где по его уверению было "исконное народоправство", а о том страшном гнете людей этой "метрополией", он не говорит ни слова.

Посторонний жизни, Сватиков встает перед нами фигурой бездушной, тонко рассчитанной, как бы не унижить достоинство "метрополии" перед "колонией". Сознательное, слишком сознательное, в Сватикове царит настолько, что свою окоченелость сам замечает и, что когда историк Соловьев говорит, что Разин отлично понимал, что Дон и Россию связывает религия, то он не выдерживает и надменно говорит: "а мы скажем, что не Дон и Россия, а метрополия и колония". Он не столько историк, сколько занимается историей. В его преднамеренном "художестве", видна система кого-то вразумить и приобщить к его теории. Над всеми способностями духа преобладает разумок и сухое веяние последнего заглушают ростки живой святой простоты и Правды жизни. Его страницы, лишены стихийности прошедшей жизни, не сотворены, - они точно вышли из кузницы. Он не желает сознательно опускаться в лоно иррационального московского быта, в темные недра рабского бытия; тогда зачем и для чего заглавие, да еще с большой буквы: "Россия и Дон".

Чтобы не сказать о России - чем она жила и как сосала кровь поработенных народов, но и своих "граждан" превратившей в скотов, он говорит лишь о Доне, как его "осваивали".

Не то, чтобы у Сватикова, как и у всякого пишущего, были отдельные неудачные страницы: нет, его недостатки - роковые, и все они вытекают из его основного порока - скрыть истину и Правду безумной жизни Московии. У него очень мало таких страниц, которые представляли бы собой художественное целое, живой монолит слово: нет, вы ясно видите зияющие провалы, заполненные деревянной расеудочностью. Порой готова уже возникнуть иллюзия историчности и художества, но какой-либо грубый и неуместный мех опять ввергает нас в безотрадную пустыню. Когда, например, он говорит: "некоторые казачьи энтузиасты хотели бы одеть Адама в штаны с лампасами". Тогда, если ты - историк, не признаешь древности Казачьего народа, то надень на ноги Адама московские лапти, и тогда все будет в порядке. От этого сравнения он уклоняется и своей властью навязывает казакам то, что им внутренне не присуще, и он упорно утверждает, что казаки суть - русские люди. А русских то и в природе то не было и нет. Но в одном месте он незначай наносит себе страшное поражение, сказав: "Донские казаки - прирожденные республиканцы". Но, ведь, прирожденность рождается от той среды, где родился народ. Какая же прирожденность республиканства могла родиться в среде Московии, где существовало исконное прирожденное рабство, ставшее второй натурой.

Сватиков, давая характеристику Разину, как бы позвываясь над большим и великим Казаком "единственной личностью во всей российской истории", по завету великого Африканца А. Пушкина, свысока пишет: "Типичный демагог,

Разин проповедывал истребление всех, кто возвышался над уровнем бездомного голутвенного люда, разграбление и дележ всего имущества, он запрещал богослужение и постройку церквей, издевался над верой и Христом, ввел венчание вокруг куста"/"Россия и Дон", стр.103/.

Написав эту наглую ложь, Сватиков, вероятно, был уверен, что эту клевету примут за Правду все читатели, в том числе и казаки, ибо это писание исходит от "ученого" профессора. Исследуя основательно жизнь и действия Разина, я должен заявить, что внесенная Сватиковым характеристика основана исключительно на присущем Московитам шовинизме, но не на исторических данных. Провозглашая эту клевету, Сватиков в своем упоении "величия", не подумал, как "историк", что он опустился до ступени жалкого уличного репортера и во весь свой профессорский рост рисуется истинным демагогом, воздействуя на общественное мнение Казацкого народа, который чтит и относится к памяти бессмертного Атамана с большой душевной теплотой.

Во всей своей деятельности С. Разин нигде не разорял мирных жителей, не делил их имущества, а уничтожал лишь бояр изменников, даже воеводу князя Львова пощадил. Над Верой и Христом он не издевался, ибо он был строго веротерпим, как и все казаки, церковь которых была отдельна от государства, а кроме того Атаман С. Разин не был "помазанником" Петром 1-безбожником и глумителем над Богом и Верой.

Если Разин, перед походом в Персию обвенчал, за отсутствием священника, своего крестника не перед аналоем, а кустом, то в этом нельзя видеть хулу и издевательство над Христом-дело было походное. Да, ведь сам Христос разве он установил обряд венчания в его деталях? Этих указаний в Евангелии нет. Он только был главным свидетелем в Кане Галилейской соединения двух любящих молодых существ и только. Брак крестника также совершился в присутствии главного свидетеля Главы Казацкого походного войска Атамана С. Разина. Сватиков, в своем заскорузлом мышлении крепостника, не понимает, что обряд венчания не есть Вера и религия. Ведь нельзя же обвинять всех граждан Франции в издевательстве над Верой и Христом, установивших обряд венчания в присутствии только мера города, а не в церкви. Прошло уже три века после смерти С. Разина, но он по своему духовному кругозору, стоит выше головой современного профессора Сватикова.

Программа политическая и социальная С. Разина была ясна для каждого, что идет он истреблять бояр, дворян рабовладельцев, искоренять всякое чиновничество, установить на "Руси" - "Казацкий Присуд", чтобы всяк всякому был равен. Жители получали числовое деление на десятки, сотни, тысячи. Главным управлением должно быть Всенародное собрание/Круг/, избираемый всенародным голосованием. Это уже одно административное устройство, где верховная власть предоставлялась Кругу, указывает на то, что жизнь, имущество и личность неприкосновенны. Из этого вытекает, что "грабеж и раздел имущества" Сватикова не что иное, как сплошной глупый вымысел.

Среди его "научности", у него временами проскальзывает и светится неприязнь к казакам, найти в их глазах "сучек". Так, например, говоря о Донском Атамане Степане Ефремове, он не упускает случая кольнуть его иголкой, провозглашая: "Степан Ефремов развелся со своей женой без вины и женился на другой." Вторгаясь в личную жизнь Атамана, он от имени заглавия труда "Россия", не сопоставляет с Атаманом руководящих лиц этой России. Например, у Ивана Грозного было 3 законных и 3 незаконных жен. Петр 1-й насильно загнал, как атеист, свою жену, благочестивую Епдокию в монастырь, а связался с полуграмотной легкого поведения, неизвестной дотоле девицей, которая прошла через офицерские руки, достигла до "высокого" звания любовницы Меншикова около г. Нарвы и провозглашенная не в церкви, а на постели "императрицей". За вдохновенное почитание православной Веры царевичем Алексеем-сыном Петра, этот дикий монарх, по решению "пьяного и развратного Всецарейшего Синода, вызвался быть палачом и в страшных муках собственноручно казнил его.

О этих не "сучках", а "бревнах" в глазах этих царей, Сватиков не говорит

ни слова, считая их безгрешными, как "Помазанников Божиих". Не упоминает и о том, как Московское духовенство венчало за рубль или за ведро водки двоюродных и троюродных. О этом тоже Сватиков молчит, ибо духовенство "России" есть "святые отцы".

В общем, оценивая труд Сватикова "Россия и Дон", должен сказать, что его писания лишены третьего измерения, - он не поднялся от плоскости и не достиг живой человеческой глубины. Им временами можно и заинтересоваться, когда он касается грамот и документов, из, ятых из Новочеркасского музея и излагает взгляды революционных деятелей России на Казачий народ, но уражать его, а тем более любить нельзя.

Он трудом своим не обогатил Красоты Казачьего народа. Но, если Сватикову и не чуждо некоторое историческое значение и даже величие, то это величие есть преодоленной трудом бездарности. Таковы уже изначальные условия человеческих сил, что преодоленная бездарность, - это всетаки не то, что Дар.

Не лишены интереса некоторые летописи Московии относительно грабежей, в эпоху Ивана III.

Одна летопись говорит: "из Великого Новгорода Иван III безчисленного добра набрав в Москву отвезе самых перел, злата, серебра триста возов. Кроме иного богатства там набрав, не пощада же никого там, неже церквей и оста великим властелином, иже недавно в великой неволе у татар заволжских баша".

Грабились православные церкви, увозились из них антиминсы, священные сосуды, кресты, колокола все теми же московскими "помазанниками Божиими". Далее летописец говорит: "поймал князь в Новгороде вотчины церковные и раздал детям боярским в поместье".

Чтобы судить о духовной структуре того или иного народа, нужно знать еще то, кто их воспитатели. Я приведу мнение о этих грабежах "просвещенного" профессора Снегирева, который писал: "Новгородские и Псковские ценности обречены Господом Богом служить украшением Московских храмов и великокняжеских палат". Если профессор, так сказать, учитель народа, открыто пишет так бесстыдно и гнусно, то что требовать от простого мужика? Свобода грабежа узаконилась свыше. Впрочем, все эти грабежи в истории Московии торжественно провозглашаются: "воссоединением русского народа" или же "собираанием земли Русской".

Даже сам Карамзин писал: "инородцы, ужасаемые частыми набегами русских, покидали свои места". "С башкир брали за все, даже за черные и за серые глаза, а Вотяк бежит от русского, как мышь от кошки..." "Вот так" Св. Русь"!

Скажем немного о так называемом провозглашении Иваном III "Третьего Рима", лишь потому, что он женился на Византийской царевне, когда Константинополь пал. Что из себя представляла София Палеолог, в истории Московии нет сведений.

Но, казалось, что эта царевна воспитывалась в атмосфере науки, искусства, богословия и вообще греческой культуры, царящей при Византийском дворе.

Надевая корону на своего супруга-дикаря Ивана III, как преемника "Третьего Рима", не потрудились заметить, что корона оказалась, собственно, на голове пустой, с маленькими мозгами, только и воспринимавшими совет бояр, что нужно убивать, грабить и насилловать другие народы и все племена, вошедшие в Московское Государство и только.

Ведь ей отлично было известно, как Византийская царевна, дочь императора Андроника младшего, вышедшая замуж за "прекрасного" Узбека, к тем моральным качествам, которыми обладал этот хан, преуспела воплотить в душу своего супруга чувства великодушия, большое уважение к христианской религии, внесла в ханский двор Византийское изящество, расширила круг ученых всех стран, писателей, поэтов, богословов.

Также известно, что когда некоторые строптивые и дерзкие князья Московии подлежали казни за хулу мусульманскую, эти князья прибегали к защите прекрасной ханши и бывали спасены. А София Палеолог? Ведь она же видела,

как Иван III казнил князей Новгородских, унижал их достоинство целованием его сапог и т.п. Что же она делала? Любовалась только награбленными бриллиантами и жемчугом Новгородцев???

В свете этих фактов, нам рисуется эта царица, как украшение постели дикаря и только, а сам дикарь Иван III самозванно надевший корону "Третьего Рима", как блистательный грабитель! И не в короне "Третьего Рима", а в клобуке циркового шута! Как иногда великое делается позорным и смешным...

Московским князьям еще долгие годы приходилось платить дань Татарами. И по мере того, как честолюбивые мечты, возрожденные Иваном III, возрастали, дань увеличивалась в размерах. Но чтобы снизить это честолюбие, Крымские ханы изобрели особый метод возвышения своего превосходства перед Московским князем. Получив каждый раз извещение о приближении хана к Москве, правящий Московским государством князь, должен встречать хана, во главе со своей свитой бояр с непокрытой головой. Торжественная встреча не только лишь в этом выражалась, а в том, что когда хан подезжал на коне к князю, то последний обязан был кормить коня хана овсом из шапки князя, которую благоговейно и подносил сам князь.

Таким образом подчеркивалось, что не только хан, но даже конь хана стояли неизмеримо выше зазнавшегося князя. И князья раболепно выполняли этот ритуал и не пытались его смягчить ни просьбой, ни деньгами. Чувства рабства сильно сидели в душах этих рабовладельцев над поработенными тюрко-финскими племенами Севера, которые, видя пример, соответственно и приобщали в свои души рабские чувства.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА ЭПОХИ МОНГОЛО-ТАТАРОКОЙ
ОККУПАЦИИ С 1237 ГОДА.

КАРТА: PARTIE MERIDIONALE DE MOSCOVIE, т.е. ЮЖНАЯ
ЧАСТЬ МОСКОВИИ.

Карта изготовлена (dresse) этнографом G. DE l'Isle и дополненная (Augmente) в картографическом учреждении IAN BAREND ELWE A AMSTERDAM.

При быстром даже взгляде на эту карту, каждый Казак и Казачка сразу же убедятся, что историки Московии, на протяжении многих веков, вводили в заблуждение не только казачье общественное мнение или народов Европы и Азии, но также и своих граждан-рабов, что с уходом Черниговских князей из пределов Северного Кавказа, княжества Топотороканского, не принадлежащего им по праву, - вся Приазовская и Причерноморская степь осталась пустой и не заселенной и что кочевой народ из Средней Азии Половцы пришли на голое место. При этом, в своих писаниях, эти историки сплошь и рядом называют эти степи: "Южно-русские степи". Если эти степи "русские", то почему же они их не заселили, не колонизировали?

Периодически эти степи были оккупированы последовательно кочевыми народами: киммерийцами, скифами/сколоты/, сарматами, аланами, Хозарской Федерацией, в составе: казаков, горцев и хозар. Проходили по этим местам: болгары, готы, печенеги, торки; захватывались степи грабительскими налетами Киевских князей Олега и Святослава и, наконец, Половцами. Но как только проходил шквал человеческих масс, наследниками этих степей оставались их древние хозяева: Казаки и Горцы Кавказа. Но никогда эти степи не были "Южно-русские". И потребовалось для Москвы еще около 700 лет, чтобы силой захватить эти прекрасные степи и Кавказ, но они не стали от того "русскими", а временно "советскими".

Нет никаких известий о том, что Половцы придя в Приазовье, уничтожали бы местное население на Дону, в лице Донских Казаков. Но, наоборот, есть исторические данные, что Половцы, при помощи казаков и черкасов, изгоняли воинские части Киевских захватчиков.

Заняв более выгодные места по побережью морей с их торговыми факториями греков и генуэзцев, Половцы, естественно, потеснили Донских казаков на Север, в сторону Переволоки и р.р. Хопра и Медведицы, оставив некоторые

поселения по р.Донцу.А Черкасов потеснили в сторону Кубани.С приходом в Приазовье полководца Чингис-Хана Субутая в 1223 году, Казаки и Черкасы вошли с ним в договорные отношения и стали с ним изгонять, в свою очередь, Половцев. В 1237 году могущественная армия Батя, совместно с Казаками и Черкасами, заставила Половцев-200.000 бежать в Венгрию, а остальные сдались на волю победителя. Все Приазовье и Причерноморье остались в том виде, как их оставили Половцы. Даже некоторые казачьи поселения на главном пути движения Батя на Запад, вдоль р.Донца, остались неприкосновенными.

Прилагаемая при этом карта, ярко иллюстрирует эпоху Татарской оккупации. Весь Восток от 60 градуса северной широты, весь бассейн Великой реки Волги, был занят войсками и прибывшими монголами с женами и детьми, в количестве полтора миллиона душ, в трех главных областях: царство Казанское, царство Астраханское-Ногайское и Крымское. Особая область более многочисленного тюрко-финского племени Мордвы, которых Московские историки перекрестили в "русский народ", была выделена в особое воеводство, где управлял назначенный Батем губернатор/баскак/.

Вся западная часть Московии от 60 градуса, осталась под особым наблюдением татарских доверенных, предоставив князьям собирать дань с их рабов, проживавших в княжествах. По карте эти княжества названы "duche" - по французски, в переводе: герцогство-княжество. И таковые были: Владимирское, Суздальское, Ярославское, Ростовское, Московское, Рязанское, Смоленское, Северское. Все они были отданы под "опеку" князей, которые выколачивали жестоко не только дань для татар, но больше всего для себя, ибо по существу, по крови все эти "князья" были чуждым элементом для финских племен: "от Варягов прозвашася Русь".

Стон стоял на "Руси" не от татар, а от Ига своих князей.

"Duche de la Grande Novogorod", т.е. княжество/вернее исторически республика/Великого Новгорода оставалась самостоятельной чисто славянской единицей, веда торговлю с Западом. Никаким князьям эта республика не подчинялась. Во время движения северной армии Субутая, он завоевав выше указанные княжества, до Новгорода не дошел и повернул обратно потому, что непривычный сырой климат для азиатов и их лошадей, вызвал большие заболевания в людском и конском составех.

На этой карте каждый Казак и Казачка могут убедиться, что весь бассейн Великого Дона был занят Казаками и Черкасами, которые братски сотрудничали, и на карте видны надписи: "Cosaques Donski ou Czerkaszes", т.е. Казаки Донские или Черкасы.

В правом углу карты, между левым берегом Дона и Волгой, значится: "Grebenskaia Cosaques", т.е. Гребенские казаки. Южнее: "raus de Circasie", т.е. область, страна Черкесов.

Владения Донских казаков на запад распространились по Донцу до р.Оскола, впадающей в р.Донец с левой стороны; а по среднему Дону до городка Донецкого, что западнее течения р.Хопра.

Весь громадный "Palatinat de Belgorod", т.е. воеводство Белгорода, было татарами выделено в особую область. Во главе ее стоял баскак, по назначению Хана, но при нем были выборные от местного населения. Охрана спокойствия воеводства с Востока, была возложена на Донских казаков с их Атаманом. Охрана же с Запада, поручена была Днепровским казакам и, мы в этом убеждаемся, читая надпись по левобережью Днепра: "Rau des Cosaques", т.е. область Казаков, вплоть до г.Полтавы.

Повидимому, Киевским князьям доверия со стороны Татар было мало и поэтому указанная местность, в сравнении с Казаками, очень незначительная: "Palatinat de Kiovie", т.е. воеводство Киевское. Западные области Казаков, видим надпись: "Ukraine" - Украина, которая введена в часть Польских владений, под надписью: "Partie de Pologne".

В Южной части бассейна Днепра, мы видим надпись: "Cosaques Zarogovskii",

т.е. казаки Запорожские.

Раньше уже объяснялось, что Казаки пользовались у татарских властей полным доверием и жили на определенных федеративных началах, с собственными выборными учреждениями.

Служивый состав казаков состоял в Татарской Армии со своими атаманами, а не служилые и местное казачье население занимались интенсивным земледелием, скотоводством и рыболовством. На карте по Дону видны многие населенные городки Казачьего народа.

Таким образом, эта карта ярко опровергает писания псевдо-историков Московии, что по Дону и Приазовью была пустыня.

Между прочим, как курьез, в перховых речек Айдара и Митякина, впадающих в р. Донец с левой стороны, показано пресловутое "Дикое поле", под надписью: "Dikie Pole ou Campagnes Desertes", т.е. "Дикое Поле или пустынная провинция". А ниже этой надписи, на самом берегу Донца, я с величайшим духовным наслаждением читаю: "Gundorovskoi", т.е. мой родной древний городок Гундоровский, стоял много веков, ожидая, чтобы я в нем родился, возрос, и написал правду о Казачьем Народе; уходя от твоих прекрасных мест, родной городок с твоими при мне еще густыми лесами, горами Донецкого края, озерами, полными рыб, обилием угля и руды, я взял в ладонку и горсть родной Земли на кургане потомка Атамана Гундора, достал эту ладонку и горькая слеза окропила ее.

Чем же объяснить такую долговечность этого городка? В этом районе, в прорыве Донецкого Края, где протекает речка Беленькая "Belenkoi" - /видна на карте/, велись в древние времена раскопки руды и было там небольшое бронзовое производство, в котором вуждались и друзья и враги. Не лишена интереса и самая то речка Беленькая. Она течет и формируется не из отдельных ручейков, а вырывается большим потоком прямо из-под земли глубокой балки. Вода ее чудодейственная, удивительной химической чистоты. Зимой вода теплая так, что образовавшееся около начала потока озерцо, никогда не замерзает. Летом же вода очень студеной. Разгоряченные от жары и работы лошади и быки, напившись с разбегу этой студеной воды, никогда не заболевают от так называемого "опоя".

Так вот, этот древний городок, переименованный в станицу, стоял тысячелетие, разрослась станица в 40 хуторов и 8 выселков, рождались полные отваги, доблести и долга отважные рыцари с шелковисто черными волосами, а рядом с ними появлялись на Божий свет гибкие, упругие, ловкие, статные, удивительной красоты и природного изящества девушки-казачки и, как соберутся гурьбой на берегах серебристого Донца и как грянет многозвучная песня: "Поехал казак во чужбину далекую", то как будто вся окружающая природа затихнет и прислушается. А грустные ноты, то забирая в высь, то снижалась, несутся вместе с волнами родного Донца далеко, далеко на Восток! И вот пришел конец родному городку: Гунны XX века Московиты /"русские" / разрушили этот древний пункт, а жителей частью перебили, частью выслали в гиблые места. Великие русско-коммунистические достижения???

СРЕДНЕ-АЗИАТСКИЕ КАЗАКИ.

Если псевдо-историки Московии всячески старались умалчивать и даже отрицать наличие Казачьего народа древних времен, в пределах Кавказа и Приазовья, то тем более о Казаках Средней Азии что-либо сказать, считалось запретом. Так, например, профессор Вернадский в своей книге: "Эпос истории Евразии" глухо упоминает, что пограничной стражей Туркестана были группы "проды наших русских казаков". Спрашивается: когда они стали "ваши" да еще и "русские"?

Чтобы рассеять эти туманности, я приведу подробный хронологический перечень, изложенный историком И.П. Будановым, в его труде: "Дон и Москва" о том, что существовавшая и теперь существующая "Казачья Орда /стан / никогда, нигде и ни у кого, за исключением Московитов, не называлась ни Киргиз-Кайсацкой, ни тем более Кайсацкой, а всегда именовалась просто "Казачьей".

PARTIE MERIDIONALE DE MOSCOVIE Dressé par G. DE CHALC Rectifié

1788 года Бухарский аталик/первый министр/пишет: "слышим мы, что у Вас, Казаков, собственно мудрецов или ученых мужей нет. Если же вы народ Казахский имеете возможность исполнить наше предложение нападать на Великороссов..."

1760-1740 г.г. историк Левшин сообщает, что в бумагах, хранящихся в Архивах Иностранных Дел и бывшей Оренбургской канцелярии, еще встречаются слова: "Казацья Орда и Киргиз-Казацкое войско".

1733-1716 г.г. Швед Ренат был в плену у Калмыков/Джунгарских/ в течении 17 лет и составил карту Джунгарии. На этой карте, к Западу и Северо-Западу от озера Балкаш, где находится р. Иргиз, обозначена им: "Киргиз-Казацкая орда", а от восточной половины того же озера, прямо на Север от него, лежит местность, обозначенная им просто: "Казак".

1705 г. В географической карте, напечатанной в Амстердаме, нынешние Киргизские орды не называются иначе, как "Казацьи орды".

1632 г. "Год Гиджары Имам-Кали-хан. Князь Ма-дара-Альнагара намеревался изгнать султанов казаков, которые владели Ташкентом и окружающей землей". Это подтверждает историк Левшин так: "нам удалось найти несколько достоверных свидетельств о том, что около 1630 г. владел Туркестаном Казацкий хан Ишим", и 1618 г. "когда слухи об их ссорах достигли до Туркестана, Султаны Казаков поспешили взяться за оружие".

При Московском царе Федоре Ивановиче Средне-Азиатские Казаки упоминаются под именем Казацье Орды: "приеде к нему, ко государю служити царевич Казацие Орды. По постановлению своего царства пожаловал царевича Казацие орды Бурмамета, посадил его на царство Касимовское/отпавшее от Казанского царства/."

1584 г. В книге "Большому Чертежу" говорится: "и по обе стороны реки Зеленчика и реки Кондермака и реки Сару и песков Каракума на тех местах на 600 верст кочевье Казацкие Орды".

1583 г. Мурза Карача послал нарочного к Ермаку для защищения его от Иргизских Казаков, угрожающих нападением на его владения".

Тем же именем Казаков, Средне-Азиатские казаки именуется и в Сибирских летописях: "и станут приходить в те крепости к Якову и Григорию/Строгановым/ торговые люди Бухарцы и Казацкие Орды и иных Земель с товарами". А по степи Калмыки и Мунгалы и Казахая Орда ездят на вельблудах, а кормятся скотом".

В делах Ногайских, в Московском Архиве Иностранных Дел, под №10, хранится перевод грамоты Ногайского князя Юсуфа к царю Ивану IV, писанной в конце XVI в. Юсуф в ней ясно говорит: "А хотел есми воевать Казацкую Орду и аз ныне кочую на реке Елеке/Илике/за Яиком".

1570 г. "А нынеча деи мне Кучуму война с Казацким царем, и одолеет де и меня царь Казахский/Ермак/и сядет на Сибири".

1559 г. Дженкинсон, бывший в Бухаре в 1558-1559 г.г., сообщает: "Ташкентский владетель был тогда в войне с Казаками, народом жестоким, многолюдным, не имеющим городов и исповедывающих магометанскую религию".

1549 г. Семен Мальцев, посланный царем Иваном IV к Ногайцам, жившим между Волгой и Яиком, доносит о нападении на их улусы Казахской Орды царевича Шигая".

1540 г. По свидетельству Гайдер-Рази: "после смерти Каман-хана, султаны Дешт-Кипчака, которых обозначают именем Казаков, вели войну один против другого".

1535 г. "А Волгу есмя, государь, писал Губин в донесении от 15.10.1535 г., перевелись. Сентябрь 30 день ниже "Казацких гор".

Персидский историк, написавший "Жизнь Шаха Аббаса", говорит во многих местах о нации Казаков.

1532 г. Абд-эр-Рашид-хан прославился победой над Казаками, с которыми дотоде Могулы не могли с успехом померяться".

1521 г. Василий III предписывает своему послу: "да Казахкую Орду пытаи кто ныне в Казаках государь и где кочует".

Тамерлан, в своих записках под 1369 г., упоминает о Казаках: "Казаки сделали набег на Ма-вара-Альнавар".

1550 г. "Крымцы пограбя что можно прибежали к Вятке, а тут стоял Бехтеяр Зузин с Вятчаны, да с Казаки утаяся, и Крымцы поделав тары да повезлись, и Вятчане и Казаки побили их и потопили".

Казаки, как видим, именуются отдельно от Вятчан-местных жителей.

В дополнение к перечню историка И. П. Буданова, присовокупляю. Историк Левшин говорит: "большая часть русских писателей полагает, что первые казаки произошли или составились у Татар и что у них же родилось название "казак" и от них перешло ко всем отраслям, прежде бывших и ныне существующих Казаков. Мысль сию, к которой мы уже привыкли, опровергают восточные историки, утверждая, что казаки составляли самостоятельный независимый народ в отдаленнейших веках нашего летоисчисления. Некоторые относят их далее Р. X."

"Историк Фердуси", продолжает Левшин, "живший около 1020 года, т. е. за два столетия до появления Монголов-Татар на Запад, в истории Рустема, упоминает о народе Казаках. Из сочинений его и древнейших летописей Персидских, которыми он пользовался, известно, что казаки древние, подобно позднейшим, прославили свое имя набегами. И так, Татарские Казаки, почитаемые нами за первоначальных казаков, были только подражателями и название их не татарское, а занято у другого народа. Известие сие делает толкование и перевод слова "Казак" излишним".

Профессор Кляпрот, разделяя киргизов на восточных и западных, говорит: "в Европе дают имя "киргиз", но это-две нации, которые хотя и говорят на одном языке, но по внешности существенно отличаются один от другого, и при том казаки не принимают имени "киргиз". Западные "киргизы", которые называют сами себя казаками и отрицают имя "киргиз", занимают в настоящее время/1806 г./местность от левого берега верхнего Иртыша до Яика; к Северу жилища их доходят до 53 градуса широты; к Югу они кончаются у гор Таргабатай-озеро Балкаш; на Западе-по линии Селестинских гор/Тян-Шань/".

Иеромонах Иакинф говорит: "Казак есть имя народа, кочующего по степям, сопредельным с губерниями: Томской, Тобольской и Оренбургской. Китайцы называют их "Хасак"; Россияне-Киргиз-Кайсаками. Ныне/книга издана 1829 г./сейчас народ разделяется на две орды: восточную и западную.

Западная Казачья орда простирается до Российской границы. Обе эти орды состоят под покровительством Китайской державы.

Казаки, по-китайски "Хасак", есть большое владение, лежащее от Или/река, впадающая в озеро Балкаш"/".

Историк Риттер говорит: "Китайцы и Монголы называют Кассаками или Казаками тех Киргизов, которые живут в Иртышских степях. Сами же они дают себе имя "Казак". А мы, следуя общему употреблению, называем их Киргиз-Кайсаками, несмотря на то, что прозвище это находится у Казаков в презрении".

Профессор Фирсов утверждает: "Киргиз-Кайсаков/т. е. Средне-Азиатских казаков/не следует смешивать с "Кара-Киргизами/кыргызы/". Имея сходство с Казаками по образу жизни, Кара-Киргизы составляют отдельный народ от Казаков и имеют особую историю".

Историк Радлов говорит: "обыкновенно Киргизами называют те народы, которые живут в больших степях Средней Азии от Каспийского моря до горной цепи Алтая и от города Омска до Кокандского ханства. Это имя совершенно незнакомо большей части этих народов, которые с тех пор, как история говорит, не называют себя иначе, как "Казак" (Khazak)".

Историк Левшин, изучавший Казачью Историю, категорически утверждает, что Казаки, как особый народ, существовал в Азии с древнейших времен. Но подпав владычеству Чингис-Хана, Казаки по смерти этого завоевателя, достались в удел сыну его Джучи и хотя они принадлежали Золотой Орде, но имели собственных ханов. Казачья Орда была могущественным государством, знавшим период своего расцвета и период своего упадка. Оно могло выставить до 300.000 всадников, - армия по тем временам могущественная".

У читателя, естественно, возникнет вопрос: откуда появились казаки в Средней Азии? Ответ прост и ясен. Я уже упоминал ранее, что племя "Саков", не проникнув своевременно через Кавказские ворота, вынуждено было, по обстоятельствам военного времени, двинуться на Восток до Памира, а затем уже, выждав благоприятный момент, прибыть на Северный Кавказ и соединиться с Казаками-Казахами. Так было и со Скифами. Вожди этого народа, первоначально называвшегося своим племенным именем "Сколоты", несмотря на их страстное желание проникнуть через Кавказ в Приазовские Степи, не могли этого совершить потому, что Египетский фараон Сесострис, в своем могущественном движении по Малой Азии, заняв Грузию, отторг Скифов от Закавказья, и они вынуждены были двигаться на Северо-Восток до Аральского моря включительно, а затем уже через Уральские ворота и через р. Волгу появиться в Приазовье и напасть на киммерийцев, казахов и горцев.

Такая судьба постигла и часть могущественного племенного Союза Казахов-/Казаков/. Часть этого Союза успела зацепиться за Кавказские горы и создать даже страну Казахию/Казакию/, о которой говорит в своем труде император Константин Багрянородный и другие историки, но оставшаяся часть в Закавказье Казахов/казаков/, под воздействием человеческих волн, двинулась в Среднюю Азию, и например, средиземноморцы, оторванные от своей массы, создавшей "бронзовый век" на Кавказе, продлинулись до р. Енисея, где тоже создали бронзовое производство, о чем повествует историк И. П. Буданов.

Так вот эта родная ветвь Казахии/Казакии/ и осела в Средней Азии, меняя иногда свои границы по обстоятельствам столкновения с другими народами.

Средне-Азиатских казаков в сфере владений СССР/коммунистической России-Московии/, который по существу своему шовинизму, не хочет назвать их казаками, а местность их Казакией, провозгласил наименование: "Казахстан", численность жителей казаков исчисляется свыше пяти миллионов душ.

Кроме того, в Западной провинции Китайской державы, называемой "Синьзянь", проживает свыше шести миллионов казаков, которых как китайцы, так и соседние народы, в том числе и "русские", называют "Казахи".

Эти Казахи/Казаки/ в октябре месяце 1963 года подняли восстание против режима коммунистического Китая. К казакам присоединились Киргизы и Таджики. Восстание было подавлено. Вооружение восставших оказалось русско-советского образца. И тут лицемерная Москва стремится казачьими руками прикрыть свои злодеяния.

Но наличие казаков и в таком большом количестве, это весьма отрадное явление. Не нужно быть прозорливым, чтобы не понимать веяние Времени, а иметь лишь тонкий слух, чтобы не слышать тяжелых шагов Истории. Придет пора, когда длинная цепочка звуков Казачьих колокольчиков пронесется от Тихого Дона до высоких отрогов Алтая. "Есть еще порох в пороховницах, еще не гнется Казачья сила".

По широким степям Юго-Востока Европы и Средней Азии пронесется мощный голос: "Да здравствует Казачья Свобода!"

ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА.

Выше мной были указаны те народы и племена, с которыми Казачьему Народу приходилось сталкиваться, надолго с ними жить, сотрудничать или сражаться, а также знакомиться с их культурой, обычно рабовладельческой и неприемлемой для свободолюбивого казака, так и делением Судьбы казакам пришлось на долгие века иметь дело с народами Московии, объединенными в конце концов методом кнута и крови Московским государством.

Чтобы иметь представление о этом государстве, о нравах, обычаях, о самосознании, отношении к другим соседним народам, в том числе и к казакам, мы обязаны, хотя вкратце познакомить читателей о том, как начиналось и развивалось это государство?

Подход к понятию построения государства вообще, в его положительном смысле, строится на аксиоме, что народное самосознание творит историю государства. Можно ли применить эту аксиому к построению Московии и было ли проявлено в его созидании именно народное самосознание, а не личные стремления московских князей, помимо воли входивших в орбиту Московии племен и народов?

Большинство объективных историков строго придерживаются того мнения, что первой основой идеализированного общественного сознания, представлялся вечным народным порядком самостоятельной славянской республики Великого Новгорода и до некоторого подобия и Киева. Но нам известно, что Суздальские, Владимирские, а затем и Московские князья порвали всякие сношения с Киевом; Новгород разгромили до полного упадка своей независимости.

Дальнейшее развитие истории Московии было, по мнению истинных историков, отклонением от народного идеала и нормального хода развития. Вина за такое отклонение падала на созидателей нового порядка Московских князей "собирателей", на их варварские приемы и удушение народного самосознания.

Историк Платонов, претендующий на объективное изложение истории "Руси" /а не Московии/, полвека тому назад писал:

"Начнем с "Низовской", а не Новгородской Земли, позднее получившей название "Замосковья".

Под этими названиями разумелись Земли старых /! / великих княжеств: Владимирского, Московского, Ростовского, Суздальского, Нижегородского и Тверского, составлявшие коренное /! / "Великорусь", обладавшие плотным населением, сравнительно высокой хозяйственной культурой и торговлей. Все это пространство стало заселяться русскими /! / племенами уже на глазах истории, выходцами сначала из северных, а затем и южных русских /! / княжеств".

Объективность Платонова сразу же подвергается сомнению: он только что сказал, что указанные княжества обладали плотным населением, но что это было за население - умалчивает, и к этому "плотному населению", "Заселяет - русскими племенами", а "куда же подевалось дотоле жившее" "плотное население"? Уничтожено ли, подверглось ли ассимиляции? - От объяснений сознательно уклоняется.

Нам также известно, достоверно, что никаких "русских племен" на Севере не было, там жили финские племена в западной части и тюрские - в восточной, от Великого Новгорода до Урала. Большое пространство владений республик В. Новгорода и Пскова до Беломорья заселено было Славянами, а в северной части Карелами. По линии от В. Новгорода на Юг по Днепру жили племена Славян: кривичи /белоруссы/, древляне, поляне, киевляне, бужане и др.; западнее их: поляки, словены, чехи, хорваты, сербы, ославянившиеся болгары, валахи. На Юге также не было "русских племен". Все Приазовье, часть Причерноморья было наследственное пространство Казачьего и Черкасского народов. Крым был во владении Татар.

Откуда же появились Платоновские "русские племена" ??? Это - тайна Платонова, подсказанная ему, повидимому, Аллахом!

Не смущаясь этой суммарностью, Платонов продолжает: "В исходе XII века и начале XIII века великие князья Владимирские были сильнейшими по всей "Руси". Владимирский князь /повидимому Юрий-Долгая рука/, по слову древнего

поэта/?/, был так могуществен, что смог бы "Волгу веслы раскропити, а Дон целомы выльяти..." Летописцы с восторгом поминают о княжеских Ростовских и Владимирских крамов, говоря, что над ними трудились "изо всех земель мастера" и они были так "дивны и велики", как не бывали прежде и не будут впредь". Татарская власть обратила восточное Великорусье в глухую окраину. Весь край постепенно обратился в группу разобщенных "уделов", в которых сидели их владетельные князья, враждуя друг с другом и заботясь лишь о собственных "промыслах", т.е. о своей наживе и усилении своего удела за счет остальных. Остановленное было татарами колонизационное движение на западных и юго-западных русских/!/областях возобновилось и, направляясь на Север и Северо-Восток расширяло площадь русских/!/заимок за Волгой и на низовьях Оки. Людской поток шел к Белому морю и "Камню" /Уралу-перее Яику/, это было медленное движение "пашенного" люда, "примышлявшего" на диких местах инородческого Севера/подч.нами/. Туда, однако, доходили только отдельные партии; масса же застревала в Заполъжи-водораздела между Волжскими и Поморскими реками-и была там надолго задержана инородческим сопротивлением на линии Ветлуга-Сура. Между р.р. Унжею и Ветлугою "безперестанно жила черемисская война", и леса "Унежские" оставались непроходимыми для русского/!/пахаря и охотника. А южнее между Окою и Сурою, русским/!/не давала основаться Мордва. Нижний Новгород надолго стал пограничным пунктом, отделявшим Волжскую Русь/!/от инородческого "Низа"...

Все же нужно отдать долю внимания изложению Платонова, который, не в пример прочим "историкам" шовинистам Московии, все же слегка открывает Черную Завесу, скрывающую плотно историю племен Северо-Востока, когда он говорит о инородческом сопротивлении, о черемисской войне, о заслоне Мордвой "русским" основаться за Нижним Новгородом.

Из этого, хотя и суммарного писания, каждый чуткий читатель видит, что "Замосковье" было занято местным плотным населением, совершенно чуждым вторгнувшимся князьям-варягам с их грабительскими дружинами, а так как Платонов скрывает сознательно национальность этого населения, то мы вынуждены дополнить эту сознательную пустоту, а именно: Северо-Восток был заселен издревле, когда еще о "Руси" не было ни слуху, ни духу, финскими и тюрскими племенами: корелы, ведь, меря, чухня, мурома, мордва, черемисы от Новгорода до Урала; и воображаемые Платоновым "русские племена", на это большее пространство не имели прав территориальных, а особенно этнологических. Все было захвачено силой, грабежом и убийствами.

Можно еще добавить о грандиозном восстании Мордвы, под водительством Пургаса, громившего князей грабителей, а также устраиваемые ими монастыри и "русские" церкви, как очаги постепенного порабощения местных жителей.

От этой кровавой истины "собрания" силой, "об,ективный" Платонов сознательно отворачивается и сознательно вводит в заблуждение всех, кто так или иначе интересуется историей Московии, с ее ложно-выдуманными "русскими племенами". Сказав "А" о инородческом сопротивлении, уклонился от произношения "Б" и поэтому, Правда бежит от него. А казалось бы, что скажи Правду и Бога бойся, но он испугался Романовской немецкой династии и не рассказал просто и ясно в нескольких словах, а именно: князья Варяги с собранными ими дружинами из разного воинственного сброда, пристегнув частью и славян, захватили все финские и тюрские племена методом кнута и крови.

Большинство историков Московии совершенно скрывают о финнах и тюрках, истинных хозяевах Севера, захваченных варягами и по существу напоминают тех воров, которые тщательно прячут украденное и ни словом не обмолвятся о нем, но все же народная молва, хотя и глухо, но напоминает, что "от трудов праведных не наживешь палат каменных", каковыми Платонов так восторженно хвастается, что Владимирский князь был в состоянии выплескать веслами воду Волги и племом-воду Дона??? Похваляться награбленным и ставить это на ступень величия, могли и могут только прирожденные и убежденные грабители Московии.

Чтобы понять психологию "собрателей" Московии, мы приведем характерис-

тику, данную русским историком профессором В.В. Григорьевым, непотерявшим совести, в его книге "Россия и Азия" /С.Петербург, 1876 г./, этим "собира-лям", начиная с Рюрика, давшие воспитание покоренным племенам Московии, так и неподнявшимися хотя бы на одну маленькую ступень Свободы и Равенства людей Московии. Этот историк писал:

"Ни один народ древнего или нового мира не отличался такой предприимчивостью и отважностью, как Норманы/Варяги/. Природа образовала этих диких детей снегов и морей суровыми и неукротимыми, а обстоятельства сделали их хищными и кровожадными. Привычка к походам, прелесть добычи, сделали хищничество, как бы врожденною их склонностью. Никто не смог сравниться с норманами-варягами беспредельною дикою отвагою и яростью в боях. Они воспламенялись духом удайства, разбоя и грабежа.

Рожденные на угрюмых скалах и в мрачных дебрях под снежным Небом, взлелеянные бурями и нуждой, -чего могли страшиться они? Всякая страна, богаче их собственной, привлекала этих диких воинов Севера.

На легких лодках переплывали моря и океаны, как стаи голодной саранчи, опустошали они и богатые земли Италии и плодородную Францию/где существовала даже молитва о спасении от варягов/, а также Северо-восточную Россию/!/.

Едва успев утвердить свою власть на Севере/Рюрик/, они двинулись на Юг за сокровищами Греции и гордая Византия затрепетала перед дикими хищниками. Неудовлетворившись этим, они под самозванным именем "Руссов", какими они никогда не были, совершили два хищных похода в Грузию и в Персию, о чем сообщали арабские историки Абуль-Фарадин и Абуль-Феда. Но о этих набегах историки Татищев, Болтин, Шерботов просто умолчали, а Карамзин находит, что эти походы увеличенными "рассказами", потому что летописец Нестор молчал о них."

Психология Московитов как была, так и осталась неизменной до наших дней. Что же они могли эти варяги дать покоренным племенам? Историк Платонов пишет: "С начала XV века в стране начался заметный рост национального сознания/!/ и Москва стала центром искавшей об, единения народности/!/. Московский князь обратился в народного вождя/!/, руководившего борьбой своего племени/?/".

Из всех этих цитат, так и пишет Неправда о "национальном сознании"/когда над головой плетъ/, о "народном вожде", фактически деспоте и о "своем племени"/каком?-Варяжском или финском?/

Академик В.Д. Греков поясняет: "Нестор в своей повести пропустил, ради прославления династии Рюриковичей, известия первоначальной Новгородской летописи о насилиях Варягов, чинимых ими над Новгородцами; пропустил известия о длительной борьбе Новгородцев, под водительством Вадима Храброго против Рюрика. Сам Рюрик был убит Карелами за его притеснения".

Епрочем, и сам Платонов, опомнившись слегка, продолжает: "Идеалом Московской власти становится прикрепление общественных сил к их повинностям-службе и тяглу. Бояре и вольные слуги должны стать не добровольными князя, живущими у него по договору, а его "холопами", подданными, не могущими от, ехать и покорными его воле. Люди тяглые должны крепко сесть на пашне и жить там, где застанет их государев "писец". Вокруг Московского великого князя образуется широкий и плотный круг боярства. Громадные пространства "черной земли" ушли из крестьянских рук в руки помещиков великого государя и на местах крестьянского самоуправления водворилась форма крепостного права. Сажая помещиков на крестьянские волости, великий князь указывал пределы власти помещика так: "и вам бы, крестьянам, его государя вашего, слушать и изделье всякое на него, государя, делати и платити ему все, чем он, государь, вас изоброчит".

Метод этот блестяще применен русскими коммунистами в СССР.

Совершенно из этого ясно, что когда на ногах крестьян зазвенели цепи, то все те красочные слова "о народном национальном сознании, о исканиях об, единения народа, о народном вожде, для слуха об, ективного читателя,

являются просто издевательством. Но, Платонов, как борзый конь, закусив удила, рванулся вперед, с криком: "тот национальный под, ем/под палкой/, который создал великорусское об,единение/!/, усвоил московскому государю высокое значение народного вождя/!/, спиравшего на всю народную массу/!/ и ведшего ее не только к национальному единству, но к международному главенству/!/ во всем "православии", т.е. к первенствующей роли/!/ среди всех прочих народностей православной греческой церкви".

Ослепленный "великими милостями" династии за прославление московской власти, Платонов уже не видит вокруг этой власти ни слез народа, ни крики отчаяния жен и детей крестьян, вовлеченных в рабство, не слышит гула цепей, положивших начало для следующих поколений к созданию гимна "Боже царя храни" и восторженные крики самодержавцев: "гром победы раздавайся, - веселись же храбрый росс!"

Платонов сознательно отворачивается от исторической Правды порабощения и, насильственной колонизации финских и турецких народов и сознательно вводит в заблуждение всех, с ее ложно выдуманным "русским народом".

Нам известно, что вторая половина XV века отличается рядом некоторых нововведений. Вместо нескольких княжеств, дробящихся на уделы, появляется московское большое владение во главе "государя всея Руси", - титул громкий, но самозванный, никем не коронованный ни Папой, ни Римским императором, ни народной волей, а врожденной привычкой рабовладельчества "своя рука-владыка".

Этот самозванный "государь", ведет политику об окончательном об,единении под своей властью всех захваченных, удельными князьями силой, финских племен. Он теперь: сам "царь", не хуже ордынских и "самодержец", не нуждающийся ни в какой чужеземной санкции своей власти, облитый с ног до головы кровью поработенных племен, а есть "помазанник Божий". Его "дипломаты" хотят бить наравне с самим Цезарем Римским и таким образом "с суконным рылом" упорно прут "в калашный ряд", будучи дикими и невежественными.

Первым самодержцем Московии нужно считать князя Ивана Калиту. Прикупая за деньги, а вернее "примышляя" силой, деревню за деревней, волость за волостью, накапливая в своей казне золото и серебро, ожерелья и монеты, кожаные червленые жемчужные и пояса "с камнем драгоценным", обесчитывая ловко татар на подлежащей им дани и проявляя над "своей братией" - князьями, этот и другие "собиратели русской земли/никогда русской не бывшей/, прародители последующих московских владетелей, собственно, несли в своих политических мечтах дальше надежды, что придет когда нибудь время и "Бог освободит их от Орды". Если бы спросить их в то время, что они намерены делать со своей Свободой от Орды, то едва ли бы они ответили какой либо политической или социальной программой, а застыли бы в своей привычной и заманчивой атмосфере, ставшей, как бы, врожденным инстинктом, а именно: еще больше "примышлять" что плохо лежит и что можно безнаказанно урвать, копить деньги, обманывать, производить насилия над слабыми, - с единственной целью добиться как можно больше власти и денег. Это стало традицией скупидомства, самой коренной, самой натуральной, своего рода идеологией московской княжеской семьи. Еще сын Калиты - Симеон Гордый вполне подчеркивал отчетливо эту традицию, в своем завещании 1353 года: "а пишу вам это слово того ради, чтоб не перестала память родителей наших и наша, и спеча бы не угасла". Самая необходимость борьбы с татарами намечала иные отвлеченные цели, но они едва ли отчетливо сознавались перед главным: копить деньги, а с татарами - "Бог поможет..."

Симеон подает также и другой совет: "как отец мой приказал вам жить заодно, так и я вам приказываю: лихих людей не слушайте, а если кто вас будет ссорить, слушайте отца нашего Алексея-владыку".

При этом, Симеон понимал и проводил цель "заодно" не по традиции Киевского Юга, теперь совершенно оторванного и враждебного, т.е. единение князей-родичей, а единство власти в руках одного московского князя, которому удалось и т. наз. "православную" церковь превратить в послушную организа-

цию, во главе с митрополитом Алексеем, заслужившим также благоволение и у татарского хана, вылечив его жену. Практический урок "заодно" был исполнен Калитой блестяще: он перебил всех своих соперников на великокняжеский престол руками татар за выдаваемые им из золотого мешка "серебренники".

Этот урок отчетливо и сознательно усвоил и Иван III, что видно из его письма к своей дочери Елене, вышедшей замуж за Литовского князя Александра: "передали мне, что князь великий и паны хотят Сигизмунду дать в литовском великом княжестве Киев и другие города/на которые метит сам Иван/. Вот что, дочь моя: слышал я, какое было нестроение в Литовской Земле, когда было много государей. Да и в нашей Земле ты слышала, какое нестроение было при моем отце/Василии/, а после отца моего каковы дела были мне с братней, и если Сигизмунд будет в Литовской земле, какая вам от того польза? Ты-дитя наша и что дело ваше начнет делаться не как следует, а мне того жаль..."

Ему, конечно, жаль не то, что убавится территория Литвы, а жаль, что она попадет Сигизмунду, а не ему, для чего впоследствии он и объявил Литве войну.

Нужно сказать, что митрополит того времени, был религиозным представителем "всея Руси" гораздо раньше, чем московский князь сделался ее политическим представителем, а поэтому митрополит перенес это звание и на того князя, возле которого он избирал свою резиденцию. Когда, например, Тверскому князю Михаилу Ярославичу удалось заручиться содействием митрополита Петра, он тотчас же, в подражание титулу митрополита, стал называть себя "великим князем всея Руси". Иван Калита угробил Михаила руками татар, перетянул к себе митрополита Петра и принял титул: "великого князя всея Руси".

Политику самовозвеличивания Иван III также положил в основу своего бытия и гнул к этому и церковь. Иерархия того времени, как и после, вполне подчинялась целям княжеской политики, и она не вела за собой национальную идею, а шла послушно, как орудие в руках государства, что и пригодилось Ивану III. Он объявил войну Литве, во имя защиты "православия" против "римского закона" и этой "защитой" и оправдывал все захваты у Литвы не только перед своей жертвой, но и перед всей Европой и даже перед самим Папой, ссылаясь на то, что якобы его дочь Елена, жена Литовского князя, притесняется католиками. Таким образом идея религиозного единства послужила средством для оправдания завоевательной политики московского князя. К этому моменту из Запада начинает просачиваться в московскую некультурную программу идеологический элемент, приведший Ивана III к сознательному переодеванию из одежды удельного периода в царский мундир. Толчек этот был продиктован ни его придворным портным и даже не собственным самосознанием, а той политической обстановкой, которая создавалась в Европе. Сам Иван и его окружающие были еще в стадии варварства для того, чтобы заинтересоваться Европой, но теперь сама Европа шла навстречу Москве.

В эту эпоху всю интеллигентную Европу занимала мысль-общего Крестового похода против Турок, за освобождение гроба Господня. Балканский полуостров весь был в XV веке в их руках. С Дуная турки грозили румынам и венграм, австрийским славянам и немцам. Претензии были на Италию. Турецкие набеги были сильны. Воздем против торжества Ислама воинственного, был глава Западного Христианства Папа. В борьбе против турок, больше всех были заинтересованы торговые республики на Черноморском побережье Генуя и Венеция. Заинтересован был наследник Византийского императора, готовый продать свои права тому, кто дороже даст, а также Римский император германской нации Максимилиан, стремившийся наловить рыбешки в мутной воде, на своей восточной границе.

У всех этих "крестоносцев" было много противоречивых интересов и эгоистических побуждений, чтобы совершился Идеальный Союз, но тем не менее они охотно предоставляли честь всякому другому. Таков был исторический момент, когда Европа открыла варварскую Московию. Посредниками этого откры-

тия были не Колумбы, а подобие их-энергичные пройдохи, с тонким умом и сомнительной моралью Левантийцы-наблюдательные и провицательные. Они умели угадать, что кому нужно и торговали тем товаром, на который был спрос. В Италии они открывали кафедры поэзии и толковали Гомера и Демосфена. В Москве они сосватали великому князю Ивану III племянницу Византийского императора Зою Палеолог/в Москве принявшую имя-Софию/. Дело было щекотливое, т.к. Папа считал Зою, которую он принял у себя, ревностной католичкой, а для Ивана нужна была "православная". Два левантийца, один итальянец, другой грек уладили это дело. Итальянец/Джан-Баттиста Вольпе/взял на себя роль обмануть Папу, обещав ему, что "Россия" подчинится Св. Престолу. Грек/Юрий Траханион/обманул Ивана, засвидетельствовав, якобы от имени Византийского кардинала Виссарiona "православие" Зои и рассказал кучу неблиц о ее женихах, которым она будто отказывала из отвращения к латинству, а на деле она, залежавшаяся дева, от которой веяло нафталином, никому не была интересна. Но московский "варвар" воспломенился чувством величия породниться с высокой знатью, и стал мужем "византийской царевны", как упорно не переставала величать себя Зоя, не имея на то основания, т.к. она не была дочерью императора и внушила это "величие" и мужу-варвару, и он стал поневоле отдавать отчет и гордиться о больших преимуществах в глазах Европы, пойдя в семью цивилизованных государей Европы, в почетной роли "защитника христианства" против турок, впрочем не ударив пальцем о палец в этом направлении; тем не менее Венецианский Сенат в 1473 году напоминает Ивану, что в случае прекращения мужского потомства Византийских императоров, наследственные права переходят к нему, Ивану-по жене. В 1480 и 1490 г.г. появляется и сам наследник Палеолог, желавший продать свои права "Второго Рима", но скупой и расчетливый Иван туго зажал свою мощну.

После этого, начались попытки купить у Ивана услуги против турок, ценой королевского титула. В 1484 г. Папа Сикст IV успокаивает Польского короля Казимира, что он не даст Ивану титул "всея русской нации" (*in tota ruthenica natione*), не спросив у поляков. Про польские страхи узнал видный германский путешественник Николай Поппель, который и сообщил Ивану III следующее: "ляхи очень боятся того, что если твоя милость будет королем, то тогда вся "Русская Земля", которая под королем Польским отступится от него и твоей милости будет послушна".

К соблазнам западного государственного права о титулах короля и даже императора, Иван остался равнодушен, но идея Поппеля о "Панрусизме" глубоко запала в душу честолюбивого и без того, понукаемого "царевной" Софией, Ивана. И вот, он начинает создавать в своем воображении свое будущее величие и мечтает: "Южная Русь ведь тоже когда то "изначала" принадлежала великому князю Киевскому/варягу/и последнего можно рассматривать с полным основанием, как "первого прародителя", а его владения считать законной Московской вотчиной-своей землей..."

Если даже предположить, что москвичи совсем забыли про Киевский период истории, начиная с Андрея Боголюбского, который ограбил и сжег Киев в 1167 году, то теперь император Максимилиан и Папа напомнили Ивану о этом. И в 1493 году он самовольно и самозванно принимает титул: "Государя всея Руси!"

По этому поводу историк П. Миллюков пишет: "на протест Литовского зятя, державшего под собой половину этой "всея Руси", московские дипломаты отвечают уже с полной уверенностью и апломбом: "Государь наш ничего высокого не писал и никакой новости не вставил. Он от начала-правый уроженец-государь всея Руси, чем его Бог/!/подаровал от дедов и прадедов". И по мере своих мирных захватов и военных приобретений, Иван III последовательно развивает раз принятую точку зрения. Все, отнятое у Литвы-"наша вотчина".

"Да и не то одно-наша вотчина, что ныне за нами: и вся русская земля, Божьей волей/!/из старины от наших прародителей-наша вотчина", не забывают каждый раз прибавлять москвиты. За год до смерти Ивана/1504/, этот

тезис развивается еще определеннее.

"Вся русская земля-Киев и Смоленск и иные города-от наших прародителей-наша вотчина, и он-бы/король/нам русской земли всей-Киева и Смоленска и иных городов...поступился." Эта глухая ссылка на "иные города", дает возможность постоянно расширить требования: так, в 1517 г., уже при Василии III встречаем Формулу: Киев, Полоцк, Витебск и, опять таки "иные города". На самого хладнокровного читателя сухих посольских донесений, этот тяжелый размеренный шаг московского "каменного гостя" способен произвести впечатление какого-то давящего кошмара.

Из сношений Ивана III с западно-европейскими дипломатами, стала развиваться в Москве "национальная" идеология, но она была именно подсказана итальянцами и греками, но развить национальное чувство они не смогли. Они всегда считали московитов варварами. Ближе к последним были Южные славяне, более культурные от московитов. Они то и явились самыми естественными воспитателями московского национального чувства, но так и не ушедшего от привычной варварской психологии, впоследствии искоренить которую оказалось невозможной.

Сами же южные славяне, когда у них обнаруживалось самостоятельное культурное движение, в основе его лежала ненависть к цивилизации греков, или вернее к их национальному высокомерию, и поэтому возникала борьба за независимость от Византийского императора и религиозная борьба за независимость от Константинопольского Патриарха.

Мечта славян была: свой собственный император и свой патриарх. Это был вековечный их идеал.

В последний раз перед турецким завоеванием, это национальное чувство славян вспыхнуло в XIV веке, при болгарском короле Александре и сербском короле Душане. Оба мечтали-завоевать Константинополь и создать на месте Византии славянские державы. Они стали титуловать себя "царями" и "самодержцами". Патриаршество уже было в Тырново. Душан также завел патриарха для сербов. Византийский этикет при дворах воцарился вполне.

Для оправдания "величия" был выработан текст олицетворения царя Александра так: Все это приключилось с старым Римом; наш же новый Царьград стоит и растет, - о, Царь, всеми царствующий, - принявши/в себя/такого светлого и светоносного царя, великого владыку и изрядного победоносца, происходящего из корня Асеня, преизящного царя болгар-Александра прекроткого, и милостивого, и мнихолюбивого, нищих кормильца, великого царя болгар, чью державу да исчислят неисчислимые солнца."

Александра начинают сблизать с Александром Македонским и к нему относить древние пророчества. При нем, Господь пошлет архистратига, который перебьет всех врагов. Но турки пришли и взяли все: и новый и старый Царьград. Оскорбленное национальное чувство не могло примириться с таким плачевным исходом. Отчаявшись победить своей силой турок, славянская интеллигенция перенесла свои надежды на венгров и на поляков. Но надежды рассеялись. Тогда ревностные патриоты обратили взгляды на таинственную и мало известную Москву: единоверный московский князь занял место национального "царя" и "самодержца". На него перенесли теперь древние пророчества, его окружили ореолом "единственного православного царя во всей Вселенной". Москву сделали новым Царьградом и "Третьим Римом". И таким образом, пробудили среди рабов национальное чувство. И в конце XV и начала XVI в.в., появляется политическая литература-халтура в Москве. Славянское и московское духовенство начинает без стеснения, титуловать князя "царем": он боговенчаный, он благородный, благоверный, великодержавный, поспешник истины, высочайший исходатай благоверия...

На московского князя, как некогда на болгарского Александра, переносятся пророчества: "русый род", которому по греческим преданиям суждено победить Измаила и овладеть семью холмами Царьграда, превращается теперь в "русский род". Однако, дожидаться осуществления легендарных или юридических прав на Константинополь оказалось для Москвы невозможным. Но от-

блеск Св. Софии должен был пасть на Москву и сообщить ей новый ореол и дома и за границей. И духовенство ринулось вперед. Если славу старого Рима и старого Царьграда сперва переносили на Тырнов, то теперь поддельную "историческую" схему без труда переносят на Москву. Митрополит Зосима об-являет: "царь Константин положил начало Константинограду, а государь и самодержец всея Руси Иван Васильевич-новый царь Константин-положил нача-ло новому Константинограду-Москве. А иннок Филофей прямо воспользовался в тех же выражениях знакомой уже нам формулой болгарского "писателя" о Александре; лишь добавил: "нынешнему православному царствию пресветлейше-го и высокостольнейшего государя нашего, -единого во всей поднебесной христианам царя, нет конца, как нет конца православию на Земле. Он являет-ся единственным уцелевшим в Мире браздодержателем святых Божиих Престо-лов, святой Вселенской церкви".

Под звуки этих песнопений, выдумок и химер, Иван III все же, нахлобучен-ную спешно "царевной" Зоей-Софией корону "Третьего Рима" по самые уши, зак-рывающей и глаза, сразу же надел ее набекрень. По этому поводу историк Милюков писал: "Московский" царь и самодержец", до новой теории, являлся продолжателем дела царя Константина Великого. Однако же, скачек был слип-ком велик-от старого Константина к новому Ивану. Но для полной убедитель-ности и наглядности, надо было эту преемственность установить историчес-ким фактом, совершившимся в пространстве и времени. В своей реальной поли-тике Иван выступал в качестве наследника княжества Киевского, как "своей Отчины и дедины". Он готов был принять роль и наследника Константина.

Задача была разрешена блистательно, при помощи все тех же прищельцев. Чтобы Византийское наследство не затемняло Киевского, лучше всего было-самого Киевского "прародителя" наделить этим византийским наследством, свя-зать его непосредственно с великими именами древности. Из двух Киевских "прародителей" Владимиров, крепче всех оказался, -к кому роль наследника Византии могла идти лучше, как не к тому, кто носил греческое прозвище Мономах, имевший по жене родственные связи.

Выдумывать фантастическую генеологию для оправдания национальных по-литических притязаний-не было новостью для славянских литераторов. Без сомнения и Иван III чувствовал уже необходимость в более пышных "истори-ческих" связях, которые бы могли лучше поставить его на одну высоту с им-ператором. Он делает попытку связать себя с Царьградом и Римом и при том не прямо, как легко было это сделать мужу Софии Палеолог, а именно через своих "прародителей", и его послы говорят германскому императору в 1489 году:

"Во всех Землях известно, -надеемся и вам ведомо, что государь наш-ве-ликий государь, урожденный "изначала от своих прародителей" и что прароди-тели его от давних лет были в приятельстве и в дружбе с прежними римски-ми царями, которые Рим отдали Папе, а сами царствовали в Византии".

Легенда, наконец, принимает конкретные формы, появляется в Москве целое сказание: "Август-Кесарь, по этому сказанию, ставит "Пруса", сродника своего, на берегах Вислы; потомок этого Пруса, в четвертом колене-Рюрик, переселя-ется из Прусской Земли на Русь. Четвертый потомок Владимира Святого-Вла-димир Мономах". Это прозвище дает составителю сказания повод рассказать целую историю, для которой, собственно, и придумано сказание. "Этот Влади-мир, по совету с князьями, боярами и вельможами, предпринимает победонос-ный поход "на Фракию". Тогдашний Византийский царь Константин Мономах, за-нятый борьбой с Персами и с латинянами, шлет к нему послов с дарами: "с коробочкой сердоликовой, из которой Август-Кесарь Римский веселился, с ожерельем "сиречь святыми бармами" со своих плеч, с золотой цепью и иными многими дарами царскими". Послы просят "боголюбивого и благоверного князя" принять "сии честные дары"-царский жребий во славу и честь и на венчание" его сильного и самодержавного царства, уготованный ему от начала вечных лет его "родства и поколения", -чтобы церкви Божии были безмятежны и все православие пребывало в покое под властью византийского царства и русс-

кого вольного самодержавства, чтобы русский князь "венчался" сим царским венцом, назывался боговенчанным царем и русского вольного самодержавства, и донные великие князья Владимирские, когда ставятся на великое княжение российское венчаются тем царским венцом, что прислал греческий царь Константин-Мономах. Несмотря на всеважность этой легенды и литературного творчества, Московская власть не сразу решилась открыто воспользоваться легендой и придать официальную санкцию".

Окончательное завершение этой легенды произошло во второй половине XVI века.

В Московском Успенском Соборе до сих пор хранится свидетель того момента, когда официально восторжествовала ложно состряпанная националистическая программа московской государственной власти. Это-царский трон с балдахинном, в форме шатровой крыши московских церквей, с дверцами на три стороны: на каждой из этих дверей изображено по четыре сцены. Тут же вырезан и текст, поясняющий смысл этих сцен: это та самая легенда о присылке Владимиру Мономаху греческим императором Константином Мономахом царских регалий.

В 1547 году Иван Грозный, под сенью изобразительной ловко легендой, торжественно венчался на царство и принял официально царский титул. А в 1552 году был сооружен и царский трон, якобы знак преемственности Византийского царства. В 1561 году Иван Грозный добился и формального признания легенды со стороны Константинопольского Патриарха. Правда, текст грамоты патриарха не так был написан, как хотелось бы "царю", но хитроумные дьяки немного подскоблили текст и дело было сделано, и московское правительство могло торжественно выступать со своими претензиями перед иностранными державами. Но эти претензии не сразу получали признание. Так, например, Польский король Баторий в 1581 году советует Ивану "не твердить басен своих бахарей/дьяков/про Пруса и про Августа-Кесаря, как про своих сродников. Но Иван IV Грозный победоносно опровергает сомнения своего соперника и пишет: "коли уж Пруса на свете не было, - пусть Баторий Стефан король нам обяснит, откуда же взялась Прусская Земля". При этом Иван, уверяя себя, что он царского происхождения и гордясь этим, возбуждает сомнение о Батории: может ли он-Иван "преемственник" императора, не теряя своего "высокого" происхождения, сноситься с Баторием, как равный с равным, т.к. Баторий "не от государственного происхождения, а от рыцарского чина". О Шведском короле Иван еще более низкого мнения, - "он мужичьего рода". Также он был в сомнении по поводу государя Индии: как ему отвечать на его грамоту: называть ли "братом" или нет? - и решил, что братом называть, - необходимо воздержаться: "так как неизвестно" государь ли он, или простой урядник", т.е. неограниченный ли он самодержец или конституционный с ограниченной властью.

А английской королеве он нагло писал: "мы думали, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь, а у тебя люди владеют, - и не токмо люди, а мужики... торговые, а ты пребываешь в своем девическом чине, как есть пошлая девица".

Также презрительно отнесся Иван к польскому королю Сигизмунду-Августу: "ты посаженный государь, а не вотчинный, как тебя захотели паны твои, так тебе в жалованье государство и дали; ты в себе и сам неволен, как же тебе быть вольным в своем государстве?"

Самовозвеличивание Ивана IV завершилось провозглашением полной независимости "русской" церкви от греческой и учреждения собственного патриархата/1589 г./ . По этому случаю московские борзописцы воспользовались опять таки легендой-теорией о Москве, как "Третьем Риме", о превосходстве "русского" православия, о религиозном преемстве от Византии, вместе с государственным. Вся литература-халтура того времени, послужила источником для государственного документа, санкционировавшего учреждение патриархии. Правда, что на практике это не соответствовало гордым национальным претензиям, - московский патриарх оказался последним в ряду вселенских патриархов и само согласие на учреждение патриархата было вырвано у греков насильно.

Торжество ложной теории о царственности Московии не ограничилось лишь правительственными кругами, но проникло и в среду неграмотного московского рабского населения. Когда известная легенда проникает в неграмотную массу, то закрепляется в памяти, но перепутывается в именах, событиях и датах, но общий смысл сохраняется. Какой же вид приняла легенда о приобретении московским князем царских регалий?

Герой легенды из Царьграда отправляется в Вавилон добывать регалии для Византийских императоров. Вернувшись назад в Византию, посланец Федор Барма/имя которого подсказано царскими бармами/находит на месте разгром царства и веры и отсюда прямым путем доставляет регалии единственному православному царю Вселенной/!/Ивану Васильевичу. Он застаёт его как раз в момент торжества православия над басурманами-татарами. "Тут было в Царьграде великое кровопролитие: рушилась вера православная, не стало царя православного. И пошел Федор Барма в нашу "Руссию" подселенную и пришел он в Казань-град и вошел он в палаты княженицкие, в княженицкие палаты богатырские... И улегла тут порфира и корона с града Вавилона на голову грозного царя правоверного Ивана, царя Васильевича, который рушил царство Прокходима/татарина/поганого князя казанского".

Итак, история Московии создавалась на грабежах, чудовищных насилиях, неслыханных бессмысленных убийствах, и на жульнической подделке исторических фактов преемственности Москвой Византийского царства, установлено было величие царского самодержавия. "Отец Грозного Василий III предпринял поход против литовцев для водворения там "православия", взамен православия католического. Он перебил и увел с собой три четверти жителей из четырех, коих после того продал татарам, торгующим рабами, а вместо их поселил столько же своих московитов, сколько могло быть достаточным для осиления оставшихся туземцев вместе с его же военным гарнизоном"/говорит летописец/.

За один только раз в 1488 г., говорит историк Платонов: "привели из Новгорода более 7.000 людей на Москву".

В 1468 г. большая рать Ивана Грозного опустошила всю Черемисскую Землю. Летопись говорит: "Много зла учиниша земле той, людей иссекаша, а иных в плен поведоша, а иных изожгоша, а кони их и всякую животину чего нельзя с собой имати, това иссекоша, а что было живота/имущество/их то вся взяша; и повоевали всю Землю ту достоль пожгоша".

Планетарные грабежи московитов Великого Новгорода, Пскова, Вятки, Твери, Рязани и Киева, сопровождались потоками крови и насилием женщин. Летопись говорит: "Иван III бесчисленного добра набрав, в Москву отвез самых перлов, злата, серебра и камней многоцветных триста возов, кроме иного богатства; не пощади же никого тамо ниже церквей и оста великим властелином, иже недавно в великой неволе у татар заволжских бяша".

А про Ивана IV говорится: "А церковную казну по обителем и по церквам, и иконы, и кресты, и пелены, и сосуды и книги и колокола поима с собою"...

Из этого перечисления следует, что Литва, Черемисская Земля, славянские республики были "вотчины наших прародителей", к коим надлежало присоединить "Прусскую Землю", тоже "прародителя нашего Пруса", но... вышло иначе. Затеяв Ливонскую войну для захвата портов Балтийского моря, вынужден был отступить с большими потерями.

Вот таким образом шла колонизация Москвы: захватывались соседние с нею Земли, подчиняли их, а по-просту сгоняли живших на ней народы, строили города-крепости и поселяли своих крестьян Московии, как верных рабов. В этом колониальном движении не было ни подема духа, ни риска, ни отваги, ни мудрости, свойственной колонизации. Пример Ивана IV был всецело восторженно принят наследником царей Сталиным, непощадившим для колониальной политики угробить 60 миллионов невинных людей, из части покоренных народов, история повторяется!

Историк Платонов говорит: "В конце XV века Московская Русь/!/представляла собой крупное государство с сильной верховной властью, об,единявши

вокруг себя всю великорусскую /! / народность / из кого же она состояла? /, великий князь, по выражению В. П. Ключевского: "шел к демократическому полновластию,..."

Если одни из "лучших" историков / Платонов-Ключевский / отождествляют тиранию с демократией, то не следует удивляться и Сталину, назвавшему грабительский народ Московии: "народной демократией".

Из всего этого следует, что грабежи других и убийства народов москвитями были и есть идеалом государственного управления рабского московского царства. Впрочем, Иван Грозный, как "помазанник Божий", воцарился, имея монархическо-демократическую программу, под влиянием одного из мудрых, того времени, попа Сильвестра, а также литературного сочинения Ивашки Пересветова, который резко подчеркивал, прежде всего, именно те бедствия низших классов, которые вызваны господством боярской партии. Он утверждал, что вельможи, завладев царством, "не дадут управы на сильных-бедным и беспомощным, слаботу человеку невозможно ни в городе жить, ни от города хоть на версту от, ехать. Поэтому, многие, чтобы избавиться от бед, отдаются во двор к вельможам. А Бог не велел друг друга поработать. Бог сотворил человека самовластным и повелел ему быть самому себе владыкой, а не рабом. Мы же берем человека в работу и записываем его навеки".

Какой же выход? Пересветов советует: "такой сильный государь, как царь русский, должен со всего своего царства доходы брать прямо себе в казну, а из казны платить военным и гражданским чиновникам ежегодно жалованье, чем им можно прожить с людьми и с конями с году на год".

Мысль как будто демократичная, но задняя мысль тотчас обнаруживается, когда Пересветов продолжает: "За военные заслуги царь должен награждать воинов, к себе близко припускать, жалобы их позлащать и тем сердца их утешать. Тогда и вельможи перестанут неправедным сборником богатеть, да родами считаться, да местами местничаться и тем цареву воинство ослаблять. Имея в своих руках воинство, царь уже сможет вельмож своих волячески искушать и боярами своими тешиться, как младенцами; вельможи начнут бояться царя и ни с какими злохитростями не дерзнут к нему приблизиться".

Из этого видно, что программа Пересветова не на стороне крестьян против их владельцев, а на стороне "воинства" против "вельмож". Но, ведь, "воинство" хотя и не богатое, но все же владельцы крестьян, и если скажется, что прямых сношений с крестьянами, минуя господ, установить нельзя, а интересы "воинства" - интересы государственные, то власть царя ни на минуту не задумается отдать "самовластного человека, владыку самого себя", своему "воинству" в работу на веки".

Но тем не менее, для развития этой мысли Пересветова, интерес сосредотачивается на борьбе против "вельмож" и приписанных им социальных бедствий, на кого бы они не падали. Правая рука Ивана Грозного Борис Годунов зять царя - озабочился даже наглядным образом пропагандировать эту программу и заказал сделать и расписать Грановитую палату картинами, в которых царь изображен был то "кручинившимся" от "крамолы вельмож"; то вручающим судье праведному - меч отщепенца. Тут же вдовица просит управы на обидящего вельможу. А в ранней росписи 1552 г. соседней Золотой палаты не была забыта даже "избранная рада" и поп Сильвестр - высший источник царевой мудрости.

То и другое направление, конечно, никакой социальной пользы не принесло, а было лишь средством борьбы за власть. Кто бы не богател от "крестьянских слез и крови" - вельможи - конституционисты или защитники самодержавия, не могли осушить мирских слез и убавить потоки крови, которые разлились в колоссальных размерах. Правительство в общем свело демократическую программу к совершенно иной задаче, конечно, тоже не легкой, т.к. для ее осуществления понадобилась "Опричина" и крепостное право, иными словами - революция сверху, повлекшая за собой "Смутное время".

Когда единовластие царя стало угрожать разбогатевшие князья Рюриковичи, твердо настаивающие на совместном управлении государством, выдвигая

тезис: "царь и совет бояр", то решительный и властный Иван IV, не лишенный ума, прибегает к хитрости. Объявляет народу Москвы, что он, вследствие неповиновения бояр, не в силах управлять государством и уходит от власти в монастырь, а вместо себя коронует татарского царевича Семена Бекбулатова. А так как в те времена Крымский хан совершал победоносные набеги на рубежи Московии и захватывал даже столицу Москву, уводя сотни тысяч пленных для торговли рабами, то москвичи переполошились и осознавая, что без единой власти царя защита государства от набегов татар невозможна, то и понеслись многочисленными толпами к монастырю, умоляя Ивана принять вновь трон, крича: "ты волен, царь-государь, в жизни и смерти каждого из нас, в чем мы даем тебе крестное целование".

Облеченный полнотой власти народом Москвы, Иван приступает к созданию своего рода конституции самодержавия, в которую вводит новую государственную организацию, под именем: "Опричина". В состав этой организации, после тщательного подбора, принимаются люди из низшего служебного военного персонала, из полицейских, сынов-сирот, не имеющих родителей, отчаянных головорезов. Для этого сброда устанавливаются преподавательские курсы, на которых читаются лекции о святости государства, во главе с царем-самодержцем, для защиты которого каждый опричник не должен жалеть своей жизни и вскрывать всех непослушных, всех изменников, бояр уничтожать беспощадно, и если необходимо, то не щадить даже своих отца, матери, брата. Все это закреплялось торжественной присягой. Доносы, шпионаж, провокации приняты в широких размерах пышный расцвет.

Во главе "Опричины" был поставлен опытный обер-палач Малюта Скуратов, для возвеличивания которого Иван IV женил своего первого сына, впоследствии убитого самим царем, на дочери Малюты. Скуратов - "око государево", довольно политически грамотный, стал энергично проводить в жизнь государственную программу. В чем же она заключалась? Класс богатейших бояр, а также непослушных, подлежал уничтожению не только морально, но и физически. Красная площадь Москвы не смогла сразу впитывать потоков крови. Головы бояр летели, как мыльные пузыри. Имена и имущество казненных национализировались. Опричники с эмблемой власти: топорик для отсечения голов непослушных и метлой для чистки государства от изменников, рыскали по всем дорогам Московии и произносили тогда страшное слово: "слово и дело государево" над подозреваемым. Такого хватали, сажали в застенки, подвергали страшным мучениям, допытываясь о их соучастниках и в конце концов истязавши до потери сознания, вытягивали у жертвы признание и... голова летела с плеч...

Сопротивляющихся бояр зарубали на месте с их женами, дочерей и девушек насилывали, сыновей убивали.

Это послужило впоследствии к созданию "народной демократии" Сталину, загнав крестьян в колхозы.

Государственная система Ивана Грозного-Скуратова это-прообраз Сталина, для его России-СССР, которая ничего нового не внесла, приняв образ управления без существенных изменений, модернизируя лишь меры устрашения и инквизиции до небывалых жестокостей. И лишь изменив название: истерически природный большевизм Ивана Грозного был назван "коммунизмом", да топорик и метла заменены эмблемой "серпа и молота". Первый символизирует резать не рожь или пшеницу, а горла, а второй-кропить черепа, мечтателям о несуществующей Свободе.

Так как идея большевизма-коммунизма не должна захватывать одну только рассудочную и разумную жизнь человека, но человека всего, его чувства и волю, он-большевизм/коммунизм/хочет владеть всем человеком, его умом, сердцем и душой, то и большевизм Ивана Грозного-Скуратова тоже повелевал всецело человеком с его пятью чувствами. И когда потребовалось Ивану Грозному повелевать и душой верноподданных, от имени которых пытался выступить на Земском Соборе Патриарх Филипп 22 марта 1563 года, призывая царя прекратить напрасное кровопролитие и беззакония, напоминая ему о

долге христианина и о том, что и цари земные могут предстать перед Божьим судом, то по повелению царя патриарх был заточен в Тверской Отричь-монастырь, где 23 декабря 1569 года Патриарх Филипп был задушен посланным царем Малютой-Скуратовым самолично, не доверяя другим. После этого духовенство превратилось в полицейское тайное сословие, послушное Скуратову-выпытывать у молящихся на исповеди тайные преступления, донося опричникам. Таким образом, в системе управления Ленина-Сталина ничего нового в церковном отношении не произошло: была и есть полицейская церковь, кощунственно названная "православной" и "христианской". Лишь эта церковь украсилась тем, что патриарх Алексей Московский за то, что Сталин угробил 60.000.000 безвинных людей, слал ему благословение от имени своей церкви/Московской/, за что награждался высшими орденами, наравне с чекистами Ежовым, Ягодою и пр. негодьями.

Какая же может быть "душа" у москвитов/"русских"/, которые, считая себя вестями нацией, грабят имущество поработенных народов империи, числом 102 народности, истязуют их, убивают, рассылают по Сибири и гиблым местам концлагерей, уничтожают миллионами, превращая оставшихся в бессловесных рабов.

Даже весь XVIII век красовался безумными преступлениями, когда не только убивали и ссылали в Сибирь или мучили в тюрьмах, но и сажали на Кол-особенно любимое истязание москвитов/"русских"/.

Почти две тысячи лет тому назад, когда Христос в содружестве двух разбойников был пригвожден гвоздями за руки и ноги, то весь Мир содрагался тогда перед созерцанием Голгофы. Но, ведь, более мучительные переживания и страдания испытывали те несчастные, когда кол пронизывал все внутренности человека, то для носителей "христианского" государства, величаемого себя "Св. Русью", это считалось вполне нормальным и никто от этих безумных и гнусных преступлений, физически не содрагался, безусловно, не имея никаких моральных эмоций.

О какой же душе "русского"/москвитского/ народа и о его религиозных основах "богоносца", так назойливо болтают псевдо-историки Московии-России? В пределах этого преступного государства был и есть народ-садист! И не даром И. Сталин восторженно принял метод управления Ивана Грозного, считая его идеалом правителя для создания рабского государства, коронованного москвитами/"русскими"/ титулом "великого" и "отца народа".

Как же рассматривают прошлое государства Московии так называемые "антикоммунисты"-эмигранты москвиты/"русские"/?

В №1865, 1962 г., в газете "Русская мысль", сказано: "нам оставлено в наследство: национализм без национальной исключительности, духовная культура на основе свободы личности и свободного творчества, светлое, радостное и деятельное человеколюбие и милосердие, мир всего мира и в человеке благоволение". И это не выдумка, не омерзительный анекдот, а факт возвеличивания Московии до грандиозных песнопений. В этом "антикоммунисты" не только догнали коммунистов, но своим бестыдством и враньем перегнали борзописцев лживой Московии-России.

В течение двадцати лет/1565-1584/, пишет историк Платонов: "Опричина" охватила половину государства и разорила все удельные гнезда, сокрушив княжеское землевладение и разорвав связь удельных "владык" с их родо-ми/!/удельными территориями. Цель Грозного была достигнута. Взамен уничтожаемых княжеских вотчин, представлявших собой крупное земельное хозяйство, выростали мелкие поместные участки служилых людей: при этом разрушалась сложная хозяйственная культура, созданная многими поколениями хозяев-князей; гибло крестьянское самоуправление/!/, жившее в крупных вотчинах; отпускались на волю боярские холопы, менявшие сытую жизнь боярского двора на голодную и бесприютную вольность. Эта реформа должна была вызвать недовольство населения. А способы проведения реформы вызвали его еще более. Реформа сопровождалась террором. Опалы, ссылки и казни заподозренных в измене князей и иных людей, вопиющие насилия опричников над

"изменниками", кровожадная злоба и распутство самого Грозного-пугали и озлобляли народ. Он видел в "опричине" непонятный и ненужный террор и не угадывал его основной политической цели, которой правительство открыто не обясняло. Правда, знать была разбита и рассеяна, но ее остатки не стали лучше относиться к династии и не забыли своих владельческих преданий и претензий. Не успел Грозный закрыть глаза, как в самую минуту его кончины, Москва уже бурлила в открытом междоусобии по поводу того, быть ли вперед "Опричине" или нет?, а князья, придавленные железной пятой тирана, уже поднимали головы и обдумывали способы своего возвращения к власти. Англичанин Дж. Флетчер/посол/находил: "что варварские поступки Грозного так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что, повидимому, дело должно кончиться не иначе, как всеобщим восстанием".

"Мало по малу", продолжает Платонов, "на всем пространстве служилое землевладение достигло крайнего развития и захватило в свой оборот все земли, кроме "дворцовых". При этом, тяглое население оказалось сплошь на частных владельческих землях, и гражданская свободная/!/крестьянская община исчезла. Общинное податное устройство крестьян могло сохраниться лишь там, где крупное хозяйство охватывало целиком истаринную/!/бытовую крестьянскую волость. Опричина распространила порядок помещного владения на княжение вотчины и этим окончательно искоренила крестьянское самоуправление/!/в государственном центре".

Платонов, будучи сам дворянином, под влиянием атавизма-наследственных черт своих предков, сам того не замечая, становится защитником княжеских вотчин, якобы содержащих "крестьянское самоуправление", вводит читателей в явное заблуждение: никакого "самоуправления" крестьян на практике не было и в помине, а было лишь общинное податное сословие, с кожи которого князья и драли доходы и чрезмерно богатели. Этому процессу "крестьянских слез и крови" Грозный и хотел положить конец, применяя террор опричины. Задумывая реформу, он, повидимому, и намерен был довести ее до конца, т.е. ввести в помещное частное землевладение служилого класса и крестьянское самоуправление, но не довел свою реформу до конца-смерть помешала!

Нельзя допустить той однобокой мысли, что Грозный руководствовался лишь одной злобой против развративших чванливых князей, не создав опоры для себя в народе, ибо прослойка-служилый класс-не являлся монолитной защитницей царя. Ведь всеми признано, что Грозный обладал и большим умом государственного характера. Но развивающаяся неизлечимая болезнь-сифилис-свела его в преждевременную могилу. Доказано уже историческими фактами, что носители этой болезни обладают не только жестокостью, но и большим умом, граничащим с гениальностью. Таковы последователи Грозного: Петр I и Ленин I, имевшие у себя орден Сифилиса, сопряженного с манией величия.

Другой вопрос-можно ли допускать до управления государством таких маниаков, но что манией величия их было то, что они должны быть все самодержцы для планетарного создания всемирного рабства, а не духовного возрождения народов, то это-Истина, от которой всячески отвертываются Москвиты/"русские"/своими ложными песнопениями о "великой" душе "русского" народа.

Впрочем, и сам Платонов в дальнейшем не говорит о "самоуправлении", а повествует так: "трудовое население центра не желало оставаться на местах, где оно теряло личную свободу и с него возможность пользоваться и распоряжаться землей, на которой оно сидело и трудилось. В нем, как бы, оживала вековая тяга на "новые земли" и при первом же случае крестьянин и холоп "сходили" с боярского двора и постылой помещичьей паши. Политическая обстановка того времени очень способствовала такому уходу. Власть закрепляла за собой завоевания Грозного. На широких пространствах, бывшего Казанского царства/по-московски "Низа"/, становились города, водворялись служилые земледельцы. Это земледелие нуждалось в крестьянском труде. Выходя из старых гнезд, с верхней Волги и с верхней Оки, холопы знали, куда им можно идти. Новые места манили к себе переселенцев своим простором, прелестью

климата, богатством почвы, лесов и рек. Выходило так, что власть одними мерами, как бы, гнала угнетаемый народ из внутренних областей, а другими привлекала его на окраины".

По этому поводу, историк Милюков на стр. 69, пишет: "по мере того, как исполнялась мечта московских публицистов и расширялись пределы государства - особенно на Восток и Юг, все многочисленнее начинали становиться побег от московских порядков на привольные окраины. В последнюю четверть века, эти побег сделали массовыми и стали грозить чуть не полным обезлюдением старого государственного центра. Владельческому классу и хозяйству центра грозил полный разгром, и правительственная власть, смотревшая вначале на беглецов, как на пригодный материал для колонизации, в конце концов, принуждена была переменить взгляд на побег и отождествить свои интересы с интересами хозяев-служилых людей. При этих условиях не могло быть и речи о последовательном проведении намеченной Пересветовым и принятой Грозным идеи демократической монархии, о защите самодержавной власти "автономии личности" от покушений правящего сословия на ее свободу. Единственное средство, употребленное властью для этой цели - земская реформа Грозного - не только не противопоставила интересов крестьянства интересам служилых людей, но, напротив, делало служилого человека выборным представителем Земства".

Таким образом, историк Милюков, как бы, внутренним светом озаряет Земскую реформу Грозного, которую он вследствие скоростной смерти, не мог осуществить. Города пустели, а особенно, когда-то, богатейшая самостоятельная славянская республика Великого Новгорода, потеряла к 1582 году 80% населения, по словам историка Н.Ф. Яницкого: "к войне /Ливонской/ и к торговому параличу присоединились здесь и другие причины: по современным выражениям, край пустел, кроме войны, от царевых податей, от помещика насилия /московитов/, от хлебного недорода, от опричины. По сложности разрушительных влияний Новгородское запустение явно превосходит прочие области государства и получает характер "ужасающего, по своим размерам, несчастья". Можно сказать, что вся Новгородская страна обратилась "в пусто".

Часть Новгородцев бежала на Дон и была быстро ассимилирована Казачьим народом; другая часть бежала на север, к Белому морю с Зосимой во главе, который совместно с Савватием - Донским казаком и создали громаднейший Соловецкий монастырь, устройству которого удивляются современники прекрасной архитектуре и особенности верховья для спуска в Белое море кораблей. Благодаря неустанным трудам этих двух великих монахов Зосимы и Савватия и их особенной мудрости и любви к людям, искавшим свободного труда, большой торговле с Англией рыбой, мехами, оленями, строевым лесом, монастырь достиг, в непродолжительном времени, сказочных богатств. Жители благоденствовали. Селились люди разных племен, но москвичам было строго запрещено иметь там свои поселения.

Историк Платонов делит Московские владения эпохи Грозного на: 1/Замосковье, 2/Новгородские "пятинны" /что под этим словом "пятинны" скрыто, он не раз, ясниет и по своему шовинизму не хочет назвать Великий Новгород историческим именем "Новгородской славянской", но не русской, "республикой", прим. наше /; 3/ Низ, заселенный инородческими тюркскими племенами.

Как же сельско-хозяйственный порядок был вводим московской властью на "Низу"? а затем уже на "Диком Поле"? И мы читаем у Платонова любопытный аграрный закон тех времен, как прообраз современного порядка сельско-хозяйственного устройства в Коммунистической России - СССР:

"Волжский Низ" был приобретен завоеванием. На "Низу" сидели инородческие племена /черемисы, мордва, вотяки, башкиры/, не сразу признавшие московскую власть /было большое восстание мордвы под водительством Пургаса /и требовавшие над собой бдительного надзора. Московская власть ставила свои крепости, чтобы держать в повиновении и в порядке местный беспокойный люд. В ту пору, сила и средства, какие были необходимы для военных целей, правительство звало в новые области "сходцев" из внутренних областей и этим

способствовало перемещению народной массы и повальному опустошению центра. Народные силы переливались на окраины. Перед правительством естественно становилась задача использовать происходящий процесс в государственной пользе. Хозяйственный упадок центра лишил правительство доходов, надлежало получить эти доходы и службу с новых мест. На "Низу" она стремится водворить те самые виды земельных хозяйств, какие существовали в центре. Это потому, что "Низ" имел оседлое инородческое население и на этом местном базисе можно было легко основать и поместное владение. Инородческие земли раздавали помещикам и жаловали бояр и монастырям. В соседство к туземному рабочему населению рекомендовали "приглашать" русских работников-колонистов. Таким образом, московская колонизация "Низа" стремилась пересадить туда старые социальные реформы.

Иными словами: на непринадлежащей Москве земле, появлялись московские паразиты, в виде помещиков и монастырей, которые и выжимали все соки из порабощенного народа. Впрочем, Платонов и сам мягко говорит о этом так: "на основе инородческого быта и труда выростали там обычные формы московской общественности /хороша общественность с "батоком" в руке, прим. наше/. Там не успели сказаться острые противоречия между московской властью и боярами, между московским помещиком и крестьянином, но там зрел своего рода кризис-борьба за землю между аборигенами и пришельцами, властно хватившими земельные богатства плодородного края".

Таким образом, московское /"русское"/ понятие о колонизации сводилось к определенному захвату и грабежу среди белого дня не принадлежащих Москве богатств и порабощение местного населения.

"Иначе было на "Диком поле", продолжает Платонов. Там не было оседлого населения: оно кончалось в Калужских, Тульских и Рязанских местах, а за ними на Юг в первой половине XVI века, по слову летописца "поле бе", т.е. простиралась пустыня без городов и сел, без пашни и иных хозяйственных заимок, лишь с временными "станами" и "юртами" охотников и рыболовов. До середины XVI века в этой пустыне хозяйничали татары; их "казаки" рыскали у границ русских поселений и "искрадывали" русскую Украину разбойничьими набегами".

Что могли татары "искрадывать" там, где по слову Платонова была пустыня, и что это за татарские "казаки", он не поясняет, с явным намерением скрыть исторический факт о том, что когда армия татар, под командой Батия, вторглась в пределы Поволжья, то Казачий народ, проживающий на Дону, вступил с татарами в договорные отношения на основах федерации, начиная с 1223 года и участвовал в войне вместе с татарами против Киевских князей-Рюриковичей на р. Калке.

Чтобы запутать читателя Платонов повторяет: "на Поле бродили татарские отряды и русские "станции", с одинаковой склонностью к законной и незаконной добыче".

Мы должны опровергнуть этого "мудреца", что русских "станций" никогда до татар и после них не существовало, а были станции только Казачьего народа, но не "русского"-московитского. Также мало убедительным можно признать и то положение, что если татары и "станции" и пользовались незаконной добычей, то незаконность Москвы по отношению к порабощенным народам выражалась вдвойне, если не больше. Так что фиговый листок совершенно отпадает, для прикрытия "законных добыч" Москвы.

Не задитив основательно законность Москвы, Платонов торжественно пишет: "Но в середине XVI века дело изменилось: преобладание перешло к русским "казакам", выходящим на Поле из Московского государства и Литовско-Польских украин. "Ныне, государь, казаков на Поле много-и черкасцов, и киян и твоих государевых: вышли, государь, на Поле изо всех украин", так донесил Путильский всевода в 1540 году. В различных местах Поля появляются русские / / Казачьи городки, и один из них Раздоры на Дону-служат как бы центром для бродящих по Полю казачьих "станций", т.е. организованных казачьих отрядов. Во главе станиц стоят "атаманы"; они собирают вокруг себя тысячи казаков и с ними проникают с Дона на Волгу, на Каспий, на Яик. Они ведут

постоянную борьбу с татарами, грабят всех, кого застанут на полевых дорогах между Москвою, Днепром и Черноморьем; но они же охотно нанимаются на государственную службу. Казачество русское /! / сбило татар с Поля и у них Волги оба берега отняло".

Вот так "русские" казаки-рыцари, восторженно воскликнет русский москвит, прочитавший эту торжественную тираду Платонова, но несколько призадумавшись, задаст себе вопрос: почему же "русские казаки" такие доблестные, что "оба берега Волги отняли", появились только в 1546 году? И почему власть Московии не расплодила этих казаков ранее, терпя "татарское иго", начиная с 1240 года, т.е. на протяжении 300 лет?

Да потому, что "русских" казаков никогда в истории и природе не существовало, а были и есть Казачьи-Казаки, своего родного Казачьего Народа, жившего еще на Северном Кавказе три тысячи лет тому назад и переселившегося постепенно на Дон и Днепр.

Прежде, чем так лживо обосновать происхождение Казачьего Народа, якобы из беглецов Московского государства, Платонов, если бы он имел хотя бы примитивную совесть и приличие, он должен был бы опровергнуть историю Карамзина, коего называют москвиты "отцом истории", в которой этот историк-татарского происхождения говорит, что "история казаков скрыта в глубинах древности, во всяком случае ранее Батыева нашествия". Платонов также должен был бы опровергнуть и "Геродота русской истории" Татищева, который утверждал, что казаки были в рядах Хозарского царства, а Хозары пришли на Каспий в 230 году, а к VI веку новой эры Хозарская федерация из казаков, черкасов, мусульман была могущественной демократической империей, т.е. тогда, когда не только с Москве или Руси не было ни слуху, ни духу.

Расчитывая, повидимому, на наивных или глупцов, Платонов, однако, не смущаясь, продолжает: "не вошедшее в черту Московского государства, Поле стало, однако, русским и гостеприимно принимало в свои леса и на берега своих рек беглецов из государственного центра".

Настал как будто для беглецов из Московского Ада на Поле - "русский" Рай! Но так ли это было по Платонову? Читаем дальше: "необыкновенный быстрый рост казачества на Поле, конечно, был учтен московским правительством. Оно знало, с какой энергией перемещалась туда трудовая масса, бежавшая из внутренних областей государства, и очень скоро решило воспользоваться колонизационным /! / движением и ввести Поле в государственный оборот. Но поступить с Полем так, как было поступлено с "Низом", не было возможности: на Поле не было крестьян, стало быть не могло быть ни вотчин, ни поместий. Нужно было приспособиться к местным условиям и создать здесь новые социальные формы". В этой цитате довольно ярко выступает вся тенденциозная ложь Платонова, который, сам того не замечая, вскрывает свои противоречия: если на Поле не было крестьян, а по заявлению выше были казаки, то, ведь, этих казаков горе-историк считает беглецами из Московии, т.е. из той же порабощенной среды крестьян. Таким образом, этот псевдо-историк пойман с поличным в своей лжи.

Чтобы выбраться из лабиринта лжи, Платонов просвещает: "нужды обороны требовали того, чтобы южная граница государства была обеспечена от набегов Крымских Татар. Из стари эта граница совпадала с течением рек: Угры и средней Оки / т.е. 150 верст от Москвы / . Позднее, с распространением русского /! / населения / вернее мордвы-прим.наше / за р. Оку, граница перепла на линию Тулы и была укреплена: лесными засеками, рвами, валами, острожками. Занятие Поля русским /! / казачеством вызвало мысль перенести крепости южнее, а набег татар в 1570 году, заставили спешить."

В Москве систематически работали над планом захвата новых пространств Поля и перекинули укрепленную границу на р. Быструю Сосну; а затем, по черномоземной полосе между Тулов, Белгородом и Валуйками. Весь район Поля, где только что образовалось казачество, был охвачен городами-крепостями.

За их пределами и вне их влияния остались только те казачьи "станции", которые втились по нижнему течению Дона и назывались поэтому "низовыми

казаками". Верховое казачество составило особый вид служилого класса, под общим названием "приборных людей" атаманов и казаков служилых, пушкарей, стрельцов. Поле обратилось в пограничный военный округ, а его население, перебежавшее сюда, избавившись от частной зависимости на старых местах, попало в казенное ярмо на Новоселье.

Московский воевода, государевым именем укреплял юрты земли мелкопоместным "детям боярским" или "служилым атаманам", обходящимся без крестьянского труда. Собранные с Поля военные люди усаживались на оседлые хозяйства и, не возвращаясь "во крестьянство", однако, возвращались к сохе и папне.

Так, в течение трех-четырех десятилетий правительство успело догнать на Поле большую часть ушедшего из государства населения, запереть его в свое служебное ярмо и на нем основать целую систему оборонительных мер против татар. Здесь не существовало крестьянской "крепости" и холопией двора, но крепил и кабалил государева служба, а кроме прямой службы, угнетала государева папня. Эта государева, так называемая "десятинная" папня имела особое значение завести на Поле папню по недостатку хлеба в центре, щедро наделяя гарнизонных людей крупными пахотными участками. Сверх того, в каждом уезде заводилась папня "на государя" и все пограничное население привлекалось к обязательному земледельческому труду. Казенную "десятинную" папню пахали на казенных лошадях, казенной снастью, без всякой платы за труд и в таком количестве десятин, которое было явно непосильно для работников. Не установив еще на Новоселье своего хозяйства, они надрывались на чужом, плоды которого им не доставались вовсе. Казенного зерна пахари обычно не получали: оно, если не лежало в житницах, в виде мертвого запаса, то посылалось даже на Юг для содержания служилых людей. Ропот изнуренных работников заставил в конце XVI века кое-где сократить размеры казенной папни. Но в общем она оставалась бедствием для населения "украины" и Поля. Система мер, с такой энергией развернутая Грозным и его учеником Борисом Годуновым, была попыткой найти новые источники материальных средств в тех местах, куда стихийно перемещалась трудовая масса.

Каждый вдумчивый читатель, ознакомившись с аграрной системой царя Грозного и сравнивая ее с сельско-хозяйственной системой теперешней коммунистической русской власти, должен признать эти две системы вполне тождественными в главных чертах, отличаясь лишь одна от другой незначительными деталями. И для Ленина-Сталина не стоило особого труда напрягать свои умственные способности для введения, в пределах бывшей Российской империи, методов использования сил народных масс на ее огромных пространствах, — они просто воспользовались готовой программой землепользования царя Грозного-большевика/коммуниста/на троне в истинном его характерно-психологическом значении этого названия.

Для Грозного не нужны были какие-либо научные социальные программы, вроде Маркса и Энгельса. Он сам был проповедник и творец в Московии народного коммунизма/большевизма/, основываясь не на отвлеченных теориях, а на практическом познании психологии народов Московии, исторически на протяжении веков вовлеченных в орбиту безоговорочного подчинения народных масс и воплощения ими работы, которое стало второй натурой. О каких бы то ни было индивидуальных чертах народов Московии не могло быть и речи. Если они и проявлялись в среде знатных бояр, то головы их отскакивали, по повелению царя-коммуниста, на плахе, а остальная меньшая братия тряслась от страха. Для проведения социальной своей программы, Грозный создал государственную организацию Опричину, с матерым обер-палачем Малютой-Скуратовым. Ленин-Сталин, в подражание Грозному, установили грозную государственную организацию ЧЕКА-НКВД, око коммунистической партии". Вместо "десятинной" папни Грозного, были введены коллективные хозяйства — "колхозы", население коих обязывалось работать на "государство" до десятого пота и, получая нищенскую плату, не имело возможности жить по-человечески.

Во всяком случае на протяжении полувека, колхозники до сих пор не могут быть достаточно накормлены и одеты.

Если, по системе Грозного, работающему землепашцу для личных нужд разрепалась разработка приусадебной земли, 2-3 дня в неделю, то у русских коммунистов и этого не стало. Лишь в последнее время отведены приусадебные участки в минимальных размерах, обрабатывать которые приходится по ночам и праздникам, т.к. дневная работа обязательна на колхозных полях каждодневно.

Вместо казенных лошадей Грозного-коммунисты ввели тракторы, но запретив частную инициативу, результаты доходов не превышают доходов бывшего царя.

Если материальные средства, собираемые Грозным с трудового народа, шли на укрепление границ государства и обороны их от крымских набегов, то у русских коммунистов эти средства идут на пропаганду и расширение границ за счет покоренных народов.

По имеющимся сведениям, двор царя Грозного не блистал какой-либо пышностью; для коммунистических царей обширный Кремль с его комфортом, становится узким, всюду строятся виллы, дачи. Все лучшие курорты в Крыму и Черноморью в их распоряжении, как и роскошные вагоны поездов для их передвижений. Имеются также прекрасные дома отдыха для особо усердных чекистов, для поправки нервной системы, после многочисленных расстрелов, что даже не разрепалось Грозным своему ученику Малюте-Скуратову. Если на пиру во дворце Грозный пил сивуху-самодельную, то коммунистических царей не удовлетворяют уже изысканные вина.

Лица самого царя Грозного и его сановников не блещут особой упитанностью, все они сухопавы, следовательно, питание было скромное. Посмотрим же на фотографии современных русских коммунистических сановников, это разжиревшие кабаны, в особенности блещет необъятными размерами физиономия маршала Малиновского, ясно, что малый дорвался до бесплатного мяса. Да и фигура самого Хрущева под стать маршалу. И все это за счет трудового народа безвольного, приниженого исторически, проживающего в беспросветном рабстве.

Как известно, Грозный уничтожил вотчинное богатое владение боярства, роздав их земли служилому люду, т.е. помещиному дворянству. По этому поводу бояре говорили: "Обидно стало, что царь zelo верит писарям, а избирает их не от благородного роду, но паче от поповичей или от простого всенародства, -и то творит, ненавидячи вельмож своих и эта "обида" с одной стороны и "ненависть" с другой-были тогда явлением новым, и это была не борьба старого стжившего боярского и нового нарождающегося порядка коммунистического, а было борьбой двух политических идеалов, формулированных в знаменитой переписке Грозного с князем Курбским-демократом.

"От чего же государь и самодержец называется, как не оттого, что сам строит", писал Грозный... Иностранцы государи царствами своими не владеют; как им велят подданные их, так и владеют. Потому и погибли эти царства, что цари были там послушны епархам и синклитам; если царю не повинуются подвластные, никогда не прекратятся в стране междоусобные брани.

По настоящему земля правится не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами, а Божиим милосердием, всех святых молитвами, родителей наших благословением, а напоследок и нами, государями своими".

На такую точку зрения никак не хотел стать первый русский эмигрант, князь Курбский, добровольно покинувший "неблагодарное, варварское, недостойное ученых мужей, но всетаки любимое отечество". Он вовсе не признавал, что Бог отдал в работу его предков-предкам великого князя: для него это был просто "кровопийственный род", основавший свою власть на праве сильного. Политическим идеалом опального князя было-двоевластие царя и "избранной рады". Царь должен быть главой, а его советники-членами одного тела. Впрочем, князь-публицист не ограничивался желанием, чтобы участвовали в совете члены его собственного сословия, а шел дальше: "царь должен ис-

катель доброго, полезного совета не только у советников, но и у всенародных человек".

"Избранная рада" сильно занимала самого Грозного перед созывом соборов. Эти соборы были лишь в интересах поместного дворянства, но они не были собранием настоящих представителей, ни выражением мнений "всей земли", какими хотели бы видеть подобные соборы демократы, типа Курбского, попа Силиперста, всеводы Адашева и др. Грозный создал своих военных слуг-офицеров, занимавших известные посты, и потребовал от них не столько их востума, сколько простой экспертизы - в виде ответа на определенно поставленный вопрос о их служебной годности, в данный момент внешней и внутренней политики.

Таким образом, оказывается, что в момент первого появления такого, по видимому, интересного учреждения-собора-историку общественного движения в тогдашней Московии, просто нечего делать: все сводилось к диктатуре, а социальная нотка "всей земли" еле звучит в подполье.

Этот политический опыт царя Грозного полностью усвоила и на практике применила русская коммунистическая власть, сделав лишь небольшую перестановку действующих лиц: вместо царя стала коммунистическая партия, которая по проверенному уже опыту царем созывает время от времени "соборы" - пленумы партии, от которых вовсе не требуется востум, а лишь простая экспертиза по затрагиваемым вопросам, а уже совету министров предоставляется всемогущая "царская" власть принять то или иное решение и по-прежнему снто пытаться мирскими слезами! И если в эпоху царя Грозного у подвластных рабов существовали: душа, тело и паспорт, то при коммунистической русской власти душа народа естественно испарилась, а осталось: тело и паспорт, - без которого двинуться из-за железного занавеса абсолютно нельзя, а также и в орбите этого занавеса паспорт, да еще "трудоу" играет первенствующую роль для власти и трасуцагося обладателя этой роковой бумажки.

Итак, на бывших престолах Империи ничего нового под Луной нет, все идет своим нормальным, естественным историческим природным процессом рабовладельческой духовной структуры. Коммунизм, как натуральное явление, был и есть в природе Московии, от грабителя Еурика до наших дней. Всякие научные теории Маркса-Энгельса лишь фиговый листок, прикрывающий только лицемерно исторический коммунизм.

Не лишним считаю ознакомить читателей с тем, как сам Маркс относился к московским революционерам. Он был близко знаком с такими, как Бакунин, Анисимов, Сазонов, двумя Толстыми, заявлявшими себя горячими поклонниками теории Маркса, но когда обнаружилось, что Яков Толстой, бывший декабрист, состоял на службе царского правительства, в роли шпиона, то у Маркса явилось сомнение в революционной искренности московитов. Анненков и Сазонов вернулись в Россию и отказались от взглядов социализма. Бакунин повернулся против Маркса за его недостаточную революционность.

И сам Маркс писал: "русская молодежь воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она гонится всегда за самыми крайностями, что дает Запад", и продолжает: "странные встречаются между русскими эмигрантами личности: они живут за-границей, называют себя эмигрантами, говорят всегда не иначе, как под секретом, несмотря на то, что называют себя эмигрантами, болтают на каждом шагу. скомпроментироваться, а потом, смотришь, возвращаются в Россию и живут там преспокойным образом".

Вот это лицемерие и особенно боязнь, привитая веками натуре московита, верно подчеркнуты Марксом. И вся пумиха московитов, что они идейные сторонники Маркса не что иное, как лицемерие. Исторический процесс Московии идет верно и неуклонно по раз намеченному пути коммунизма и неусыпного мессианизма захвата Земного шара. Пионерами этого мессианизма надлежит считать во первых, царя Ивана Грозного, затем царя Петра I с его завещанием захватить Европу, а в конце уже концов Ленина I с его последователями.

Мы должны признать, что московское самодержавие было подготовлено длин-

ным процессом, в основе которого лежала не общая идея необходимости сильного государства, а частные, своекорыстные стремления враждовавших между собой князей. Мы также признаем, что начало процесса было вполне стихийным. Но это не мешает нам не видеть ни в процессе борьбы, ни в его результате ничего случайного, а считаем, что это было проявлением внутренней иррациональной тенденции, так называемого атавизма-наследия предков рабовладельцев. Мы не отрицаем ни субъективных проявлений, ни страстей, развивавшихся в этой смутной, тяжелой и часто трагической истории образования московского государства. Но, так как, мы ищем все же социальную Истину и Правду, а не только нравственные поучения, то мы поневоле ищем в этом историческом процессе элементы сознательности. Носителем этого сознания являлась, конечно, не вся народная масса - т. наз. "общественное самосознание", - оно было слабо. А главнейшие исторические деятели той эпохи, т. е. представители власти и их советники. Роль их была значительной.

Но "значительность" роли современных деятелей Московии/России-СССР/, мы объясняем следующими факторами: нормально развивающийся исторический процесс рабовладельчества, неограниченные численно народные массы, слепо повинующиеся новым владыкам, так сказать по инерции раболепия, колоссальные материальные средства, громаднейшие пространства русской коммунистической империи, абсолютно, казалось бы, невозможные для завоевания, вера в коммунистическую идею, долженствующую захватить Земной Шар. Вот этот простор широкий дает импульс новому коммунистическому дворянству достигнуть своей цели... А, вдруг, загремят пушки? Не исчезнет ли та историческая боязнь владык, под влиянием грома, и не вспыхнет ли, сдерживаемый веками гнет, буря протеста, во имя светлого Дня Свободы и народного благоденствия?..

Внешняя политика Грозного всегда отличалась чувством высокомерия. Да и как могло быть иначе? Потомок Римского "Августа", наследник Византийской империи должен быть выше других правителей над народами. Миф о высоком происхождении был воспринят Грозным, как исторический факт, не подлежащий сомнению. О действительном же происхождении от варяга-грабителя не могло быть и речи. И как это не странно, но Грозный дал, как бы, тон для будущего построения Московии и империи, а именно: всякий миф происхождения Московии, а в особенности "русского" народа считать за исторический факт, а во внешней политике придерживаться высокомерия и всякие захваты и грабежи других Земель, по примеру своих "прародителей", как законное право. В таком смысле и повелась так называемая "русская история".

Величие происхождения, естественно, вызвало и чувства в неограниченных размерах государства. Это повело к тому, что Грозный для захвата портов Балтийского моря предпринял поход против Латвийских рыцарей и возникла "Ливонская война". Но т. к. московские войска не отличались какой-либо доблестью, за отсутствием выучки и отсутствием надлежащих полководцев, то Грозный вошел с Донской республикой в договорные отношения. В "Истории войска Донского" А. Г. Попова, изд. 1814 г., стр. 119, кратко сказано: "В 1557 г. было послано 3.000 казаков с Атаманом Павловым в Лифляндию, где казаками были взяты Нарва/порт/ и г. Юрьев/Дерпт/". В дальнейшем оказалось, что армия Грозного была абсолютно негодной и войну пришлось прекратить, развивши лишь внешнюю торговлю через Архангельск с Англией.

Тогда взоры Грозного обратились на Восток и Юг, для захвата Казани, Астрахани и Крыма. Первоначальные боевые действия были сравнительно удачны, пока командовал войсками князь Курбский, который, при помощи шеститысячного отряда Донского Атамана Сусара Федорова и заместителя его Ермака Тимофеева, взял г. Казань в 1552 году. В записках Курбского сказано, что в первую линию были поставлены казаки, которые, взорвав пороховой погреб Казани, дали возможность Московским войскам вступить в город, во главе с царем. С захватом столицы Казанского царства, пало и все царство с подвластными ему народами. Неизвестно, по каким причинам, князь Курбский - демократ по убеждению - подвергся опале царя.

Два года спустя Грозный, при помощи Донского и Запорожского войск, овладевает г. Астраханью в 1554 году. Потеряв свою столицу, ногайцы разделились: Большой Ногай с столицей "Сарайчик" на р. Яике и Малый Ногай кочевья к юго-западу от нижней Волги.

А так как у казаков не было достаточных средств, а их Грозный не дал, то это и помешало казакам занять и все Астраханское Царство. Запладение Астрахани для Московского царства было бы делом, без казаков, совершенно не осуществимым, ибо Астрахань была слишком удалена от Москвы. Между нею и Астраханью никаких городов и поселений не было. Так или иначе, а достигнутые успехи вызвали решение царя, при помощи опять таки Донцов и Запорожцев, повести военные действия против самого сильного и опасного врага - Крымского Хана.

Крымские татары, искусные в быстрых походах, совершали часто вторжения в пределы Московии, захватывая тысячи пленных для продажи в рабство. Это одно, кроме грабежей имущества, играло немаловажную роль в экономике Крыма. На помощь крымцам всегда приходили ногайцы через р. Дон под Азовом.

Соединенные силы Москвы, Дона и Запорожья на протяжении трех лет, т.е. 1556-1558 г.г., вторгаются в Крым и наносят поражения туркам и татарам. Донцы и Запорожцы гетмана Вишневецкого разбивают татарскую конницу на р. Айдаре, притоке Северного Донца.

В это же время Кубанские Черкесы, сохранившие еще христианскую веру, отнимают у турок г. Тамань и г. Темрюк, на Азовском побережье и казалось, что в течение следующего года с Крымом будет покончено и опасность не только вторжений татар, но даже возможность нападения Турции отпадали бы. Но этого не случилось: способные полководцы Адашев и Ржевский были отрезаны, Москва устремилась идеей приобщения к "Третьему Риму", утверждением царского самодержавия, вводилась государственная организация "Опричина", разгром Великого Новгорода, бесчисленные казни высших сословий. Все это повело к внутреннему потрясению и ослаблению государства. Также сказывалось и болезненное состояние царя от сифилиса. Все это дало возможность Турции приступить к активным действиям, сперва против Донских казаков, которые совершали походы на суше и на море в пределы Турецкой империи, а затем войну перенести в пределы уже самой Московии.

Во исполнение этого плана, была поставлена цель: "сбить казаков с Дона", прорыть канал между Волгой и Доном, соединить водным путем столицу империи Константинополь с городами Казанью и Астраханью, широко использовать местные богатства, а затем уже повести войну против Московии для ее политического уничтожения. И, действительно, весной в 1569 году Турция посылает от Азова к Переволоке громадный флот/300/судов; кроме того сухопутьем двигает 70.000 войска, привлекает войска Крыма. Соединенные силы, в общем доводятся до 300.000+50.000 рабочих.

Донские казаки, учитывая свою малочисленность и то, что походное войско Атамана Михаила Черкашенина находилось в Лифляндии, решают уклониться от боя против такой многочисленной армии, вооруженной изобильно, разрушают все свои городки по нижнему Дону, забирают свои семьи и движимое имущество и уходят частью на Северский Донец, в пределы Гундоровского юрта с его лесами, а часть на север от Переволоки. И как потревоженные пчелы, после разбитого улья ожесточенно переходят к партизанским военным действиям.

На севере, за Переволокой, руководство принимает сам Ермак и Атаман Богдан Брызга-побратим Ермака. На Сев. Донце операциями руководит Атаман Сары-Азман, построивший первое укрепление Раздоры, при впадении Донца в Дон. Зная прекрасно поля военных действий, между Доном и Волгой, с их буераками, горами, лесами по речкам, броды и пр., днем и в особенности по ночам производят одновременно, но в разных местах налеты на турецкие караулы, на их обозы, захватывая провиант и боеприпасы, прорываются иногда до главной ставки турок, не дают возможности им иметь отдых по ночам. Всю степь вдоль Волги казаки сжигают, обозы турок движутся по черной

уже Степи с привозным сеном. Конница турок постепенно превращается в пехоту, вследствие падежа лошадей от бескормицы, начинается оцепенение голод среди войска и рабочих, появляется заболевание, а разгром части войска казаками при движении ее к Астрахани, голод и мор, — заставляют турецкое командование не только прекратить работы по прорытию канала, но и к постепенному отступлению с большими потерями. Казаки, как корпуны, набросились на добычу. Путь бегства турок был усеян трупами лошадей и людей. В поражении турок приняли участие и Запорожцы. В довершение всех бед, когда флот отплыл от Азова, поднялся жестокий шторм, — много судов погибло с войском.

Если сами турки во главе со своим командованием подверглись панике, под воздействием жесточайших казачьих атак днем и ночью, то на Хана Крымского Девлет-Гирея это паническое настроение не отразилось. Это был страшный богатырь, колоссальной физической силы, необычайной храбрости и ярости против казаков.

Он иногда, опережая на коне свои, даже малочисленные группы всадников, врывался в ряды казаков и работая длинной палкой, наносил страшные потери среди казаков. Он не хотел вообще отступать и бился с казаками.

Атаман Брызга, дразня Девлет Гирея, что как и турки и он побежит от казаков, заставил последнего ринуться на Брызгу, а Атаман, чтобы дать возможность оторвать Девлета от его войска, стал уходить с небольшой группой. И когда уже Девлет был далеко от своих, опьяненный яростью, стал догонять эту группу, рубя казаков, то сам Брызга помчался к главной своей группе, ударил на оставшихся татар без Девлета и, те в панике помчались в направлении Крыма. Таким образом, Девлет остался один, по заранее намеченному плану Атамана Брызги. Обезумев от ярости, он гонялся за казаками и рубил их. В результате этой дикой охоты, конь под Девлетом пал и он свалился в высокой траве. Против него оказался только один казак, уцелевший от его рубки Гавриил Иванов/он же Ильин/, впоследствии соратник Ермака, до самой его роковой смерти.

У казака Ильина тоже пал конь, но он не показываясь в траве Девлету, шел за ним, как кошка, без шума. Девлет, обаятый жаждой шел по траве, повидимому, потеряв ориентацию направления на Крым, часто спотыкался, силы истощались. Наконец, он упал над прохладным, с какой-то жижицей, ручейком. Этим воспользовался Ильин и накинул на шею аркан. Девлет не сопротивлялся. Я тебя взял, я тебя и казню за смерть моих братьев казаков. Сверкнула палка и громадная голова отвалилась от туловища.

С точки зрения военной этики, мы должны отнестись с чувством презрения к тем войскам татарским, которые бросили своего царя одиноким среди воинственных казаков, но должны признать отвагу и доблесть этого царя-хана, который честно рубился среди чистого поля сражения и удостоить этого рыцаря, без страха и упрека, своим собственным чувством уважения, которого он — Девлет-Гирей вполне заслуживает, как пример доблести и чести.

Таковы законы войны!

Итак, блестящий план Турции окончился бесславым поражением, исключительно силами казаков Дона и Запорожья, без какой-либо помощи Московского государства. Но политическое положение несколько изменилось.

Кубанские черкасы, не получив от Москвы военной поддержки, принуждены были признать себя зависимыми от Турции и стали участвовать в походах на стороне Крымских татар. А к концу 1569 года Запорожцы, уйдя из Гундоровского юрта на Сев. Дону, прервали свой союз с Москвой, ибо по очию убедились в ненадежности этой союзницы, отказавшей в предоставлении продовольствия и боевых припасов и приняли союз с Польско-Литовским государством, а позже попали в ярмо зависимости от него.

Эти блестящие действия казаков ярко характеризуют различие духовной культуры казаков и москвитов/"русских"/ не только в храбрости, но и в морали. Донские казаки и Запорожцы представляли не "великоросский" оброд племен, захваченный силой, как это тенденциозно расписывают историки

Московии, что казаки-беглецы из Московии, а особый древний народ со своей идеологией, психологией, воинственными свойствами, военным историческим знанием военного дела, с высоким самосознанием свободы и равенства, выборной властью, т.е. всем тем, что противоположно москвитам/"русским"/.

Некоторые неудачи Грозного все же не охлаждают его чувства к расширению Московского горизонта. Он интересуется Востоком и после взятия Казани, он ведет разведку не только в пределы Сибири, но и южнее ее, но не доверяя своим воеводам он направляет в Тибет и Китай 30 июня 1567 года экспедицию двух Донских Атаманов Ялычера и Петрова, а в 1572 г. неудачно посылает в Сибирь воеводу с ратными людьми.

В "Древней росе Вифлиофик" про один из московских походов говорится так: "в лето 1572 года до Ермакова приходу в Сибирь за семь лет, от царя и великого князя Ивана Васильевича всея России, прислан был в Сибирь воевода с ратными людьми, проведать царство Сибирское и воевать царя Кучума. Но те ратные люди побиты от Кучума, царя Сибири, а оные в полон взяты, но многие от них того приходу утекоша..., а снаряд весь, и пушку и ядра и зелье порох и свинец, царь Кучум поимал себе". Разницу во всем, между москвитами/"русскими"/ и казаками, мы в Сибири наглядно увидим из описания похода Ермака.

Турция, после ее разгрома у Переволски в 1570 году, похода не возобновила и приняла решение применять к Москве лишь силы Крымского ханства. Как султан, так и хан прекрасно были осведомлены, что творилось в Москве, а именно: разгром республики Великого-Новгорода и Твери, о казнях Опричины, о внутреннем потрясении и слабости и решили воспользоваться этими благоприятными для них обстоятельствами. Учитывая это, Грозный направил в Царьград посольство, чтобы удержать турок и татар от агрессии, но успеха не последовало, а наоборот, ускорила поход. В том же году крымские татары с ногайцами и кубанскими черкасами, во главе самого хана, не только беспрепятственно вторглись в московское государство, но захватили даже столицу Москву и сожгли ее; сожгли также и необмолоченный хлеб, и с богатой добычей и пленными вернулись в Крым.

На следующий год поход возобновился, Москва собрала войско по р.Оке, укрепило позицию на 50 верст, оставив заслон против этой позиции, отряд Девлей-мурзы, обойдя позицию, зашел в тыл и начал разбивать воевод по частям. Общий крах представлялся неминуемым несмотря на преимущество огнестрельного оружия, которого у татар не было. И мурза Девлей и турецкие эмиссары уже расписывали кто и какую часть московского государства получит. Но, вдруг, среди татар пронёсся слух, что Грозный с многочисленными предами и Донскими казаками идет на выручку. Это заставило хана с богатой добычей, оберегая, спешно оставить Московию.

Из записок немца Генриха Шадена, состоящего на службе у Малюты-Скуратова, на стр.107, значится: "хотя Всемогущий Бог и наказал Русскую землю так жестоко и тяжко, что никто оного и описать не может, все же великий князь/Иоанн IV/ достиг того, что по всей державе стали: одна вера, один вес и одна мера". Можно лишь к этому добавить: а попробуй-против единой веры, веса и меры. При наличии сильной Опричины, то с головой необходимо попрактиковаться навсегда!

Описанные события ярко подчеркнули, что перед силами Крымских татар Московия просто беспомощна и одни только татары могут совершенно уничтожить независимость Москвы. А с другой стороны, эти события ясно указали, что силы турок и татар могут быть отражены только Казачьим народом, и потому политика Москвы должна была бы быть реальной в том, чтобы всячески помогать Казачьему народу продовольствием и боевыми припасами. Но между Москвой и Доном существовала социальная пропасть: с одной стороны за Окой была атмосфера рабства и самодержавие, а с другой-на Поле существовал республиканский образ правления с выборной властью и гражданской свободой.

Для московских крепостников Казачья демократия представлялась как

великий соблазн для их "верноподданных" и приводила бояр в состояние скрежета зубов, настаивая перед царем о уничтожении этой казачьей ереси. На этой почве между царем и боярами происходили стычки. Сам Грозный доказывал, что казаки, защищая свою Свободу, одновременно защищают и границы Московского государства. На почве этих трений происходили нежелательные явления в смысле защиты, как для Москвы, так и для развития лучшей боеспособности казаков, тем более, что в это время казаки стали возвращаться на нижний Дон от Переволоки, от Белгорода, от Гундоровского юрта на Донце, откуда ушел и гетман Вишневецкий со своими черкасами на Днепр, но группа в две тысячи его войска-Днепровских казаков, решила остаться с Донцами. Часть из них ушла на низ Дона, а часть обосновалась в 15 верстах от городка Гундора на восток, на левом берегу Донца, построив свой городок и существующий до нашего времени хутор Вишневецкий, напоминает нам о прошлом тяжелом времени Казачьего народа, то эвакуирующагося, то вновь возвращающагося на свои пепелища к оставленным родным могилам.

И Ногайский князь Юсуф уже слал грамоты-жалобы царю Грозному, что Атаман, зовемый Сары-Азманом, построил по Дону несколько городков и не дает нам пить воду из Дона".

Грозный отвечал, что казаки не "по нашей воле живут на Дону. В том же духе он сообщал и туркам и крымским татарам, что казаки не подвластны ему.

КОЛОНИЗАЦИЯ ЮГА.

Колонизация Юга в Московской литературе освещена так: "на Юг продвигался казак с оружием в руках". При чем, этот казак "неприменно" рожденный от "великоросса", а за казакom неотступно следовал с плугом "великоросс"-пахарь. Получается какая-то чехарда: почему шел первым, в опасную зону татарского владычества, именно сын "великоросса"-казак, а не сам отец "великоросс" для завоевания и приобретения Земель для своего потомства? Даже само образование Донского Войска представляется москвитями, как следствие колониционных устремлений "великоросского" народа.

Такое понятие москвитов/"русских"/существует и поныне. Все это грубая тенденциозность и измысление логически и исторически нелепая. Измыслением является и так называемая московская колонизация.

Южный рубеж Московии в XVI веке проходил по р. Оке, в 120 верстах от Москвы и были там города: Алатырь, Темников, Колома, Шацк/основан в 1552 г./, Рязск, Донков, Епифань, Пронск, Михайлов, Дедилон, Новосиль, Мценск, Орел, Ново-Северск и Путивль.

При своих изысканиях, казачьи историки не встретили в исторических документах об образовании, южнее указанных городов, хотя бы одного незначительного поселения к Югу и даже попытки совершить это.

Между Московией и Донским Войском лежали громадные пространства свободных земель, а ближе к Волге, даже безопасных от татар, но этих земель "великорусский" народ боялся как огня: попасть в плен к крымским татарам.

Преграждение Донским Войском Турции путей на Север и Северо-Восток. Занятие Донцами р. Яика и р. Терека, г. Астрахани и нижнюю и среднюю Волгу, дали возможность Московской власти постепенно продвигать свой рабский "великоросский" народ, произшедший от смеси славян с финнами и тюрками /черемисы/ южнее, выше указанной линии городов, закреплять захваченные пространства крепостями. А поэтому власть Московии прибегала к помощи т. наз.

"служилых казаков" за жалованье, для охраны южных рубежей от крымцев. В 1586 г. были построены по Волге: Саратов, Самара, Царицын. В 1593 г.: Ливны, Елец, Воронеж, Валуйки-Оскол, а в 1598 г. Белгород.

За Донским войском стал продвигаться, к Южным морям, не "великоросский" народ, оказавшийся совершенно неспособным к колонизации, а само Московское государство; но своими силами и средствами не могло создать непосредственную охрану новых рубежей и образовать на них свое постоянное войско, за непригодностью населения Московии, и поэтому обратилась за помощью к казакам. В грамоте царя Федора/сын Грозного/с 1587 г. Пронскому воеводе

сказано: "послали мы в Пронск Ивана Измайлова прибирать на свою службу донских и волжских атаманов и казаков и охочих вольных людей". А какой черной неблагодарностью отплатила Москва казакам, будет сказано впоследствии.

И уже 15 февраля 1592 г. царская грамота Воронежскому воеводе гласит: "Да которые казаки донские и воронежские похотят идти на Дон, на Няз, для своих промыслов/для звериного и рыбного лова, продажи на Дону хлеба и товаров и покупки предметов военной добычи/и тех всех никого на Дон из Донкова и Воронежа отпускать не велить никакого человека".

Отсутствие на Дону хлеба и боевых припасов ставили Дон в экономическую зависимость от Москвы. Завести папню не было возможности, т.к. ее не скрешь от злобного взгляда татар и московских чиновников, и поэтому казаки нанимались на "царскую службу". Указан и размер жалованья.

"А как атаманы и казаки, которые посланы на р. Волгу для мурзы Казнева улуса/против ногайцев/в Астрахань с, едутся и боярину и воеводам тем атаманам дать Государево жалованье-по сукну доброму да по рублю денег; а казакам из станиц, которые были на Волге дать по рублю человеку, да по фунту зерна и свинцу. А на корм им давать по осьмине муки человеку, да 10-ти человекам четверть круп и толокна; или сколько пригоже, смотря по житью, сколько они в Астрахани станут жити, а конным сверх того дати по четверти овса человеку. А будут они для нужды учнуть просить денег и им дать по полтине человеку на нужу, а достальным денежное жалованье будет вперед".

"Нужа" была сама по себе очевидна, т.к. казакам не отпускалось мяса, а лошадям сена и не давалось на это денег.

Характерной чертой Москвы было то, чтобы служба ей обходилась возможно дешевле, а то и просто ничего не стоила. Донское Войско нуждалось и в пополнении казачьих рядов, вследствие слабого развития семейной жизни на Дону в XVI веке и больших потерь на войне. Главное пополнение шло из Запорожья и соседних народов Кавказа. Приток крестьян из Московии был совершенно ничтожный и по психическому состоянию совершенно непригодным в постоянной военной тревоге и битвах. Если и приходили некоторые, то вскоре и убегали обратно, хотя и в крестьянскую папенную неволю, но физически менее опасную атмосферу, чем на грозном "Тихом" Дону.

Ослабление Донского Войска произошло от того, что часть казаков ушло на Яик и на Терек, а так же в Сибирь с Ермаком, но тем не менее Донцы продолжали войну на "суше и на море", против турок и татар. Военные действия против Азова прерывались "перемирием", когда с этим просил Азов. Традицией Дона было то, что он никогда первым не просил о "перемирии". Обычно московский посол, прибыв на Дон, сообщал в Азов о своем путешествии в Царьград и с Азовом начинались переговоры о "перемирии". За заключение перемирия, обычно полагалась уплата Дону оброка/контрибуция/: котлами, солью и рыболовными снастями, по числу "замиренных городков". Но обычно это перемирие скоро переходило в "размирье".

А в общем, горизонт Свободного Дона стал заволаниваться темными тучами. Ушел в царство теней царь Грозный для бояр, но сравнительно благожелательный для казаков. Умер его дегенеративный сын. На сцену появился Борис Годунов.

В 1592 году Турция предъявила Москве категорическое требование уступить ей мусульманские царства Казань и Астрахань. Борис Годунов, еще бывший опекун царя Федора, решил для установления мирных "добрых" отношений с Турцией, уничтожить Донскую республику, как единственную преграду на пути Турции от Азовского моря и обратить Дон в колонию Московского государства.

В 1598 г. посол Москвы Надекин привез грамоту Донскому Атаману Степану Ершову. Надекин не пожелал по обычаю идти на Казачий Круг для прочтения речи царя и передачи грамоты казакам и трижды посылал им требование о приходе их на посольский стан, что означало бы зависимость Дона от Москвы.

Надекин нашел среди казаков "доброхота" атамана верховных казаков Выпату Васильева, пытавшегося уговорить казаков идти к послу. Во время продолжительных переговоров не один день, а три дня, отдельная группа казаков пришла на посольский стан, захватили силой Васильева, били его "ослопами" /палками/ перед патром посла, а после посадили "в куль да в воду", т.е. утопили за измену Донскому Войску. На 4-й день на посольский стан прибыл Атаман Воейков с 300 казаками и с категорическим вопросом: пойдут ли послы на Круг или нет?

Надекин, воспользовавшись этим случаем прочел речь царя и вручил грамоту, что была неправомочно, т.к. отсутствовал Атаман Ершов. Казаки Воейкова силой взяли у посла, присланное Дону жалованье и продовольственные запасы. И только тогда разрешили послу проезд в Азов. Грамоту прочли на Круге. В ней говорилось: "отдать турецких пленных во главе с чеушей и пестью черкесскими князьями без выкупа и быть всем казакам на службе с боярским сыном Петром Хруцевым в Раздорах" или где пригоже".

На Кругу было решено Хруцева на Дон не принимать и отослать его обратно в Москву, а турецких пленных без выкупа не отдавать: "а только де нам ныне их отдать без окупы, и нам тех окупов не видать и в десять лет, а в Москву нам де теми окупам не езживать". Такой ответ Круг вручил Надекину. Из этого ответа видно, что Москва у казаков не пользовалась особым доверием в кредит. Царское же жалованье было вообще оплатой за заключаемое с Азовом перемирие, в котором нуждалась Москва, боясь турок. Такое же жалованье Москва посылала ногайцам и крымским татарам, чтобы избежать их набегов.

ВЕЛИКИЙ КАЗАК ТИХОГО ДОНА ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ.

В древние времена среди Казачьего народа почти что не было принято называть того или иного казака по фамилиям, а обычно, и в особенности почетных, называли по-отчеству. Под таким наименованием и слывет в истории, легендарный богатырь Духа, Ермак. Говорили, однако, что фамилию он все же носил - Чигин. И даже в память Ермака-Чигина, соседние народы называли Донских казаков: "чига-востропузая"... передразнивая их.

Нужно сказать, что на Дону чуть ли не до наших дней имя христианское "Ермолай" - по уличному произносилось - "Ермак". Традицию, существовавшую среди казаков, называть по имени и отчеству, в свое время, переняли даже полководцы в XII веке, а от них эта традиция перешла на Киевщину, и князья Рюриковичи стали называться "по отчеству", без фамилии.

Ермак Тимофеевич родился в станице Качалинской, о чем говорится в "Истории о Донском войске" Директором училищ в войске Донском кавалером Алексеем Поповым в 1812 году. По преданию "Ермак был природным донским казаком станицы Качалинской, в среднем течении Дона, родился в 1540 году".

А на стр. 143 этой книги: "Ермак был среднего роста, пригожего лица, с черными и кудрявыми бородами и волосами, глазами песьма быстрыми, широк в плечах, крепкого сложения и имел здоровое и крепкое тело, так что удобно мог переносить стужу и жар, голод и жажду, долговременное бдение и тяжелые труды..."

Далее старейший историк А.Г. Попов пишет: "завоевание Сибири/1581-1584/ столь малым количеством людей было бы делом совершенно невозможным, если бы Донские казаки не имели счастливого дарования, с детства питаемого, путешествовать, жить, воевать, переносить все трудности на воде с такой же ловкостью, как и на суше".

На стр. 159: "Ермак за четыре года успел покорить всех Татар, Остяков, Вогуличей, живших у рек Туры, Тоболя, Иртыша и Тобды. Ермак был мудрым правителем, он всегда и везде старался ко славе христианской религии своею благосклонностью, ласковостью и снисхождением склонить грубый, дикий и жестокий народ к мирной и спокойной жизни и меч свой употреблял только против тех, кто враждебно не хотел поделиться с ним пищей и кровом".

В записках хранителя Новочеркасского музея Х.И. Попова есть указания

о том, что во времена войны царя Грозного за порты Балтийского моря в т. назыв. Ливонской войне, принимали участие Донские казаки двух отрядов и один под командой Атамана Василия Янова, а другой "Атамана казацкого Ермака Тимофеевича", под общим командованием Походного Атамана Михаила Черкашенина, который послал Ермака на Дон для защиты его от турок. Во время сражения под Азовом Ермак попал в плен к туркам. Существовала песня о этом, как Ермак был заключен в крепости под замком "в три пуда". Также был захвачен в плен и сын Атамана Черкашенина - Даниил, казненный татарами. Узнав о этом Атаман Черкашенин со своим войском прибыл на Дон и как буря ворвался в Азов, взял его в 1573 году, опустошив татарские улусы в Крыму и наложил дань на Азов.

Встревоженный падением Азова, Турецкий Султан писал Крымскому хану / Дела Крымские, кн. 14, №236/:

"Зачем ты казнил Данилку, сына Мишки Черкашенина? Теперь, казаки у меня Азов взяли. Лучших людей побрали 20 человек, да пурина моего Усейна, кроме черных людей".

Это писал владыка могущественного, в то время, государства, владения которого простирались в трех частях света, перед кем трепетали все народы, но не Донские и не Запорожские казаки.

По своим военным действиям на суше и на море, несмотря на малочисленность и ничтожество орудий, Донские казаки представлялись такими богатырями, что сам могущественнейший султан не находил ничего лучшего, как поменьше тревожить богатыря.

Есть в Петербурге гравюра Ермака Н. Розонова, с портрета с надписью: "Ермак Тимофеев, Донской казак, побкоритель Сибири". Сто пятьдесят лет тому назад гравюра эта была издана культурным чудателем П. П. Бекетовым, который сообщал, что сделана она была с портрета, привезенного из Сибири. Есть утверждение, что портрет был сделан художником Брюннелем-немцем, бывшим в услужении у купцов Строгоновых, снабдивших Ермака в его легендарный поход. Эта гравюра послужила образцом для знаменитого скульптора Антокольского для создания прекрасного монумента-памятника: "Донцы-Ермаку", в столице Дона Новочеркасске.

"Отец русской истории" Карамзин-татарского происхождения, описывает Ермака: "он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мускулами, широк плечами; имел лицо приятное, слегка плоское, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые-быстрые, зеркало души пылкой, сильной, ума пронзительного".

После освобождения Ермака из тюрьмы Азова, он был назначен Походным Атаманом всех отрядов по охране территориальных вод нижней Волги.

В московской "исторической" литературе, действия казаков на Волге, во второй половине XVI века представляются в виде постоянных грабежей на ней городов и судов; в таком же очертании говорится и о Ермаке, до похода в Сибирь. Уж такая духовная структура псевдо-историков Московии злая, повинническая-образгать грязью даже тех великих людей, которые принесли величайшую пользу этой же чернотоблагодарной Москве: у них нет чувства человеческого достоинства оценить несомненные исторические труды казаков, черная зависть к славе застилает их глаза и они не видят никого кругом, кроме себя-"великих"...

Какова же была действительность, в те времена, на Волге? Никаких городов и других поселений между г. Казанью и г. Астраханью до 1586 года, как и торгового судоходства не существовало. Раз-два в год проходил караван судов, под охраной стрельцов со снабжением для гарнизона Астрахани и столько же обратно.

Пространство к Югу от "Переволоки" /сближение Дона с Волгой/ до Каспийского побережья было сферой непрерывной упорной войны Донских казаков против Ногайцев-татар, за выход в Каспийское море. Из грамоты турецкого султана к Ногайскому хану от 1551 года видно, что казаки к этому времени уже овладели обоими берегами р. Волги. Борьба казаков Дона, стоящих на пря-

мом пути между Москвой и Турцией, диктовалась стратегическими соображениями выхода на Каспий, до некоторой степени уходя подальше от Москвы...

В 1579 году появился на р. Волге торговый корабль Англии, завязавший торговлю с Москвой через Архангельск, для установления торговли с Персией. Сперва этот корабль, уплативший положенную пошлину казакам-хозяевам территориальных вод, был пропущен, но когда этот же корабль на обратном пути отказался платить, ссылаясь на распоряжение царя Грозного, то казаки под командой отрядного Ивана Кольцо в 1573 г., захватили его и уничтожили. Команда его и купцы были отпущены на свободу. После этого попыток установления торгового судоходства по р. Волге не делалось. Низовье Волги принадлежало Донскому Войску. В процессе войны с Ногайцами и усиления московского войска по Волге, не было в интересах казаков допускать торговое судоходство.

Был еще и такой случай. Тот же отряд Кольцо, охраняя переправу через Волгу, на пути из Москвы в г. Сарайчик, столицу Ногай, весной 1577 г. напал на этот город и взял его. А летом из Большого Ногай было отправлено в Москву ногайское посольство в 67 человек, гнавших 700 лошадей в подарок царю, с грамотой, содержащей жалобу на казаков. Вместе с этим посольством возвращался и московский посол Василий Пелепелицин.

Во время переправы через Волгу этого посольства, чтобы помешать приходу его в Москву, казаки Атамана Кольцо, вместе с подошедшими с Дона казаками, оказавшимися в момент переправы в большом числе на обоих берегах реки, разгромили посольство и захватили лошадей. Разгром посольства был предпринят и Донской властью, на что указывает приход к переправе подкреплений с Дона. Дальнейшие события показали не только полную целесообразность действий Кольцо, но вне всякого сомнения и полезность и для Москвы, ибо необходимо так или иначе обезсиловать татарщину.

Эти два эпизода-захват корабля и разгром посольства, естественных и нормальных в ходе войны с Ногаем за выход на Каспий, историки расписали, что казаки "грабили" всех и все. Но не указали, что эти действия были полезны и для повинистической Москвы. Царь Грозный, однако, чтобы поддержать свой престиж перед Ногаем, послал в 1578 году на Волгу, войско воеводы Мурашкина, повидимому с тайным наказом в бой с казаками не вступать. Ногайскому хану была отослана грамота с изречением: "ловить и вешать" виновных и что на Волгу придет атаман Семен Куракин с Донскими казаками.

В конфликт с Доном Грозный вступить не решился: это было для него невыгодным и очень опасным; поэтому Мурашкин никого не "ловил" и никого не "вешал".

Решительное нападение на ногайцев было в 1581 году. Они захватили г. Сарайчик и разрушили его до основания, а уничтожив столицу Большого Ногай, лишили ногайцев не только возможности захвата ее обратно, но делали для них бессмысленной и самую борьбу за него, т.к. выше этой, бывшей столицы, казаки решили осесть на р. Яике/Урал/ и в том же году построили первый городок, создав таким образом Яицкое Войско. На жалобу Ногайского хана, Грозный отвечал уже иным языком, объясняя действия казаков "неправдами" хана и угрожал: "направить против хана всех казаков, в том числе и городовых, а нам теперь унять казаков уже не мочно", заканчивал свою грамоту Грозный. Результатом всего этого было то, что хан Большого Ногай принес Грозному "перть"-присягу о подданстве.

Вот о этих больших событиях, проявленных казаками Ермака Тимофеевича на Волге и его помощников: Ивана Кольцо, Никиты-Пана, Федора Барбоса, Богдана Брызги, Мецерыка и Саввы Болдыря, борзописцы Московии ничего не говорят, а только повторяют свою бессовестную ложь, что казаки Ермака и Кольцо только тем и занимались, что "грабили", а они не успели?! -будучи историческими грабителями.

Для Ермака перспектива столкновения с Москвой рисовалась в неприглядном свете и у казаков стала проявляться тяга на свободные реки "для своей власти".

Вслед за Яицкими потянулись казаки на Терек. Учитывая все эти настроения, Ермак созвал Казачий Круг, чтобы решить, что делать? Первое решение было идти в Персию "для своей власти", но затем, под влиянием большого "величия" Атамана Ермака, решили найти "свободную реку" в неизвестной Сибири, не втягивая таким образом свою Родину-Дон в конфликт с Москвой. Ермак со товарищи пропев: "ты прости, ты прощай Родимый Дон Иванович", повернули свои струга и вверх по Каме, двинулись в путь-дорогу, навстречу своей судьбе. Что-то принесет Она осиротевшим?

О этом сохранилась старинная казачья песня:

"Как на Волге, да на Камышенке, казаки живут люди польные. У казаков был атаманушка-Ермаком звали-Тимофеевичем. Не зла труба позвучала им, не она громко возговорила речь-возговорил Ермак Тимофеевич: "Казаки, братцы, вы послушайте, да мне думушку попридумайте, как проходит лето теплое, наступают зима холодная. Куда же, братцы, мы зимовать пойдем? Нам на Волге жить-все ворами слыть; на Яик идти-переход велик; на Казань идти-грозен царь стоит, грозен царь Иван, сын Васильевич, он на нас послал рать великую, рать великую-сорок тысячей. Пойдем мы наперед в Усолье ко Строгоновым. Возьмем там много свинцу-пороху и запасу хлебного и поищем реку свободную для своей вольной-волюшки!"

Летопись говорит: "Ермак обманулся не попал на Чусовую в Сибирь, а погрело Сильве вверх и взаморозь дошел до урочища-Ермаково городище ныне слывет". Это было 26 сентября 1581 года.

С Ермаком пошло все его походное на Волге войско, свыше 3.000 казаков. На Сильве Ермак прожил два года: собирал сведения о Сибири, составлял примерно карту возможного движения. Задержка на концессиях Строгоновых вызвалась еще тем, чтобы экипироваться одеждой, обувью, оружием, снаряжением, запасом боевых припасов, продовольствия, постройкой новых стругов перед походом в холодную студеную неизвестную, но манящую своими просторами Сибирь, где можно захватить на свободной реке "своей властью". За это время некоторые казаки поженились, имели уже детей, и с Ермаком решили идти лишь самые отважные, пронизанные духом свободы, беззаветно верующие в Бога и своего атаманушку Ермака Тимофеевича, всего 1636 казаков.

Что же представлял из себя этот отряд? Шовинисты Московии говорили, да и сейчас говорят: "шайка разбойников, направлявшаяся в Сибирь с целью-грабежа..." Этот отряд был разделен на 4 полка, выборных есаулов 4 человека, полковых писарей, трубачи, зурначи, литаврчики, барабанчики, сотники, пятидесятники, десятники, знаменщики и 3 пола.

Такую организацию едва-ли можно назвать "шайкой". В отряде была строгая, но справедливая дисциплина и указ: за проступление били жгутами, а кто подумает "отчитти от них и изменить, не хотя быти, а тому по Донскому указу насыпать песку в пазуху и посадя в мешок, - в воду!"

Следилось в отряде за нравственностью и чистотой: "блуд ли и нечистота в них в великом запрещении с мерзка, а согрешившаго, обмывши, три дня держали на чепах".

Единое возглавление: сам Ермак, его штаб, ряд атаманов: Иван Кольцо, Богдан Брызга, Михайлов, Мецерак-прозванный в одной летописи "великим атаманом". Четное деление по частям, со знаменами/помимо отрядного знамени с изображением Христа в терновом венце/, религиозность, нравственность, чистота, оркестр. Все это в общем представляло собой строевую дисциплинированную военную организацию.

В целях преуменьшения заслуг Ермака и его Казаков, утверждают псевдо-историки Москвы, что эту экспедицию в Сибирь организовали купцы Строгоновы. Не только Строгоновы не организовали отряд, но всемерно препятствовали уходу казаков, т.к. присутствие их представляло для них большие выгоды в смысле надежной охраны богатых промыслов и концессий.

Готовясь к походу, Ермак имел в виду снарядиться за счет Строгоновых, давши им расписку, и он этого потребовал через своего помощника Ивана Кольцо так же, как требовал от Вогуличей, Остяков и других народов. "А в

поход Ермак на струги дружине своей у Максима взимал с пристрастием, а не повсе в честь или взаимы, убити хотела и жита его разграбити в конец", так гласила летопись.

Кто были Строгоновы? Одни говорили, что выходцы из Золотой орды; другие, что из Новгородцев, после разгрома их князем Иваном III, но к московской знати они не были причисляемы. Знать Москвы, в своих челобитных подписывалась: "холоп твой"; простые люди: "сирота твой" или "раб твой"; Строгоновы подписывались: "сирота твой".

В Ремизовской летописи приводятся слова грамоты Грозного Строгонову: "мужик, помни, да как ты с таким великим и полномочным соседом ссоришь". В той же летописи говорится: "Паче всех Иван Кольцов со есаулы крикнуша /на Максима/: "О, мужик, не знаешь ли ты и теперь жертв" - Отворяй амбары иначе возьмем сами".

Такое обращение царя и Кольцо к Строгоновым не могло относиться к знатым, родовитым людям. Псевдо-историки утверждают также, что завоевание Сибири Ермаком - самая обыкновенная история и произошла она только благодаря огнестрельному оружию, которого у татар не было.

Сибирь не была открыта Ермаком, - путь туда через Каму был известен еще во времена Птолемея, да и сама Москва пыталась проникнуть туда: так Иван III посылал в Сибирь три экспедиции: в 1465, 1483 и 1499 годах, с огнестрельным оружием и всегда неудачно. Кучум громил эти экспедиции. А в 1572 году посланный Грозным воевода Лыченцев с ратными людьми, были разбиты, разбежались и оставили весь боевой припас: порох, свинец и две пушки Кучуму и, летопись говорит: "ратные люди побиты, а иные в полон взяты; немногие от них того приходу утекоша; а снаряд весь и пушки и ядра и зелье, порох и свинец царь Кучум поимал себе". В общем, "христолюбивое воинство" подвело царя Грозного.

Как сам Ермак, так и его казаки, действовали не одним только огнестрельным оружием, но сражались и холодным, проявляя высокую личную храбрость, и это отмечено самими же татарами: "собранные же вси чуваши, вогуличи, остяки и сразипаса нецедно, и за руки взяпаса, тако секупеса". И "на усть Ишима бой великий яко не оружием, но руками: кто кого может, и в том бою убито Ермаковых казаков пять, и одолеша басурман, а своих погребоша; и о тех пяти татары поют с плачем, при беседах в песнях припеваючи: "яным, яным бий козак, бий козак /воины войны, пять казаков /победиша и разориша и сия песня и словес-царицин плач".

А самого Ермака, за его величавый образ, местным населением были созданы легенды, "именем его и до днесь божатся и кланутся".

Главная победа Ермака была не только в военном искусстве его и необычайной храбрости его казаков, а в том, что Ермак в своей государственной мудрости носил с собой ключ, открывающий сердца поработенных, ханом Кучумом и его князьками, сибирских племен. Вступив в пределы Сибири, Ермак объявил всенародно "Донской присуд" /социальный казачий порядок/, где всяк был бы равен всякому, чтобы сильные не притесняли слабых, чтобы рабство было уничтожено, чтобы правителей избирал бы сам народ. Это и создало на многие века, среди татарских народов, обаяние личности Великого Атамана. Такой порядок не был присущ в рабовладельческой Московии. Вот почему все четыре экспедиции в Сибирь Ивана III и Ивана IV были неудачны, терпели полное поражение лишь потому, что эти экспедиции сразу же переходили в повальный грабёж. Естественно, что татарское население, не желая переходить из рабского состояния при своем хане, к новому рабовладельцу Московии, ожесточенно изгоняло грабителей московских воевод.

Ермак, взявши столицу Сибири - Искер, в течении семи месяцев не сообщал о этом царю Грозному. Это указывает на то, что он, безусловно, намерен был обосноваться в Сибири и устроиться на новых вольных реках, как мечтали и его казаки, - "для своей власти". Но судьба решила иное: казачья сила в многочисленных боях таяла, как Вербная свеча!

Этой задержкой, с известием о покорении Сибири, ловко воспользовались

Строгоновы и первые сообщили в Москву потрясающую воображение новость, разукрасив в этом грандиозном казачьем деле свою роль и свое значение, как "крестных отцов" Сибири, за что получили колоссальную от царя концессию. Впоследствии Грозный понял комедийную инсценировку Строгоновых и поэтому писал грозно Максиму Строгонову: "Мужик! Как ты с таким великим и полномочным соседом ссорись", т.е. с Ермаком.

В учебнике русского синтаксиса есть стихотворение, неизвестного автора, положенное на музыку артистом императорских театров Степаном Власовым, казаком Тихого Дона, станицы Гундоровской:

"За Уральским хребтом, за рекой Иртышем,
На далеких острогах Алтая
Стоит холм и на нем, под кедровым шатром,
Есть могила совсем забытая...
Много лет уже стоит и курган сторожит
Этот кедр одинокий угрюмо.
Заколдован курган, с ним и кедр великан,
Что разросся так пышно красиво.
Говорят, что под ним великан-исполни,
И в броню и в колчугу одетый,
Беспокойно лежит потому, что зарыт
По обряду отцов не отпетый.
Триста лет, говорят, это было назад, -
Рыбаки в Иртыше неводили,
И в мереже одной, здесь на берег крутой,
Вместо рыб-мертвеца притадили.
Был в броне боевой, и в колчуге стальной.
Росту страшного пойманный в сети,
И дивились ему, великану тому,
Рыбаки простодушные эти.
Но не зная, как быть, как покойника сбыть,
Чтоб на грех не затеять бы дело,
Порешили все скрыть и скорее зарыть
Это мертвое страшное тело.
И с тех пор, каждый год,
Из могилы покойник выходит
И всю ночь напролет по холму взад-вперед
С тяжким стоном задумчиво бродит,
Этот стон гробовой над уснувшей землей
По расцелинам гор раздаётся,
Ужасая собой даже кедр вековой
Что от стонов этих трясётся.
Есть в народе молва, что порою слова
Можно слышать: "к могиле склонитесь!...
Я Донской был казак, по прозванью-Ермак,
О покое моем помолитесь..."

В истинной правдивой истории великий Ермак проходит тих, мудр и светел, и от лет его распространяется сияние вокруг, но сочинителям Московии хочется, чтобы Он завоевывая "дикие" Земли, жег и резал дикарей, грабил и захватывал колонии и, вся эта лживая литература ничего не смогла рассказать о подлинном Ермаке, покорителе Сибири. В унисон с дворянской лже-историей, трубят и русско-коммунистические "историки". Так, например, в одной брошюре: "Прошлое Казакстана/ст.1.279/-1935/напечатано: "Ермак-атаман донской казачьей вольности"завоеватель Сибири"/поставлено в иронические кавычки/, положивший начало грабежу Сибирских народов", и это говорит представитель русских коммунистов, запятнавших себя превентивными грабежами.

Грабить Сибирские народы начал не Ермак, который взимал "ясак" умеренный, давая бедных жителей. И по грабителям татарское население не складывало бы ни песен, ни легенд и их не обоготворяло.

А начало грабежей положила Москва в 1595 г. на Сибирское царство и на Иргизское, на 94 города по пяти тысяч сороков/200.000/соборей, по 10.000 лисиц черных, да по 500.000 белок/Келпен-хронологический указатель 1595 года/и Карамзин/Х.С.198,199/. Это огромное взимание количества мехов, при этом вооруженной силой, несравненно более подходит к понятию открытого дневного грабежа и насилия.

С 1617 года началось спаивание сибирских народов водкой из царских кабаков и это продолжалось до последнего времени, вследствие чего многие из сибирских народов, крайне обеднели, другие же просто вымерли/Калачев "Поездка".

Среди бывшей дворянской шовинистической плеяды историков Московии/"России"/все же нашелся единственный писатель-поэт И.И.Дмитриев, который оценил Ермака в своей оде с покорении Сибири, которую он заканчивает так: "Но Ты, великий человек! Пойдешь в ряду с полубогами: из рода в род, из века в век, и Славы луч твоей затмится, когда померкнет Солнца свет, со треском Небо развалится и Время на косу падет..."

И поэтому я задаю себе вопрос: а есть ли в русской коммунистической империи хотя бы один писатель, который бы оценил по достоинству жертвенный подвиг Великого Атамана и его Казаков, ставших бессмертными в истории?

И к моему изумлению оказалось, что Есть!-писатель В.Сафонов/"Дорога на простор"/. Выдержки из этой книги я и припожму из того соображения, что когда образ великого человека освещен не только казаками/своей своему по-неволле-брат/, но их антиподами, то облик исторической личности принимает более яркое озарение.

В.Сафонов пишет: "Находились историки, которые выносили приговор: "да что ж, -случайная фигура, вскинута на гребень исторической волны-обычный наймит Строгоновых"... Есть какое-то оскорбление чувства исторической справедливости в подобных толкованиях. Никогда дело великого значения не может быть сделано ничтожными или презренными руками: это знание несомненное для нас. И возможно ли, чтобы народ четыре века носился с "наймитом", подкидывшем славы? Поверить в это так же трудно, как в существование прекрасного здания, утвержденного на...острие иглы!

Да, навряд, найдется другое имя, которое глушило бы такой густой бурьян выдумок и небылиц, какими плотно окутано имя Ермака".

В самом первом, до времени, поминальном "Синодике", который составил в 1621 году, по свежей еще памяти и по словам живых Ермаковых соратников, Киприан-ученый, архиепископ сибирский, там значится не христианское имя "Ермак". Здесь уместно сказать, что этот архиепископ, изучив высокую нравственную чистоту жизни Ермака, ходатайствовал перед патриархом и духовенством Москвы/"России"/о провозглашении и о причислении Ермака к лику святых. Но нужно было знать это "высшее духовенство лицемерное и пьяное, которое было далеко от христианских Истин.

"Надо внимательно смотреть", продолжает Сафонов, "подмечать штрихи и черты и тогда перед нами выступают контуры человеческой Судьбы. Какой судьбы? Это большая судьба, -не рядовая, поражающая, и мы убедились в правоте народа-песнопевца, свидетеля и судьи, и возникнет перед нами живой образ Ермака. Особо отмечены смелость его и необычайный дар слова, способность убеждать-"велиречие". Был он не стар, вероятно, сорока лет. Большая жизнь, однако, была уже прожита им, что было в этой жизни? Не мало дорог избродил он на Руси. Служба при Грозном в Ливонской войне, был участником Донской обороны очень тяжелого 1569 года, когда все казачество поднялось на борьбу против полчищ Султана Селима и Крымского хана Девлет-Гирея, угрожавших самому существованию Юга. После этих войн, Ермак уже Атаман, а выслужить это звание трудно. В атаманстве своем он не примкнул к домовитой и покорной Москве казацкой старшине, но возглавлял бедноту на Волге. Поиски простора для себя и гольтбы-было служение Ермака. Народ-песнопевец не ошибся: то был путь и Степана Разина. Ступив на этот путь, Ермак должен был сделать не свое личное, а народное. Чем был сибирский поход в военном отноше-

нии? Ничтожность сил и поразительные результаты сделали его мифическим, даже в глазах современников. Лоскутное царство Сибири, стало сильным при хане Кучуме. У татар не было огнестрельного оружия, но не надо преувеличивать значение казачьих пупков с пищалями, — били они не дальнобойны и не метки; стрелы же татар не намного ближе, но пробивали доски. А с "огненным громом" татары уже сталкивались раньше, когда всезода Лыченцев, прибывший с целью наживы, после стычки с Махметкулом/племянник Кучума/бежал, бросив свои пупки. Эти, казанского производства, пупки были у Кучума.

И перед нами выступают черты Атамана Ермака, как вождя и организатора. Дважды в Сибирском походе заколебалось казачье войско: у Тавды, после последней дороги на покидаемую Родину и на Иртыше, когда, казалось, безумием штурмовать Кучумову твердыню, в сердце ханства. Он справился с этими колебаниями. Он верил в свое дело, знал куда вел, и зажигал других своей верой. Он был также суров во время страшной зимовки на Обьде и поставил на страже лагеря: "Донской закон" — только в жесткой дисциплине, в предельной организованности, оставался шанс спасти войско, — дожить до весны, отсекая, казня себялюбивых и слабых, кто подрывал и губил войско. И повторил это зимой 1584—1585 г.г., когда ему удалось сбереечь казаков от разложения, когда значительная часть стрельцов, пришедших с князем Болховским разбежалась и погибла, и сам князь умер. Спальная крепкой единой волей, должна быть эта казачья рать, далеко залетевшая. Победу приписывать одной храбрости казаков не приходится, а каким полководческим приемом Ермак добивался этого?

Железная воля полководца, поражающая врага, неожиданность тактического решения, дерзкая смелость в выполнении, находчивость, умение применить новую хитрость в каждом бою. При Акцибар-Калла, когда ничего не дал обстрел укреплений, Ермак малым войском атаковал в лоб, пустив большую половину в обход. На Тоболе, который Алышай-мурза перегородил реку, то ринулись в стругах "хворостяное войско", сделанное из хвороста, одетые в зипуны чучела, а настоящая казачья сила тем временем обошла с тыла.

Наконец, самое дерзновенное — весной 1585 г., отчаянный тайный ночной рейд всего войска из осажденного города, — бросок не на кольцо осаждающих, а на жизненный нерв их, на ставку вражеского военачальника Кучума-Карачу, далеко в тылу, а сам Ермак остался с горсточкой храбрецов в беззащитном почти городе — лицом к лицу со всеми осаждающими.

Была и "жесточь" в битвах не на жизнь, а на смерть с военной силой ханства, не растерявшего еще традиций Чингис-хана. Легче легко было бы смять, уничтожить казаков, тем более, что жив был Кучум и воины у него были и зеленое знамя "священной войны". А казаки ездили по пяти, по десяти и расширяли свои земли, присоединяя целые княжества, величиной с доброе европейское королевство. "Сбитый с куреня" Кучум, выжигал татарские аулы за то, что они передавались казакам. Мурзы выдали Ермаку полководца Маметкула. Татары вернулись в покинутые очаги, они избрали новую жизнь, жизнь по утвержденному Ермаком Закону Свободы и равенства, с выбранными "атаманами".

Смелым рейдом маленького отряда, в городишке Тархан-Кала, захвачен Кутугай, ханский приближенный, приехавший собирать дань. Его можно было уничтожить, выведав секреты, можно было объявить пленником-заложником и использовать это с выгодой, поставив условия хану. Все это было в обычаях времени. Ермак поступил неслыханно: принял Кутугая с почетом, захвалил его и заставил развязать язык угощением, проводил его с щедрыми дарами, без всяких условий и вовсе сбил с толку и хитрого мурзу, да и самого хана.

Как, вероятно, хохотал суровый "батяка" с атаманами-помощниками после того, как склоняясь до земли, выпроводил безмерно зачванившегося, перед тем смертельно испуганного Кутугая! Было, наверно, не мало крепкого народного юмора в страстной душе казачьего вождя! Его хитрость — всегда быстрая, чуть лукавая находчивость. Махметкул заманил его прочь от воды у Бабасанских юрт, он не спохватился во время — попался. И что же Ермак: велит вырыть окопы. Когда ударила по пехоте скрытая татарская конница, казаки дали залп

и "исчезли под землей" и тотчас еще второй залп вслед перемахнувшим коням через ров: кругом трупы воинов и татар. В р. Серебрянке мало воды — Ермак велит перегородить ее палками, и струи поплы по "живым плысам..."

Без всего этого, без таких необычайных черт похода, без выдающихся качеств вождя, голой саблей нельзя было бы взять ханство Кучума.

Уже победителем и по отношению к побежденным, с которыми тогда русские не чинились, Ермак вновь повторял случай с Кутугаем; принимая остяцких князей, посадил с почетом их около себя.

Ермак рисковал головой в первых рядах своего войска под Акцибар-калле, у Бабасанских врт, под Чувашином мысом, когда нужно было показать пример. В нем была строгая внутренняя красота.

Драматурги прошлого столетия, в поте лица, сочиняли любовные истории Ермака. Им пришлось нелегко: летописи и предания глухо молчат о разуме князя Сибирского. Но, вот, сохранилось: в последнем, бесподобном своем походе он пошел в Тебенду. Елегай, княживший там, сам вывел Ермаку красавицу дочь, но он отперг живой дар. Мало того — обратился к казакам и пригрозил казнью тому, кто коснется девушки или чего-либо в городе. Рыцарских романов он не читал, но крутой с другими, сам всех круче соблюдал неписанным закон казачьей службы и уважение личности женщины. В этом законе для него были: долг, честь, слава и сила казачья. Быть благородным с побежденными. Пленный, заласканный Кутугай; пленный, залитый предательски казачьей кровью Махметкул, с почетом отправлен в Москву. И мы видим, как умел смирять себя казачий вождь. Дойдя до города Тары, где кочевали туралинцы, он не только не принял у них людей скудных даров, но вообще освободил их от "ясака", какой они платили хану.

Пусть, как сквозь туман, сумрачны и будто высеченным из камня видится нам образ Ермака, но такой и подобные факты внезапным теплым светом освещают этот образ. В нем была какая-то неизменная основательная домовитость, и она проходит через всю его жизнь. На воинском своем пути он строил городки. Мы узнаем его, как об устроителе Края. Он разведывал богатые недра земли; заводил паши, сеял хлеб. Сделал перекоп между Иртышем и Вагаем.

Известно, как Грозный принял посольство Ермака, во главе с Иваном Кольцо: трезвоном всех московских колоколов и провозгласил Ермака "князем Сибирским". А когда князь Болховский вел в Сибирь непрошеную Ермаком стрельцую рать, в том же 1584 г. на Каму, к вотчинникам Строгоновым полетела грозная грамота, в которой под страхом опалы приказывалось снарядить для плавания в Сибирь пятнадцать стругов. Так не разговаривают с теми, кто принес перлами радость и праздник всей земли.

Эта грамота должна бы и для глухих прозвучать надгробным словом над слишком зажившимся, в прежней исторической литературе, мифом о Строгоновых, якобы главных участников завоевания Сибири.

Характерный факт кичливости московских дворян. Под зиму 1584 г. князь Болховский привел было подмогуню и самого и значительную часть стрельцов уже зарыли в мерзлую землю / ясно, что москвиты — "русские" и казаки не с одного теста сделаны, прим. напе/. И опять один "князь Сибирский" Ермак. Князь же Болховский до самой своей смерти так и не признал княжеское звание Ермака и только перед последним своим вздохом, назвал его "Тимофеевичем".

А вокруг никого почти из прежних помощников. Иван Кольцо коварно убит князьком Карача, погибли Брызга и Михайлов, остался один Мецерак. И думает Ермак: казачья сила тает, как воск...

Знаменительный предлог, с помощью которого удалось заманить в засаду казачьего Вождя. Когда Ермак решил окончательно добить все ускользающего от него Кучума и плыл с отрядом в 50 казаков по Иртышу, то по берегу, вдруг, показалась группа всадников, которые кричали: "бухарские купцы, которых ты ждешь, стоят у порога твоей Земли, но Кучум заступил им дорогу. Ермак мечтал проложить кратчайший торговый путь от Бухары, а через нее завязать сношения с Китаем. И поэтому, услышав от всадников о бухарских

купцах, он двинулся дальше по Иртышу. Поднялась страшная буря, ревел ветер, ломая по берегу дубы вековые, волны Иртыша вздымались горами, лил дождь, как из ведра. Казаки прибились, наконец, к островку между Вогаем и Иртышем, усталые, измученные до крайности, наступала темная ночь. Кое-как укрывшись, казаки попадали и заснули последним предсмертным сном.

Сильна, но беспечна казачья натура, калилася долго на бранном огне, ее не смутить непогодой хмурой, она-богатырь и в бою и во сне...

Шпионы Кучума между тем не дремали, они проследили казаков и тайной тропой прокрались на островок и стали и стали сонных рубить. Ермак, восприняв ото сна, отбился от нападающих уже тогда, когда его полусотня была перебита и, не видя иного выхода, бросился в воды Иртыша, чтобы не попасть в плен.

"Редела буря, дождь шумел, во мраке молния блистала, вдали чуть слышно гром гремел, но Ермака уже не стало..."

Спасся только единственный молодой казак Гавриил Иванович Ильин, который будучи под командой Атамана Богдана Брызги, поймал на аркан Крымского хана Девлет Гирея и отрубил ему голову. Он то, прибежав в ставку штаба Ермака, и сообщил роковую весть Атаману Мецерыку.

Чтобы сокрупить приспешников Кучума, поднявших свои головы после гибели Ермака, Атаман Мецерык собрал громадное количество повозок, кое-что нагрузил на них и показывал вид, что он отступает на запад, тихонько двинулся. Это дало повод Кучуму окончательно разгромить казачьи силы и он /будучи уже слепым/ поручил мурзе Карачу с громадной конницей атаковать обоз Мецерыка, а последний только этого и ждал; увидя несущуюся конницу, обоз свернулся в каре и казаки за повозками затихли. Когда конница подскочила вплотную, вдруг страшный залп из ружей и пупек. Половина конницы татар погибла. Это была и тризна в память погибшего Вождя Ермака.

О казаке Иванове сохранился документ следующего содержания:

"В 1623 году ермаковский казак Гавриил получил ответ от Московского царя на свою просьбу, где царь писал: "в Сибири сорок два года, а преже де того он /Гавриил Иванов/ служил нам на Поле двадцать лет у Ермака в станице, и с иными атаманы, и как с Ермаком Сибирь взяли".

Князя в ужасе сняли тело с помоста и предали земле на Бегитевском кладбище, под сосной. Для погребального пира по Ермаку закололи 30 быков и 10 баранов. Один панцырь Ермака отослали в святителище белогорского пайтана; другой взял мурза Кайдаул; кафтан достался Сейдаку, а сабля с поясом Караче.

Волшебная сила жила во всех этих предметах погибшего атамана, не враждебная человеку, а доброжелательная ему-помощница в делах, исцеляющая болезни. Шейхи Ислама, обеспокоенные чудесами, творимыми мертвым Ермаком, запретили поминать его имя и пригрозили смертью тем, кто укажет его могилу. Но свет стоял над ней по субботам, как бы свеча зажигалась в голове. Этот свет видели только татары, простые татары, даже для русских он был невидим /вполне естественно, ибо "русские" далеко жесточе и грабители велики, прим. напе/. Ермак не был "мирской мукой", как Степан Тимофеевич Разин; его дорога не была и дорогой Емельяна Ивановича Пугачева. В разное время они жили, в разных условиях действовали. Но не ошибся народ: народ никогда не ошибается в своих песнях в главном: в оценке великого и основного смысла в делах тех, в ком он полагает воплощенную силу и Правду свою и кого зовет своим богатырем. Героем остался Ермак не только среди простого московского люда, но главное в татарском народе. Песни, рассказы и легенды сложились как раз те, кого Ермак покорил. Слагали ли песни те народы, которые были покорены Москвой, на протяжении многих веков? Нет! История о этом глухо молчит.

Колчуга Ермака более 70 лет хранилась в роду мурзы Кайдаула. Летописцы сообщают, что она была исполинских размеров, в длину 2 аршина и пять четвертей в плечах; каждые пять железных колец с изумительным искусством сплетены между собой; на грудях печати царские-златные орлы, по долу и

рукавов опушки медные в три першка; спереди одно кольцо ниже пояса простреляно. Байбагин тайпа давал за панцырь десять семей невольников-ясырей, 50 верблюдов, 500 лошадей, 10 быков и 1.000 овец, но Кайдаул не продал панцыря. А умирая, завещал сыну беку Малюту никому не продавать панцыря.

В 1646 году березовские служилые люди отбили на "погроме воровской самояди", у самого устья Оби панцырь. Его привезли в Москву, в котором признали, что он принадлежал князю Петру Шуйскому, убитому в битве с поляками близ Орши в 1564 году и подаренным Грозным "князю Сибирскому". Если верить предположению историка Сибири Бахрушина, то значит, в Москве, в оружейной палате, хранится единственный безмолвный свидетель смерти легендарного атамана, вместе с его телом опустившегося в холодные и мутные воды Иртыша.

В написанной К.Ф.Рылеевым песни: "Смерти Ермака" - "Ревела буря, дождь шумел, во мраке молния блистала, на ряду с известным историческим фактом смерти, допущена ура-патриотическое четверостишие: "Нам смерть не может быть страшна, свое мы дело совершили: Сибирь царю покорена, и мы не праздны в мире жили!"

Это не вяжется с психологией Казачьего народа, на протяжении тысячелетий бывших народовольцами, рыцарями Свободы, равенства и братства, чтобы казаки Ермака только о том лишь и думали, чтобы покорить Сибирь царю, символизировавшему рабовладельчество, главе Московского рабского государства. И даже самый советский писатель Сафонов утверждает, что Ермак был символом народовластия.

Чем же отблагодарила Москва легендарного героя Ермака и его казаков? Кроме лжи, что Ермак пошел в Сибирь для грабежа - ничем, если не считать пресловутого безликого обелиска, поставленного в глухом месте у Тобольска. В память покорителя Сибири даже не нашлось во всей обширной стране Сибири какого-либо города, который носил бы имя, признанного всеми государствами земного шара одним из величайших полководцев времен и народов Ермака. Что такое открытие Колумбом Америки? Ехал на корабле, хотя временами и по бурному океану, приехал благополучно к материку, высадился, войн ни с кем не совершал и тем не менее Колумбу чуть-ли не во всех городах существует памятники. А Ермаку, открывшему и покорившему страну-Сказку по богатству недр, лесов, рек могучих, степей - нуль! Вот так "святая Русь!?!?"

Некоторые скажут, что виновны дворяне старой царской повиннической Российской империи, недружелюбно относившимися к Казачьему народоприветствию. Но, когда рассыпалась и пала власть дворян и настала эра русско-коммунистической "народной демократии", изменилась ли обстановка по отношению к чести и достоинству Казачьего народа? Привожу описание очевидца варварских действий потомков тех москвитов / "русских" /, которые, будучи непригодными для завоевания Сибири, однако жадно ожидали, когда казаки очистят им путь на Восток для грабежей тамошних племен. Вот это описание: "В один ненастный день 1921 года красноармейский отряд заполнил в Новочеркасске / столица Донской Казачьей Республики, прим. ред. / площадь перед Собором, где стоит памятник Ермаку. Возле памятника стояла группа военных и гражданских командиров-коммунистов, решивших произвести экзекуцию над величественным символом былой казачьей славы.

-Вяжи!

Канат обвился вокруг голени Донского богатыря. Двое красноармейцев взобрались на гранитный пьедестал и торопливо обматывали бронзовую талию безмолвного великана. Казалось символическим сопоставление величия исторического прошлого, застывшего навсегда в художественном творении из камня и бронзы, и двух коленивших живых лигмеев, выполняющих волю тлетворного влияния безвременья. Зрелище привлекало своей необычностью всех проходивших. Толпа народа все больше и больше сжимала красноармейцев, движимая единым чувством, присущим всякому, не потерявшему нормальный человеческий облик. Как это назвать? Варварство, вандализм или еще хуже? Кто они, превращающие в безформенную груды одно из лучших художественных творений чело-

веческого гения, вдохнувшего в мертвую материю целую историческую Эпоху?

Чем вызвал ненависть у русских коммунистов великий завоеватель Сибирского царства, какие его деяния были не в унисон с теорией Маркса-Ленина, да и какое отношение имеет казачья историческая быль к абсурдной доктрине коммунизма-строить на развалинах прошлого новый мир?

-Тяни!-раздалась чья-то команда. Длинный ряд красноармейцев нахилился назад, ноги крепко уперлись в камни мостовой, сотни рук напряглись в едином усилии. Тысячи глаз впивись в неподвижную статую, стараясь уловить первое колебание, равносильное смерти. Канат натянулся, как струна. Ермак не дрогнул... Казалось, вид его стал еще более суровым и величественным, как на картине знаменитого художника казака Сурикова, изображающей битву Ермака с полчищами Кучума, где, как и теперь в живой картине представлено столкновение двух грандиозных сил, двух миров, двух стихий/большевизма и Свободы/.

-Раскачивай! Волной заколебалась линия красноармейцев и в ритм колебания поднимался и опускался канат.

-Качей! Раздраженно, как ударом бича, била по нервам команда экзекуторов. Удары человеческой волны становились все интенсивнее. Толпа заколебалась от напряжения чувств и все это людское море, казалось, разбивается о гранитный утес памятника. Нервы все напрягались, как канат; руки красноармейцев деревенели, ноги подгибались, а мрачная фигура бронзового великана упирается все сильнее и сильнее.

-Отставить!-Волна качнулась еще раз и застыла.

-Послать за тракторами,-командовал старейший из штатских.

Мрачное осеннее небо становилось темнее от набегавших дождевых туч, ветер рвал и метал последние листья оголенных тополей и, поднимаясь к золотым куполам Собора, только там смирал свой гнев на несуразность диких людей к светлому прошлому.

Тягостно было на душе людей, небожно ставших свидетелями каннибальских актов над историческим памятником прошлого Казачьего народа. Люди стоически приняли свою обреченность, от настоящего им нечего было ожидать доброго, такова извечная судьба побежденных, но, глядя на происходящее, они как то невольно связывали свое будущее с вопросом: устоит ли дорогой их сердцу памятник-Казак им суждено увидеть мертвые осколки, из которых не возродить его былой облик, а значит, и никогда не быть Казачьей Воле на своей потоптанной врагами окровавленной Земле.

-Тракторы! Тракторы!

Злобно скрежеца гусеницами, как будто негодую на применение их силы не по назначению, два огромных трактора иностранной марки, раздвигая толпу, приблизились к памятнику. Рядом с канатом стан Ермака обвила железная цепь. Рванулись железные чудовища, еще свирепее заскрежетали железные полотна гусениц, а Ермак как стоял, так стоит и поныне. Молчаливый психологический поединок между советской властью и символом исторического великого прошлого казаков-памятником Ермаку-продолжался недолго/цепи разорвались, нанеся ранения близ находящимся слугам красной Москвы/П.Н. Донской/.

Большинство писателей прошлого и современного не оставили нам определенного цельного мировоззрения и нам приходится самим выбирать между той радостью и той тоской и горестью, которые писатели одинаково изобразили жизнь в своих произведениях. Для разума нашего остается великое недоумение: и величие океанов, морей, гор и красота природы, то ликующей, то равнодушной со цветами весной и снегами зимой, мы не можем примирить все это с грустью и слезами с немолчным беспокойством озверевшего человека.

Если бы знать...если бы знать...вздыхают многие. Но мы не знаем. И тайна мироздания окружает нас. Роковой разрыв идеального и звериного угнетает душу. Порывы к вечному, которое лучезарно, проникающая мир Божья красота,-и плен у Смерти и ужаса; рабство у временного, пошлого и окаянного, которое так опасно для Духа!!! Через эту страшную бездну, через это роко-

вое звание пропасти может перекинуть мост одна только могучая Вера!

И знаменательно то несомненное, что не те, кто стоят на берегу и видят равнодушно чужую гибель, но сами гибнущие, сами страдающие все таки славят жизнь, считают ее прекрасной, хотя и запыленной, надеются на нее и питают к ней глубокое доверие.

Такова извечная Вера! Все на Земле терпеливо ждет слияния с Правдой и Милосердием. О, великое терпение Человечества! Оно верует, верует горячо и страстно, что если оно и не знало в своей жизни радостей и утомлено за свои долгие и страдальческие века, то наступит, наконец, Великий отдых Человечества! Будем верить!

Со смертью Ермака, Казачье Дело не умерло. Могучий духом Мецерак умел сохранить остаток войска. Он несколько отвел его на запад, дал ему отдых, оградил его укреплениями. Татарское население уже привыкшее к мирной жизни при Ермаке, почитало также могучаго богатыря не за его страшную силу, а за ласковое обращение к бедному населению, отказывалось от приказов князьков преследовать казаков Атамана Мецерака, а сам Кучум возбуждал к себе ненависть населения за то, что он сжигал улусы за их неподчинение. Среди татар возникло междоусобие, нашлись претенденты на ханский трон; были попытки на убийство Кучума, вследствие чего он вынужден был бежать в Бухару, где он был убит.

Гибель Ермака произвела страшно удручающее впечатление на казаков, которые, в числе свыше двух тысяч, не пошли в поход и остались в Сильве. Некоторые говорили: "по нашей вине погиб Атаман, мы как трусы скрылись под бабьими юбками, погубили честь казачью и вековую славу". И сперва десятки, а затем сотни потянулись на Восток, к войску Мецерака. Силы казачьи быстро росли. К ним из Северного поморья, где обосновались бежавшие после разгрома Великого Новгорода Иваном III новгородцы, а также поселившиеся там Донские казаки, бежавшие после погрома Дона ханом Мамаем в 1380 году. Все эти люди, прошедшие через тяжелую жизнь, сильные волею, закаленные в холоде Севера, прекрасные мореходы, также целыми ватагами потянулись на Восток, в сказочную богатую Сибирь, на ее широкие пространства, подальше от скайной Москвы. С ними потянулся и торговый люд, из той же новгородской и казачьей народной толпы.

На протяжении всего лишь десяти лет, казаки подчинили огромную территорию по Оби, Иртышу и Енисею, занятую кочевыми тунгусскими и самоедскими племенами/ненцами/. Самоедами они назывались не потому, что с, едали один другого, а потому, что жили за собственный труд, не обращаясь за помощью других племен и не прибегали к военным действиям, - "сами себя снабжали", а не занимались людоедством.

Царь Грозный зорко следил за развитием движения на Восток казаков-землепроходцев, ибо с уходом с Поморья Новгородцев и Казаков, с ними ввязались и агенты купцы Англии, ведущей с Грозным интенсивную торговлю через Архангельск. И английское правительство решило перехватить путь к сказочным богатствам Сибири, откуда, начиная с посольства Ивана Кольцо шли в Москву меха соборей и различного рода пушнина. А эти меха ценились выше золота. Грозный отлично понимал, что для колонизации просторов Сибири, народ Московии совершенно непригоден и посылать туда воевод со стрельцами, значит повторять бесцельно и позорно опыты экспедиций Ивана III и его самого. Даже посылка князя Болховского для подмоги Ермаку, кроме пре- да ничего не принесла, ибо сам Болховский не принимал участия в походах, его же "рать" в боях оказалась трусливой и ненадежной, и кроме того непри- способленной к холодному климату, почему стали быстро люди умирать. В об- щем эта "рать" оказалась для Ермака паразитарной: с, едали только хлеб.

И когда приближенные советовали все же царю послать огромную рать с вое- водой, то Грозный приходил в страшнейший гнев и с раздражением говорил, что все воеводы, взятые все вместе, не стоят и одного Казачьего Атамана Мецерака, которому он слал ласковые грамоты, в одной из них он назвал Ме- церака даже "великим атаманом", - Грозный был не только грозным, но когда

При дворе Грозного был аккредитован дипломат Англии Флетчер, очень умный и проицательный человек, предвидевший, что после смерти Грозного, когда не будет сильных сдерживающих начал, в лице дегенеративного наследника Федора, то Московское государство будет вовлечено в анархию, о чем он и доносил своему правительству.

С этим дипломатом Грозный любил беседовать откровенно, тот тоже отвечал ему той же откровенностью. И когда Флетчер указывал Грозному на необходимость смягчить политический режим, ссылаясь на конституцию Англии, то Грозный говорил, что русский народ, составленный из различных племен, еще не способен воспринять свободные учреждения государства и добавлял, что прожили мы восемь веков и нужно еще восемь, чтобы привести в порядок русский народ. Ведь это - скот, которым управлять нужно не деревянной, а железной палкой. Это определение повторил затем и Петр I.

Символом власти Грозного в действительности существовала не деревянная, а железная "кляка", с сильно заостренным концом, и когда Грозный не доверяя другим, допрашивал государственного преступника, то вонзал свою "кляку" в правую ступню ноги, а после допроса, иногда взбешенный, ловко пробивал клякой висок головы. Таким ударом он и убил своего старшего сына, дерзнувшего обвинить отца в бессмысленных жестокостях.

Когда же Флетчер указывал на республиканский образ правления казаков Дона, Яика, Терека и Запорожья, то Грозный говорил, что казаки - особый народ, они в веках срослись со свободой, и я с ними охотно сотрудничаю и не пытаюсь воздействовать на их республиканский образ правления, ибо они, защищая свою свободу, защищают и рубежи Московского государства. Но и казакам нельзя давать слишком широкую волю, т.к. дай им право, они сразу же превратят государство по их законам и традициям и окажут всех русских, что же тогда мне делать - царь? Объявить себя казачьим атаманом? - заканчивал царь, смеясь.

В "Очерках по истории русской культуры", историка Милькова, на стр. 97, довольно ясно указывается на беседы царя с Флетчером. Это изложено так: "Тот самый Иван Грозный, который дал национальным идеалам такую эффективную санкцию/преемственность Византийской империи/, в разговоре с одним иностранцем, не находил слов достаточно резких, чтобы характеризовать низкий нравственный уровень своих подданных. А когда его собеседник с недоумением напомнил царю, что и сам он русский, то Иван решительно ответил, что он вовсе не русский, а немец, т.к. происходит от Пруса. Немудрено, что последовательные националисты в XVII веке, порицали Ивана IV за его Западничество, вместо того, чтобы преклониться перед ним, как перед национальным героем народной легенды".

Нужно сказать, что сам то "русский национализм", тоже искусственный. Когда наследство передается от первой бессознательной древней поры ко второй уже сознательной, и когда этот национальный идеал воплощается среди более или менее единого этнически племенного народа, то таковой национализм можно считать нормальным, результатом воздействия которого и возникает среди народа чувства патриотизма. Но какой же "национализм" может быть среди государства, собранного методом кнута и крови и, вдобавок, превращенного в рабское состояние, из многочисленных племен, разделяемых не только по вере, обычаям, традициям, по языку, морали, культуре, по социальному устройству, но даже физическому облику? Ведь народная память о прошлом очень живуча, и даже через многие века какой-либо черемисе вспомнит, что он турецкого происхождения, мордвин - что он финского происхождения, новгородец или белорус, что они славянского происхождения и т.д., не говоря уже о поляках, латышах, литовцах, казаках или кавказских народах. И поэтому, мы знаем из многих исторических фактов о выступлениях так называемого "христолюбивого российского воинства" на внешних фронтах, на почве искусственного "национализма", под барабанный бой: "гром победы раздавайся, веселися храбрый росс", чувства "патриотизма" раздувались заманчивыми перспективами грабежа и насилиями побежденных народов.

Вот почему, царь Грозный, как один из многих правителей России, тонко понимал, что управлять сбродом, который он сравнивал со скотом, возможно только железной дубиной и довести этот конгломерат к государственному самосознанию через "восемь еще пеков"/но, кажется, что этот срок недостаточен/. Знал царь также отлично, что народ Московии очень силен в рабстве, и абсолютно слаб в свободе. Он говорил Флетчеру, что "русский" народ ленив, лукав, грязен, жаден, своекорыстен, жив и дай ему только свободу, то пере-режут горла друг другу.

Эту психологическую черту царя Грозного, в оценке социальных вопросов Московии, прекрасно усвоили от первого основателя большевизма, современ-ные коммунисты русские/большевики/и достойный ученик Грозного-Сталин, на своей кровавой практике, ярко доказал, что он-ученик-превзошел даже своего учителя/убил свою жену в своем кабинете/.

Перейдем к изложению исторических фактов о том, что же делали последо-ватели Ермака и Мецерыка в Сибири? 28 июня 1621 года казак Супонька Ва-сильев с товарищами привели с Нижней Тунгуски, из племени буляпей аман-та/заложника/, который рассказал, что племя их кочует по р. Оленек, близ боль-пой р. Лены. Там живут "большие люди", торгуют железом и соболями. Весть о богатствах всколыхнула всех. И тогда же был отправлен на р. Оленек отряд, во главе казака Ивана Коккоулина; к нему присоединился отряд казака Гри-гория Семенова. Коккоулину был наказ: "узнать у бурятов: сколько они силь-ны, какой бой у них/оружие/, какие уголья и земли и какой путь в землю их горней или водяной, на одном месте они живут или кочуют".

В начале 30-х годов часть казаков Коккоулина привезла 733 соболя.

Летом 1624 года, партия промышленников "русских" Ивана Зорина и Сидора Водяникова, пыталась проникнуть на Лену, но была уничтожена племенем пи-лягиров. Через 4 года такая же участь постигла патагу торговца Владимира Шишки.

Повидимому, метод подхода к племенам был различен между казаками и москвитями/"русскими"/, обычно набрасываемымися: "грабь награбленное".

В 1632 году сотник Петр Бекетов заложил на берегу Лены острог, сыграв-ший исключительно важную роль в освоении северо-востока Азии. На месте этого острога в 1686 году был построен семибашенный город Якутск.

Якуты были самым многочисленным и культурным народом Сибири. Занятие: скотоводство, охота, кузнечное, гончарное дело; жили в деревянных юртах. Социально разделялись на богатых и бедных. Якуты были очень воинственны и сперва отказались платить ясак. Собралось войско до 700 воинов. Произош-ло сражение, отряду Галкина и Хабарову пришлось отступить, но к весне гар-низон усилился. Боясь мести, участники восстания пытались бежать, но Гал-кин поехал в улусы и уговорил якутов покончить миром. Было восстание в 1637 и 1642 годах, когда вмешались "русские", но опять положение спасли казаки и летопись важно гласит: "Якутская земля подошла под царскую вы-сокую руку, в вечное холопство навеки и неотступно". Какое чванство за счет казачьих трудов и невинной крови. После якуты стали переходить в христианство, а казаки охотно жениться на якутках.

Якутские тойоны/князьки/, когда казаки стали зацедать якутскую бедноту, перенли к "русской" администрации и вместе с нею помогали "русским" воево-дам угнетать свой народ и покорять другие народности Восточной Сибири.

В 1633 г. Иван Галкин послал казаков Ивана Казанца, Михаила Стадухина и Постника Иванова с товарищами. В Жиганске собрался большой отряд. Воз-главил его казак Илья Перфильев, ему и принадлежит честь открытия морс-кого пути на Оленек и Яну. Собран был большой "ясак".

Соучастник, сперва Перфильева, казак Иван Ребров, проложил морскую доро-гу к устью р. Индигирки, одной из самых больших рек Сибири и завершился большими географическими открытиями. В челобитной царю Михаил Ребров пи-сал, что "преж меня на тех тяжелых службах на Яне и Индигирке не бывал никто".

В 1637 году был совершен первый сухопутный поход казаков на Индигирку,

во главе с казаком Посником Ивановым, они перевалили Алданские горы и достигли р. р. Яны и Индигирки, подчинив тунгусское племя ламутов, помилив здесь якутов с якугирами, враждовавших между собой. Поснику Иванову удалось морским путем добраться до устья р. Колымы.

Еще в 1636 году "для присеку новых земель" прибыл на Алдан отряд казака Дмитрия Копылова. Поставив зимовье, он стал собирать "ясак" с тунгусских племен, но многие из них уже платили в Ленский острог, и на этой почве между Томскими и Енисейскими казаками происходили кулачки.

Узнав от тунгусов о богатой собольими области "Ламы", что значит на языке тунгусов-море океан-Копылов послал туда 32 казака во главе с Иваном Юрьевичем Москвитинным. За отрядом увязалось много промышленных и торговых людей с Алдана. Москвитин направился по р. Мае, перепел затем на ее приток Юдожу и после двухмесячного плавания перевалил через хребет Джугджур. С истоков реки Улы казаки прошли до берега Охотского моря. Казак Иван Москвитин и его сотоварищи были первыми, достигшими Великого Тихого океана.

На берегу океана они основали зимовье и построили суда. Походы совершали по побережью. Собирали сведения о населении, его численности, о природных богатствах. Местное население сообщило казакам о большой и славной реке Амур и достигли ее устья, узнали о Шантарских островах и о Сахалине, на которых живут, по рассказам тунгусов, бородатые люди охотники. О всем замеченном Москвитин составил ценное описание. Особенно интересны описания его помощника Нехорошко Колобова. Касаясь рыбных и пушных богатств края, он писал: "А те де реки собольные, зверя всякого много и рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку кумжа, голец, кета, горбунья столько де ее множество, сколько невод запустить и с рыбой никак не выловить. А река Охота быстрая, и ту рыбу в той реке быстротою убивает и выметывает на берег, и на берегу ее лежит много, что дров".

Поход Москвитина к Тихому океану завершил общее легендарное движение, начатое гением князя Сибирского "Ермака. Территория-Гигант, протянувшаяся от Уральских гор с Запада на Восток на четыре тысячи верст, была пройдена, обследована, обстоятельно описанная казаками всего лишь за 60 лет. Вот это, действительно, славный путь настоящих колонистов, которые, воплотив метод Великого Атамана Ермака и его мудрость "Донского присуда", что всяк всякому рабень почти без сражений и крови, а лишь сердечным отношением к поработенным князьками племенам, дали возможность России приобрести страну-сказку, за что эта Россия отплатила казакам черной неблагодарностью, а местному населению-рабство.

Возникает естественный вопрос: стоило ли казакам покорять огромную страну, нести великие трудности, опасности, гибели от холода, а иногда и голода во льдах и бурях и, приходится со страшным душевным надриком ответить: НЕ СТОИЛО!

Люди "русские"-скоты, как их именовал Грозный, а затем и Петр I, недостойны оказались этого великого подарка.

И вот, в 1638 году из Москвы на Лену поехали царские воеводы: стольник Петр Головин, Матвей Глебов и дьяк Ефим Филатов "володеть и править". Обоз этих будущих грабителей и взяточников растаял по всей Сибири. Воеводы двигались медленно из "страха пудейского" и прибыли в Якутск лишь через три года. Теперь, отдельные казачьи отряды, посланные на р. Лену, невольны уже были собирать "ясак" по своему усмотрению. Якутским воеводам поручалось всемерно "заботиться" об открытии новых земель и подчинении новых народов.

Так называемая "десятинная казна" составила за 1638-1640 г. г.: 12.573 соболя, ценой 19.642 рубля/если эту цену перевести на современную, то пришлось бы приставить еще четыре нуля, что составило бы 196 миллиардов/, а за 1640 год сбор дал: 23.969 соболей, 24.377 соболиных пупков, 398 хвостов, стоимостью 28.331 рубль. Грабеж начался... Еще в 1633 году казак Ерофей Кабаров организовал на реке Куте, притоке Лены, большую солеварню;

под Якутском начались поиски железных руд. Силами ссыльных/и таковые появились/и промышленниками возделывались паши для снабжения хлебом казачьих гарнизонов за их же счет, путем продажи.

В 1643 году отряд казаков Пояркова припел на Амур. Страна эта, изобилующая рыбой, скотом, хлебом и овощами, а также зверьями показалась сказочной. В 1650-1653 г.г. отрядом казака Ерофея Хабарова было окончательно освоено все Приамурье.

Ленские казаки сложились еще до основания Якутского воеводства. В трудных походах они прошли отличную боевую школу. Они из, ездили вдоль и поперек Землю, знали "всякие водные и пешие пути", исследовали "новые реки и землицы". За службу казаку выплачивалось жалованье на год: 5 рублей, пять с половиной четвертей ржи, четыре четверти овса и один и три четверти пуда соли, что не хватало одному казаку, а многие обзавелись семьями.

Казачья служба проходила на далеких службах, в от,ездах на дальние реки, в походах. Привычным было переносить холод, голод, нужду, отказывать себе в самом необходимом. Борьба с суровой природой закалила казаков, а по натуре они были смелы и мужественны. Только таким людям было под силу совершить великие дела открытия Сибири и этими подвигами должна была бы гордиться даже дикая "Русь", но этого не было ни тогда, ни теперь. Но все же большим событием в жизни казаков было разрешено царем Михаилом подавать ему непосредственно "челобитные"/прошения/о своих "нужных службешках". Это был единственный способ получить награду или повышение в чине. Подавались челобитные даже на несправедливости воевод.

Еще летом в 1638 году на Лену прибыл отряд Енисейских казаков сотника Петра Бекетова. Среди рядовых чинов был Семен Иванович Дежнев - потомок тех Донских казаков, которые после погрома хана Мамай на Дону, бежали на Беломорье, где осели на р. Пинеге. Вот оттуда то Дежнев и появился в Земле "князя Сибирского".

В 1640 году батурские якуты совершили набег на соседей мегинцев, уводили коней, коров и убивали людей. Потерпевшие обратились к Атаману Осипу Галкину за помощью, который был заинтересован в мире племен, ибо нарушалась задержка "ясака" - государевой дани. Галкин, зная волевого и мудрого в этих делах Дежнева, послал его с наказом: "разделить их без порчи и без драки". Лишь в крайнем случае применить оружие. А казакам говорил: "издичи дорогое иноземцам обид и насильства не чинить, никоторого дурна не творить и к ним иноземцам напрасно не приметываться". Дежнев с задачей прекрасно справился. Таким образом, мы видим этого казака в большой роли примирителя племен и ему и в дальнейшем приходилось выступать и каждый раз его настойчивый и волевой характер, при наличии сильной обаятельной фигуры, побеждал. В особенности было трудно утихомирить восстание якутов. Удачные походы "мира" оказали большое влияние на дальнейшую судьбу Дежнева. Его заметили и он стал получать ответственные задания.

Дежнев в 1641 году был назначен служить на реку Оймекон, самое холодное место Земного шара, где морозы доходили до 60 градусов по Цельсию.

Отправляясь на Оймекон, Дежнев подал "челобитную" царю: "оружие, одежду, обувь и хлеб казакам опять пришлось покупать за свой счет во всяком служебном под,еме" стал нам, холопам твоим по 150 рублей". С Оймекы Дежнев прислал ясак полностью.

17 июля 1642 года на Лену припел из продолжительного плавания по морю, казак Елисей Юрьевич Буза и рассказал о богатствах "новых землиц". Знаменитый мореход, кроме государевой казны, привез 1.080 соболей, 280 соболиных опилок, 4 соболиных пубы, 9 соболиных и лисьих кафтанов, а также сведения о том, что у устья р. Нероги, впадающей в море, недалеко в горе - серебрянные руды. Интерес к серебру был общий, т.к. на основе медных монет произошел даже в Москве "медный бунт" населения, - трудно было таскать медь в мешках.

О реке Нероге, однако, временно забыли, а устремились к большой реке на

Востоке и о ее богатствах-Колыми, куда Михаил Стадухин и Семен Дежнев и прибыли, соединившись с отрядом казака Дмитрия Зыряна-душей этого смелого предприятия, которое дало возможность получить достоверные сведения о северо-востоке Азии, что земля, лежащая к Востоку от Лены, гиганским выступом уходит в океан, который омывает ее с двух сторон. И через год Стадухин и Дежнев, идя по течению р. Индигирки, достигли "Студеного" моря-океана и, пробравшись сквозь льды, еще дальше на северо-восток, услышали от колымских жителей, что истоки этой реки находятся на "камне"/хребте/ и что за ним течет река Чендон/Гижига/, впадающая в море. Добраться до конца этого гигантского "камня"-горного хребта стало заветной мечтой казаков Зыряна и Стадухина. Но им не суждено было побывать на самой крайней северной точке "камня". А удалось лишь казаку Семену Дежневу. И тогда он вырастает в величественную фигуру энергии, воли и великой цели географического открытия "мыса Дежнева".

Стадухину вместе с Дежневым также удалось открыть против устья Яны и Индигирки остров "Новой Земли".

Казаки-мореходы ездили на судах, которые назывались "кочами". Это-деревянные однопалубные, с одной мачтой, морские корабли, хорошо приспособленные к условиям плавания. При хорошей погоде мореходы совершали на кочах далекие рейды, пересекая бухты и моря. У них был компас, который назывался "маткой"/которая ведет и направляет/. Имелся при "коче" и лот, облегчающий им плавание вдоль берегов, в местах с чрезвычайно неровным морским дном, лот указывал глубину. Делались "кочи" из сухого соснового леса, упругого и гибкого при сжатии льдами. В длину судно имело 18 метров, в ширину 4 метра, поднимало груз 2.000 пудов. Экипаж 10-15 человек. Ходили "кочи" под парусами 13 метров высоты и 8 ширины, был якорь.

Отправляясь в поход на море, где "кручины великие и ветры страшные раздирные", казаки брали запасных 2-3 паруса и инструмент: долота, скобки, топоры, сверла, пилы, гвозди. Легкий и послушный коч на волне все же был неустойчив во время бури, требовалось страшное самообладание и отвага. Морские экспедиции между Леной, Колымой и Анадырем, на протяжении почти в 6.000 километров, т.е. примерно равного пути из Европы в Америку, совершались казаками. По трудности и опасности этот морской путь нельзя сравнить с Атлантическим. Здесь царствует ледяная стихия. Лед нагромождаясь друг на друга, каждый миг может стать роковым для судна и экипажа. Моря полны подводных мелей, скал.

Летопись морской истории сохранила имена людей совершивших этот величественный подвиг... Их сотни.

Наиболее прославился смелыми походами казак Иван Ребров. Его товарищ Тимофей Булдаков, один из первых водил караваны судов от устья Лены на Колыму. В 1650 году он предпринял полное героизма плавание по морю Лаптева.

Чтобы иметь представление, что такое за люди были казаки Ермака и их последователи, приведем пример из жизни Булдакова. В 1649 году он повез жалованье казакам из Якутска на Колыму. Лето он плыл вниз по Лене и зимовал в Жиганске, на другой год к июню дошел до моря; к концу августа просекаясь сквозь льды, доплыл до Святого Носа, так назывался мыс между Яной и Индигиркой. В море стояли большие льды. Начались "ноче-мержи"/смерзание воды/. Против устья р. Хромой пять кочей вмерзли в лед. Вместе со льдом их понесло в море и земля скрылась. Когда лед стал держать человека, казаки разошлись искать Землю. Шторм сломал лед и пять дней снова носил по морю. Люди болели цингой. Из помятых льдом кочей вынесли запасы. Решили льдами идти на Землю, но Булдаков не хотел кинуть казну, порох, свинец и медное казачье жалованье. Их тоже понесли на себе. Шли девять дней, через разводье сделали нарты и лыжи. Так добрались до зимовья возле Индигирки, но купец Стенька Воропаев попрятал свой запас пудов 50 хлеба и выкупил весь корм у туземцев, чтобы никто не мог накормить казаков/узнаем "христолюбивую" русскую душу, - тут русский дух, тут Русью

пахнет"/.

Люди Булдакова просили хлеба, давая на себя кабалы, скидали с себя одежды, и Воронаев... "смилоствился": продал немного муки по пять рублей за пуд. За эту баснословную, по тем временам, цену можно было построить пять городских банень.

Булдаков прожил на Индигирке до великого поста, кормясь корой и выпрошенной у туземцев вколкой-мерзлой рыбой, но все-таки пошел и добрался до Колымы и выдал служилым казакам жалование за два года. А за год до того, казак Семен Дежнев выплыл из устья Колымы/двенадцать лет служил в Сибири и выслужил в сибирских стычках девять ран/. В море, за Колымой, буря понесла коч Дежнева. Земля, тянувшаяся бесконечной грядой с Запада на Восток, от самого берега по морю и еще дальше, внезапно оборвалась. Море повернуло на Юг, и уже не над скалами, а над волнами чертило Солнце свою низкую дугу. Красная неширокая дорожка бежала по волнам к Солнцу. Ток воды, словно невидимая река, понес Дежнева по тому открывающемуся морскому пути за Солнцем к Югу. Пройдя проливом, долгое время спустя/80 лет/, названным не очень справедливо-Беринговым, Дежнев сделал великое географическое открытие: доказал, что Азия не сливается с американским материком. А в это время другой казак Ерофей Хабаров, шел на четвертую великую азиатскую реку Амур, места которой называли казаки "подобно райским".

Раньше, чем отправиться с Дежневым в опасное путешествие, вдоль незнакомых берегов Чукотки, казаки проплыли более трех тысяч километров по морю Лаптева и Восточно-Сибирскому, т.е. примерно половину расстояния, пройденного моряками Колумба, без страшных льдами и бурями.

В документах Дежнева встречается целый ряд наблюдений над условиями плавания у берегов далекого северо-востока. Наметанный глаз Дежнева, подметил самые существенные признаки северо-восточных морей с их ледовитости, о двух океанских водных потоках и их противоположных течениях. Такими наблюдениями не обогатили ни Колумб, ни Васко-ди-Гама, ни даже Магеллан, который открыл Южный пролив, связывающий Атлантический океан с Тихим.

Поход по Великому "морю-скиану", от устья Колымы начался 20 июня. Три месяца Дежнев плыл по Чукотскому и "Беринговому" морям, не встречая льдов. После бури, серьезно потрепавшей его в районе Шелагского мыса, "первого Святого Носа", Дежнев продолжал путь.

1 сентября суда Дежнева достигли мыса, ныне носящего его имя. Это был самый восточный мыс Евразийского континента. Здесь обрывался гигантский кряж Чукотского хребта. В 80 километрах отсюда, через узкий пролив, разделяющий континенты, начиналась Америка и сходились воды Ледовитого и Тихого океанов. Дежнев продолжал свой путь в направлении на Анадырь. Едва скрылся берег, налетела буря, разметавшая суда, вспоминал затем Дежнев: "на море разнесло нас без вести". Остался один коч и бурей был выброшен на берег 10 октября, осталось всего 24 казака. "И пли мы, - пишет Дежнев, - все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны и босы и попали на Анадырь реку, рыбы добыть не смогли, лесу нет и с голоду мы, бедные, прозь разбрелись".

На "новой реке" казаки/осталось 14/чувствовали себя полными хозяевами. нигде-ни в верховьях, ни в низовьях-не было русских. В один весенний день 1650 года, казаки увидели упряжки собак и оленей. Перегоняя друг друга и что-то крича на ходу, к зимовым приближались люди. Это был отряд казаков Стадухина.

В 1652 году Дежнев, после завистливого Стадухина, с прибывшими мореходами Никитой Семеновым, Артемом Солдатовым, Кокосулиным, Василием Бугор, поплыл вниз по Анадырю, достиг моря, где располагалась "корга"/отмель/, дежневцы ахнули: на отмели лежали, подобно большим дровам, моржи. А клыки их и моржевая кость ценились на вес золота. Летопись гласит: "Открытие Дежнева и Семенова принесло царскому двору большую прибыль и надолго удовлетворило его".

Приближалась четвертая годовщина пребывания казаков на Анадыре. В "государевом амбаре" скопилось не мало соболей, лисьих шкур, сотни пудов моржовой кости. Еще два года странствовал Дежнев по северо-востоку, но в 1662 году его потребовали в Якутск. 20 лет прошло с тех пор, как Дежнев выехал из Якутска. Большой, трудный, но славный путь проделал он. Дежнев привез с собой большую "костяную казну" - 159 пудов. Это было огромное состояние.

На Дежнева возложили обязанность громадную "государеву казну" соболей, лисиц и прочую пушнину и кость моржа, отвезти лично в Москву. Какие порядки были, видно из того, что Дежневу не было уплачено жалованье за 19 лет. Всего причиталось Дежневу 128 рублей. Эта сумма была настолько значительная, что по этому случаю был составлен на "челобитную" Дежнева "доклад" бояр. На следующий день получил Дежнев 38 рублей 22 алтына и 3 деньги, да сунами - две половины темных и вишневых мером 97 аршин с четью, по цене 86 рублей 17 алтын, а за 31 пуд кости царь распорядился выдать "против его челобитья" соболей на 500 рублей.

Было бы смело думать, что царь оказал милость Дежневу, выдав такую громадную сумму. Моржовая кость, добытая трудами казака, стоила 17.340 рублей.

Дежнев подал еще "челобитную" о своей долгой службе. Через 12 дней состоялось царское решение: давать жалованье 9 рублей, 7 четвертей ржи, 4 четверти овса, 2 пуда соли в год. Якутскому воеводе была направлена грамота о назначении Дежнева атаманом.

Еще долгое время служил Дежнев в Сибири. И снова был назначен везти "государеву казну". 25 декабря, проделав путешествие, продолжавшееся полтора года, Дежнев прибыл в Москву, а в начале 1673 г. скончался в Москве этот великий казак-мореход. После него остались два сына: Любим и Афанасий.

Во имя исторической справедливости, надлежит привести хотя и не полный список казаков-землепроходцев по Сибири, но хотя бы самых замечательных. Вот они по алфавиту:

- 1/Абакайда Сичь-первая жена С.И.Дежнева.
- 2/Алексеев Третьяк.
- 3/Анкудинов Герасим.
- 4/Арбутов Иван.
- 5/Артемов Сергей.
- 6/Баранов Иван Авраамович, построивший форт на Аляске.
- 7/Беляна Иван.
- 8/Борисов Степан.
- 9/Бугор Василий, вождь восставших казаков в Якутске против воров воевод Головина и Пупкина.
- 10/Буза Елисей-десятник.
- 11/Булдаков Тимофей.
- 12/Бурлак Василий-пятидесятник.
- 13/Бутаков Игнатий-пятидесятник.
- 14/Васильев Дмитрий.
- 15/Васильев Супонька-пятидесятник.
- 16/Ветонка Федот.
- 17/Вильей Степан.
- 18/Ворыпаев Никита.
- 19/Гаврилов Второй.
- 20/Галкин Иван, казачий атаман.
- 21/Галкин Осип-казачий атаман.
- 22/Горелов Андрей.
- 23/Григорьев Лаурентий.
- 24/Грицков Иван.
- 25/Дежнев Афанасий-сын С.И.Дежнева.
- 26/Дежнев Любим-сын С.И.Дежнева.
- 27/Дежнев Иван-племянник С.И.Дежнева.

- 28/Дежнев Семен Иванович-казачий атаман.
- 29/Дунай Константин.
- 30/Ерастов Иван.
- 31/Ермак Тимофеевич-Атаман Казачьих войск.
- 32/Зырян Дмитрий-руководитель морских походов.
- 33/Иванов Курбат-казачий сотник.
- 34/Иванов Посник.
- 35/Иванов Шалам-пятидесятник.
- 36/Казанец Иван.
- 37/Козлов Прокофий.
- 38/Коккоулин Бажен.
- 39/Коккоулин Павел.
- 40/Колобов Нехорошка.
- 41/Калуга Прокопий.
- 42/Кондратьев Никита.
- 43/Кольцо Иван-казачий атаман-помощник Ермака.
- 44/Краснояр Прокопий.
- 45/Лама Ларсон.
- 46/Метлик Иван.
- 47/Мецерак-Атаман Казачьих войск, после Ермака.
- 48/Мокрошубов Панфил.
- 49/Москвитин Иван-руководитель первого похода к побережью Охотского моря.
- 50/Мотора Семен-глава сухопутного отряда, от Нижне-Колымска до Анадыря.
- 51/Немчин Роман.
- 52/Никитин Аника.
- 53/Никитин Устин.
- 54/Осипов Артем.
- 55/Пермяков Андрей.
- 56/Пермяк Фома.
- 57/Пермяков Яков.
- 58/Перфирьев Илья-пятидесятник.
- 59/Петриловский-казачий атаман.
- 60/Пинега Иван.
- 61/Проклов Кирил.
- 62/Пулаев Иван.
- 63/Ребров Иван Иванович.
- 64/Рожа Елисей.
- 65/Семенов Григорий-пятидесятник.
- 66/Семенов Никита-друг С.И.Дежнева.
- 67/Серебряник Остафий.
- 68/Сергеев Иван.
- 69/Солдат Артемий.
- 70/Сорокоумов Семен.
- 71/Стадухин-казачий атаман.
- 72/Стадухин Нефед.
- 73/Суздальцев Кузьма.
- 74/Телицин Максим.
- 75/Филиппов Данила.
- 76/Фофанов Григорий.
- 77/Хоритенов Селиван.
- 78/Хабаров Ерофей-по имени которого назван город Хабаровск.
- 79/Хомяк Третьяк.
- 80/Чистяков Дружино.
- 81/Чикичев Федор.
- 82/Чурка Федор-пятидесятник.
- 83/Чуфарст Семен.

- 84/Шелковник Семен.
85/Шестаков Андрей.
86/Шукин Петр-спусник Дежнева.

ОСОБЫЕ ПОДВИГИ КАЗАКОВ-МОРЕХОДОВ.

В 1779 году, один из бесстрашных казаков, сотник Иван Кобелев, с партией таких же отважных казаков, решил отыскать новую "Большую Землю", которая, по рассказам жителей на крайнем Востоке лежит за "окияном".

Построив большие кочи, удальцы, совершив молебствие, двинулись на Восток по компасу. В океане их настигла буря и они были выброшены на один остров/Гвоздецкий/. У местных жителей они узнали, что на берегу "Большой Земли", в деревне Книговой, на реке Хеупереи, живут какие-то люди, они носят бороды, поклоняются иконам и молятся по каким-то своим книгам. Казаки решили найти этих "бородачей", а сотник говорил, что это безусловно наши братья, казаки, которых занесла буря, и отряд двинулся. Прибыв к деревне Книговой, они были радостно встречены "бородачами", которые оказались потомками казаков, из экспедиции Семена Дежнева, когда у него бурей разнесло все кочи в разные стороны и он доносил: "изгибло 667 человек и без вести стали" в 1648 году. Таким образом была открыта большая Земля-АЛЯС-КА. Сотник Кобелев с партией остался на Аляске, куда стали переселяться казаки с Чукотского полуострова и Анадыри, образовал большую станицу.

Страну Аляску Российское Правительство продало за 19 миллионов Соединенным Штатам Америки, абсолютно забыв из этих миллионов уделить хотя бы тысячу рублей на постройку памятника сотнику Кобелеву, а преемники этого правительства за то, что казаки, мирно освоили всю богатейшую Сибирь, стараются физически уничтожать казаков, чтобы их труды присвоить самозванному "русскому народу".

Из Аляски казаки большими партиями проходили до границ даже Мексики, и на месте нынешнего города Сан-Франциско, они построили свой хутор, под названием "Добрая травка", по испански Хибра Буена.

В 1697 году Атаман Владимир Атласов с двумя помощниками: Лукой Морозко и Данилой Андиферовым, а с ними 60 казаков, решили поискать новую "Землицу" на Востоке.

С большими трудностями, с обозом на оленях, они перевалили через Становой хребет и вошли в совершенно неизвестную местность для европейцев, к Панжинскому заливу, где произошло столкновение с местными жителями экагарами. Сам Атласов был ранен и с ним 8 казаков. Когда раненные поправились, то Атласов рекою Тачиль на кочах добрался до Камчатки.

В 1700 году, по распоряжению из Москвы, Атласов получил средства и в помощь прибыла сотня казаков с малыми пушками и со знаменем, и двинулся дальше, в невероятно трудных условиях, этот, как его называли "Камчатский Ермак", в три года прошел всю Камчатку, завоевал ее всю и мирно освоил ее, сделал подробное описание этой большой Земле. Казаки устроили там Большерецковский городок и построили церковь, куда и прибыл вскоре архиепископ Мартиан и казаки устраивали свой "Круг", молебствия и вынос Знамени.

В 1706 году есаул Козыревский с 55 казаками с Камчатки пропедал Японскую Землю, захватив два северных Курильских острова, взял с японцев "ясака", а пленных с ясаком для доказательства, отправил в Москву.

Казаки на Камчатке жили самостоятельно, по своим казачьим обычаям, пока жадная Москва не узнала.

Первыми казаками в Китай проникли Донские казаки Бурнап Ялычев и Иван Петров, как послы царя Грозного, недоверявшего своим боярам.

В 1642 г. казак Василий Поярков, а за ним Ерофей Хабаров в 1649 году построили по Амуру 7 городков, с главным городом Албазин, назвавши эту местность "Даурским Краем".

В Албазин прибыл всевода с ратью. Китайцы атаковали город, и вся "рать"

отдавши город, бежала во главе с воеводой. Тогда казаки снова взяли Албанию и целый год защищали героически от непрерывных осад китайцами. По Нернскому договору, при царице Софии в 1689 году, "Даурский Край" перешел к Китаю. Всех захваченных казаков китайцами не только не убивали, а с большими почестями отправили в Пекин и из этих, как говорили китайцы: "храбрых, как тигры, казаков", был сформирован отряд "Желтого Знамени", женили их на китайках и поручили им охрану Великой Китайской Стены, давши разрешение молиться по православному и в школах изучать церковно-славянский язык для совершенства церковных служб. Таким образом, Китайцы оказались более культурными и более признательными к храбрым казакам, чем грубые, жесткие московиты/"русские"/, обычно за труды и подвиги отвечающие черной неблагодарностью.

Казаки в северо-восточной окраине построили Успенский монастырь. А, вообще, всюду, где бы не оказались казаки в Сибири, они строили церкви, по обету Атамана Ермака, сказавшего: "искони всеведец христианский Бог нап предповеле проповедати св. Евангелие и Животворящий Крест-в концы Вселенной". Вот, почему, епископ Киприан и ходатайствовал о причислении Ермака к лику святых.

Заканчивая Первую часть своего исторического труда "Казачий Народ", я не могу стрепиться от изложения тех глубоких духовных переживаний, которые порой охватывали мое существо. Иногда в тиши ночной, в тише глубокой, вдруг, как на яву, являлись дивные образы былого Казаков. И я понимал, что сказание мое о родном народе должно быть, как прекрасное дитя вдохновения, в ее искренних и простых помыслах. Что оно должно быть написано в стиле, внутренне сочетающем объективность Истории и ее Лирику; самый неприкрашенный реализм и душевную романтику; глубокий восторг перед величайшими подвигами в былом, родного Казачьего народа за святую Свободу и великую Скорбь его до высот Голгофы включительно.

Порой в своих думах и глубоких чувствах, вглядываясь в космическое целое, я невольно подсознанием замечал в нем такие детали и слышал такие тоны Казачьего Духа, которые для слуха менее тонкого, смыкались раньше в одно целое, и поэтому мир, казался, исчерпанный разворачивался перед моим духовным взором иными картинками. Мы слишком субъективны в своей оценке реальности: великое и важное иногда может быть не таково в общем строе существования и наоборот, иногда мелкое значительно. Для меня ставился вопрос: почему многие народы создавали и создают рабство, а Казачий народ, на протяжении тысячелетий, жертвенно стремился к святой Свободе, ставя ее выше своей личной жизни, вместе с тем не посягая на Свободу других народов, а часто и защищая их интересы.

Мир полон событий, не тех ярких и громозвучных, которые только и выводят людей из сонного равнодушия, чувствительно задевая их. Нет, важно все, что происходит, оттого, что все Космично и есть голоса в Типине. Вселенная говорит и, крикнув к ее сердцу, которое бьется везде, мы слышим ее несомкнувшую речь о величии Обще-человеческого Идеала. В жизни Мира полно смысла каждое движение. И если до нас доносятся сумеречные отблески сражений, крики победителей или стоны побежденных или крик матерей около трупов детей их, то это не безразлично ни для природы, ни для души, - это факт, мимо которого вы не пройдете, коль скоро своим проводником по жизни вы избрали свою неуспяющую совесть. И когда, в порыве выпренности, Дух парит в сфере вдохновенной Интуиции, стрепившись, как бы, от земной тяжести и, оглядывая все былое своих доблестных предков, в их конных движениях по широким степям, горам Кавказа, их атаки в защите своей Свободы, или группы кочующих, ночующих под открытым небом в балках, спасающихся от жадного врага; пылающие поселения вокруг, трупы, дым и смрад да стаи черных ворон, то точно видишь перед собой тот солнечный ореол, который в благодолитвенной игре своей озаряет всю эту человеческую Муку и Скорбь, но вместе с тем сближает в великом равенстве своего Солнечного Золота, далекое доблестное Казачье прошлое и грустное, недавно прошедшее.

Пусть смутное настоящее не так блестяще и, как бы, закрывает чистые миры былого, но все равно в глубинах казачьих душ, как в глубине моря, великое прошлое жило, живет и будет жить. И даже если суетные ветры жизни для немногих и умчат блистательный образ древнего Казачьего народа, но той героической поэзии, которая была, не сотрет в душах никакая сила!

/Конец первой части/.

О Г Л А В Л Е Н И Е :

	<u>Стр.</u>
Предисловие.....	7
Биография автора.....	11
Юность казака.....	13
Родина Казачьего Народа.....	24
О древнем происхождении Казачьего народа.....	29
Древний период.....	31
Боспорское царство.....	37
Аланы.....	39
Болгары.....	39
Средние века от IV столетия-Хозары.....	40
Печенеги.....	44
Торки.....	44
Славяне.....	46
Мадьяры-угры.....	49
Пояснение к этнографической карте эпохи Хозарской Федеративной державы.....	50
Руссы.....	51
Происхождение Руси.....	53
Еще о Томотороканском княжестве.....	65
Половцы-команы или куманы.....	66
Казачий народ в эпоху татарской оккупации.....	67
Бродники.....	73
Еще о татарах.....	73
Первый ярлык.....	75
Сила Московского государства.....	77
Великий исход Казачьего народа.....	78
Возвращение казаков на родные пепелища.....	81
Средне-азиатские казаки.....	90
Процесс образования Московского государства.....	94
Колонизация Юга.....	118
Великий казак Тихого Дона Ермак Тимофеевич.....	120
Особые подвиги казаков-мореходов.....	141